

СМЕТЬ

№ 2 (1408) апрель 1987

ISSN 0131

Перед
присягой.

ОТКРОВЕННО
О
НЕРЕШЕННОМ.

НАУКА XXI ВЕКА —
КРИОГЕНИКА.

МОЛОДО

Алексей ПЕШКОВ,

заместитель начальника инструментального цеха
производственного объединения
«Павлодарский тракторный завод»,
делегат XIX съезда ВЛКСМ

Навстречу
XXVII съезду
КПСС

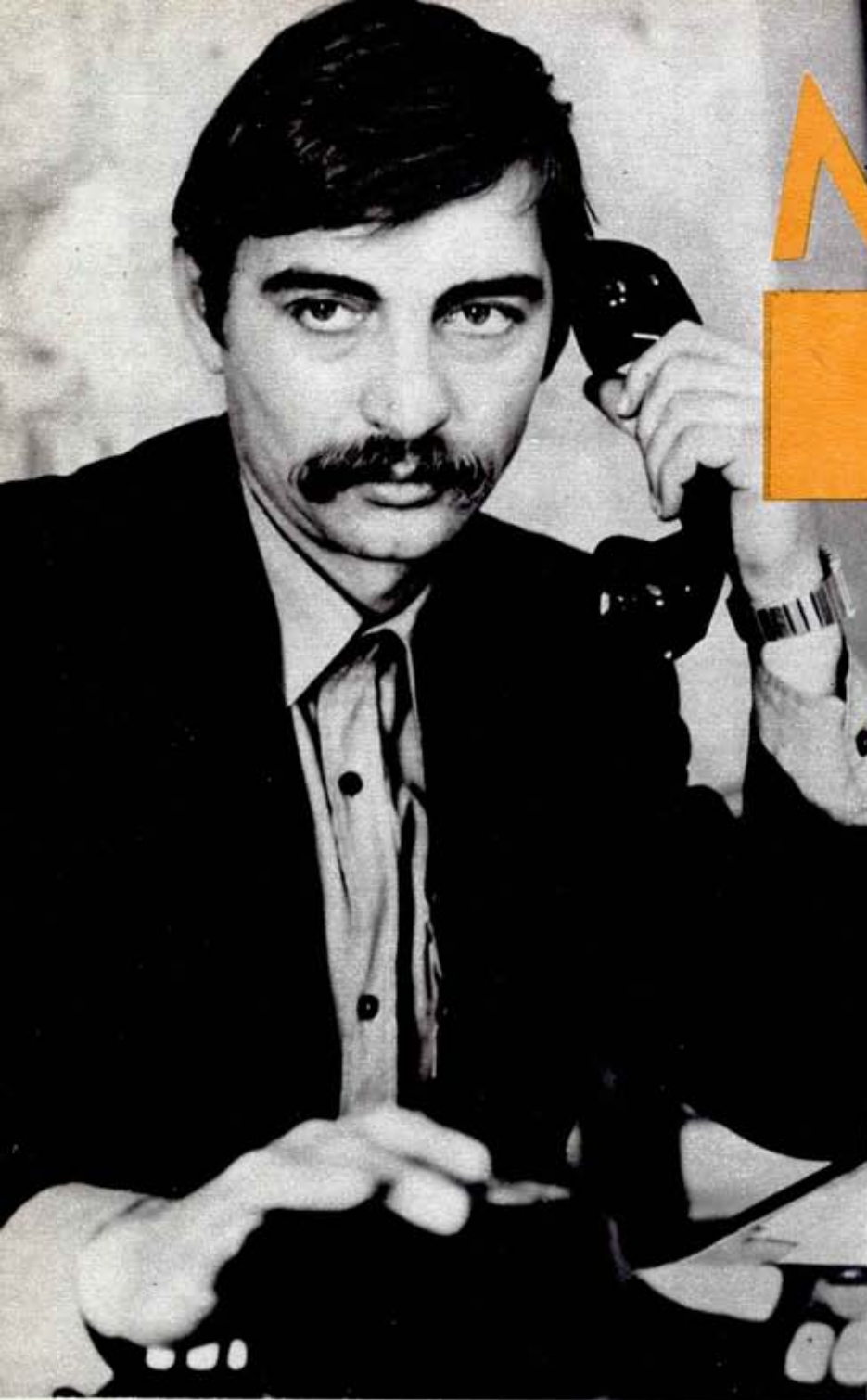
**Критически,
требовательно,
конструктивно
ставят вопросы
молодые коммунисты,
готовясь
к партийному съезду.
Это закономерно:
человек,
умеющий спросить
строго с себя,
подходящий
с высокими мерками
к своей работе,
не стесняется спросить
так же и с других.
Он чувствует за собой
это право.
Ответственность
и требовательность
неразделимы.
Наши читатели
поддерживают такой
подход.**

документы в технический вуз. Простой вопрос: знает ли кто, сколько инженеров, техников нам нужно? Читаю в «Правде» статью министра высшего и среднего специального образования СССР и убеждаюсь: никто не знает. Оказывается, «в отраслях народного хозяйства мало занимаются изучением перспективной потребности в специалистах». Одна цифра меня прямо-таки потрясла: более семидесяти (!) союзных и республиканских министерств несколько лет не могут выполнить поручение правительства — разработать и ввести в действие нормативы насыщенности своих отраслей кадрами с высшим образованием. Подозреваю, ведомства так долго «тянут резину» потому, что жесткие нормативы хозяйственникам невыгодны. Сейчас, при избытке молодых специалистов, можно вольготнее ими распоряжаться: бросать на латание «узких мест» производства, использовать «на побегушках», посылать на овощные базы и так далее. А при научно обоснованных нормативах пришлось бы пересмотреть организацию труда инженеров, методы управления производством. Но это хлопотней, чем дать завышенную заявку на молодых специалистов. Немудрено, что работа на заводе приносит немало разочарований: человек готовился к творческому делу, самостоятельности, участию в решении важных задач, а заниматься приходится примитивными, чисто техническими поручениями.

Так откуда же в технических вузах будут конкурсы? Вы посмотрите: почти в любом городе есть теперь такие институты. (Тут, кстати, возникает и другая проблема: где взять столько высококвалифицированных преподавателей?) Они вынуждены принимать далеко не самых сильных выпускников школ. Троечников и то берут — выбора нет! А потом мы удивляемся, откуда появляются инженеры-«середины», инженеры-полужайки.

Конечно, добросовестный студент — если есть способности, желание, инициатива — немало получит в вузе и при теперешних условиях, когда обучение волей-неволей ориентировано на «средняка». Я не отнес бы себя к самым недобросовестным. Во всяком случае, к моменту окончания института прилично разбирался в высшей математике, технике, технологии, чертежах и прочих технических бумагах. В то же время на заводе мне очень многое пришлось осваивать буквально с нуля. Начинать работу довелось, как и большинству моих сверстников, в должности сменного мастера. Вот тут-то я и почувствовал, как мало у меня умения работать с людьми, с коллективом участка. Институт в этом плане ничего не дал. И я про себя досадовал: почему наряду с изучением специальных дисциплин в учебной программе для будущих организаторов производства нельзя отвести место социологии, психологии, проводить деловые игры, моделируя конкретные рабочие ситуации?

Вот конкретный пример. Молодой мастер указал пожилому рабочему: ты не так делаешь деталь, будет брак. Рабочий ответил... довольно грубо, скажем

В первом номере «Смены» молодой рабочий из Ленинграда Юрий Кортунов, размышляя о том, что удалось сделать за минувшую пятилетку, отметил очень важное: начался перелом в умах и настроениях людей. (Со статьей редакция познакомила меня до ее выхода в свет.) Да, мы стали требовательней и в то же время самокритичней; избавляемся от самоуспокоенности, благодушия, открыто и по-деловому обсуждаем самые острые моменты нашей жизни. И не только обсуждаем, но сообща ищем решения, как устранить все то, что сдерживает наш рост. Поэтому меня не удивило, что, начав рассказывать о достижениях, основную часть своего выступления Юрий посвятил все-таки нерешенным проблемам и недостаткам. И такая позиция мне нравится: то, что сделано, — это в прошлом, а сегодня мы должны думать о завтрашнем дне. **Сделанное — лишь основа для движения вперед.** С такой позиции и хочется продолжить начатый разговор.

Беспокоит вот что — укоренившаяся привычка работать по принципу «и так сойдет». Ведь сколько систем управления качеством труда изобретено: львовская, саратовская, краснодарская... Поистине что ни город — своя система. Я не против этих систем, но ведь, если вдуматься, каждая из них направлена на то, чтобы человек пун-

ктуально исполнял минимум служебных обязанностей. Всего лишь! Да и это не всегда получается.

Какая же система требуется, чтобы каждый работал по максимуму? Нет, не «вкалывал» до седьмого пота, до изнеможения, а работал легко и красиво, радостно, чтоб спорилось у него дело? И почему так часто работа не приносит радости? Главную причину, полагаю, надо искать в организации труда.

Наше объединение, как видно из самого его названия, выпускает тракторы. Наш завод — инструмент и технологическую оснастку. Считаемся вспомогательным производством, но на самом деле без нас все производство остановилось бы.

Сам я окончил Павлодарский индустриальный институт, по специальности инженер-механик. Работал мастером и старшим мастером в механическом цехе, заместителем секретаря комитета комсомола объединения. Служил в армии политработником. В новой должности всего несколько месяцев. Всю прошлую осень по двенадцать часов не вылезал из цеха: с планом было напряженно, мне пришлось вникать в новое для меня инструментальное производство. В то же время эта интенсивная работа морального удовлетворения как раз и не приносила. Почему?

Начнем с того, что наш цех делает инструменты и оснастку для выпуска гусеничных тракторов ДТ-75, давно мо-

рально устаревших. Переход на выпуск более современной модели начался сравнительно недавно и идет с немалыми трудностями. Неритмичность, сбой, раскочка и штормовщина — эти широко распространенные «болезни» известны и нам. **Отдавать все силы выколачиванию плана любой ценой, обеспечивать выпуск техники вчерашнего дня — разве это задача для инженера, организатора производства, творца научно-технического прогресса?** Я не о себе — обо всей армии заводских специалистов.

Думая об этом, не могу не отметить вот что. Каждая новая, прогрессивная система организации труда — будь то щекинский метод, подрядные и сквозные бригады — почему-то пока касается только рабочих. Все остальные работники промышленности, как правило, остаются в стороне. Исключение составляет, пожалуй, лишь ленинградский эксперимент по стимулированию труда конструкторов и технологов. Есть еще единичные попытки объединить специалистов в бригады. Но в массе своей организация их труда не меняется многие годы, десятилетия. Не потому ли падает и престиж инженера? Ведь мы живем не за глухой стеной, о наших проблемах, условиях труда знают и те молодые, кто выбирает сейчас, кем быть.

Низкая эффективность нашей работы закладывается задолго до того, как молодой человек сделал выбор и подал

И КОММУНИСТ

ЧТО НЕ СДЕЛАНО

так. Мастер пожаловался начальнику цеха, рабочему вынесли взыскание — и за грубость, и за то, что деталь он в самом деле загнал в брак. Но вот вопрос: укрепил ли этим мастер свой авторитет? Может, стоило действовать иначе? Обратиться к рабочему не на «ты», а на «вы», сказать о его ошибке более деликатно? Помочь исправить деталь? Словом, вариантов множество, а решение нужно принимать немедленно. И нередко это решение оказывается случайным, немотивированным, не самым лучшим.

Студенческая практика... За все пять лет учебы я ни разу не попробовал свои силы на инженерных должностях. Понимаю, инженер тоже должен уметь работать руками, но даже практику после третьего, четвертого курсов я провел за станком — помогал заводу выполнить план. Так, впрочем, и сейчас практикуют многие старшекурсники. С точки зрения сиюминутной выгоды польза от них есть — план выполняется. С позиции же завтрашнего дня полезнее было бы дать возможность студенту поработать, например, дублером мастера, а то и старшего мастера. Если не в институте, то хоть на заводе прикоснуться к организаторской работе, усвоить азы управления, чтоб потом, на штатной должности, не с нуля все начинать. Ан нет, ближайшие цели выглядят более весомыми, а перспектива — где-то там, в тумане... **Необходимо четкое правовое положение студентов-практикантов: когда и чем они должны заниматься, на какие работы их запрещается отвлекать. В данном случае жесткая регламентация будет только на пользу делу.**

Существует мнение: увеличить зарплату инженеру — и не будет никаких проблем. Сразу повысится престиж профессии, специалисты будут работать втрое лучше, эффективней. Я и сам думаю, что оплата инженеров пока низка, но и в механическом ее повышении не вижу мгновенного решения всех проблем. Платить — то надо за конкретные дела, конкретный результат, творческую отдачу, а я как раз и не считаю, что только дополнительными рублями можно повысить творческий потенциал специалиста.

В последнее время много говорится о ленинградском эксперименте по стимулированию труда конструкторов и технологов. Он прост: по сути, это щекинский метод применительно к инженерам. Повышение зарплаты у ленинградцев — следствие, а не причина более эффективной работы. Плохо только, что распространяется этот метод робко, неуверенно. Разговоров-то (в том числе и на нашем предприятии) много, а дела нет, все идет по старинке. Как же часто нам не хватает решительных людей, способных осмелиться на коренную ломку привычной, традиционной организации труда! Кстати говоря, и ленинградский эксперимент кажется мне неполным, поскольку не охватывает множества категорий работников, тех, кого мы называем линейными инженерами — мастеров, старших мастеров. Может, если б ленинградский опыт распространялся на всех предприятиях, по-

ловину технических вузов пришлось бы закрыть? А в оставшихся вести более качественную подготовку. И без сожаления расставаться с неспособными к данной специальности и даже с «середняками».

Всерьез мы начинаем вникать в организацию труда на производстве уже после получения дипломов. И сразу... тоном в текучке. Особенно в цехе, куда молодой человек приходит, как правило, сменным мастером. Считается, что мастер — это «организатор и воспитатель». Теоретически правильно, а на практике, неофициально, он зовется еще и «старшим грузчиком». Большого преувеличения здесь нет. Какие красивые слова о мастере ни произноси, главная его забота — чтоб не останавливался производственный процесс. Руки у меня всегда были черные: заготовки загрузи на тележку, доставь к станку, готовые детали увези. И так весь день белкой в колесе.

Какое уж тут моральное удовлетворение, творчество, какая радость от работы? Готов принять упрек: а что ж ты, инженер, не сумел так поставить дело на участке, чтоб самому головой, а не руками работать? Если откровенно, тогда моих знаний и организаторских умений хватало лишь на поддержание уже сложившихся на участке порядков. Профессиональная подготовка не позволяла замахнуться на что-то большее. Впрочем, понимаю, разве это оправдание?..

«Будь хозяином на производстве!» — призывают на каждом шагу всех работников промышленности: и рабочих, и специалистов. Но, чтобы быть хозяином, надо иметь определенные права. Право на самостоятельное решение, на самостоятельный — пусть и небольшой — участок работы, где человек действительно был бы хозяином. Подрядные бригады постепенно завоевывают такие права. Специалисты же опять остаются на обочине прогресса — в сфере организации труда. Больше того, возникают острые противоречия, когда пытаются соединить старые и новые формы работы. Возникает, например, проблема: какая роль при бригадах отводится инженеру? Опять-таки «по теории» мы хорошо знаем, какая. Бригада берет на себя часть текущих организационных забот, высвобождая инженеру время для решения стратегических задач. Однако и у нынешних мастеров руки черные. Они тоже «старшие грузчики». Почему?

Иногда приходится читать или слышать: на таком-то заводе царил полный хаос, а как только создали бригады — все пошло как по маслу. Упрощен-

ное, неверное представление. Ничего не делается само собой. Наш участок пресс-форм, к примеру, — это теперь одна бригада, объединяющая токарей, фрезеровщиков, слесарей... Но положение дел не улучшилось. Здесь еще надо обновлять оборудование: на имеющихся станках рабочие просто физически не могут выполнить некоторые заказы. Приходится или на ходу менять технологию изготовления инструмента, или бегать по заводу в поисках подходящего станка. Да и те станки, что есть, надо бы более рационально расставить, чтоб не таскать заготовки на дальние расстояния. Теряется немало времени, участок часто лихорадит, вот молодые специалисты и занимаются решением отнюдь не стратегических задач. Прочет, наверное, был сделан раньше, когда создали бригаду без должной инженерной подготовки, не продумав вопрос с оборудованием, технологическими процессами.

Кстати, кое-кому подобные просчеты даже на руку: в условиях неритмичности производства многие чувствуют себя «при деле»: весь день крутишься, что-то досташь, план выколачиваешь. Кипит работа! А о более сложных проблемах, связанных с организацией труда, перспективным планированием, вроде можно и не думать. Некогда! Прибавлю к этому, что молодым пока редко поручают самостоятельные творческие задачи, связанные с совершенствованием техники и технологии, организации производства. С первых дней они «увязают» в заводской текучке, предоставленные сами себе. А ведь молодым отводится немалая роль в выполнении планов, которые намечены в предсъездовских документах партии.

Я уже говорил, что до армии работал заместителем секретаря комитета ВЛКСМ объединения. Поэтому должен коснуться и такой темы: место и роль комсомола в научно-техническом прогрессе. Ведь проблемы молодых инженеров не могут быть посторонними для комсомольской организации. С каким настроением работает молодой специалист? Какие у него трудности? Что мешает работать с полной отдачей, творчески? Вопросы все существенные. А вот относимся к ним порой формально.

Такой факт: на бумаге у нас существует совет молодых специалистов. Недавно председателя этого совета пришлось сменить за полную бездеятельность. Как пойдут дела теперь, покажет будущее. Но есть ли уверенность, что совет станет по-настоящему боевым, творческим подразделением? Что молодые инженеры пойдут сюда за советом, под-

держкой, что сами начнут предлагать новые идеи, искать новые формы и методы работы? Я уже слышал разговоры среди молодых специалистов: а зачем он вообще нужен, этот совет?

Вспоминая свою недавнюю работу в комсомоле, я с горечью думаю, сколько времени и сил мы транжирили, занимаясь так называемыми оргвопросами. Неуплата членских взносов, не вставшие на учет и не снявшиеся с учета... Вот чем мы по большей части занимались. А что это значит? То, что мы не сумели подобрать надежных людей, которые бы ответственно занимались этими тоже необходимыми, но все же техническими делами. В результате у нас вечно не хватало времени на действительно злободневные, важные, перспективные задачи.

Комсомол должен заявлять о себе конкретными делами, а не только сбором взносов. Вот мелкая, но показательная деталь. Приехал недавно гость на наше предприятие и удивился:

— Что это у вас грязь такая на дворе?

— Грязновато, — согласился с ним один комсомольский работник. — Но в этом году наш директор серьезно взялся за благоустройство, будет чисто.

Заметили? «Директор взялся...» А комсомольцев в объединении тысячи.

Хотел вкратце суммировать то, что нам не удалось сделать в прошлой пятилетке и что ждет неотложного решения, но вряд ли сумею сделать это более точно, чем записано в «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года»:

«Внедрять при подготовке специалистов с высшим и средним специальным образованием эффективные методы и целевые формы обучения. Осуществлять курс на подготовку в высшей школе специалистов широкого профиля.

Значительно улучшить использование специалистов в народном хозяйстве, и особенно инженерно-технических кадров. Развивать во всех отраслях систему переподготовки и повышения квалификации рабочих и специалистов с учетом требований научно-технического прогресса».

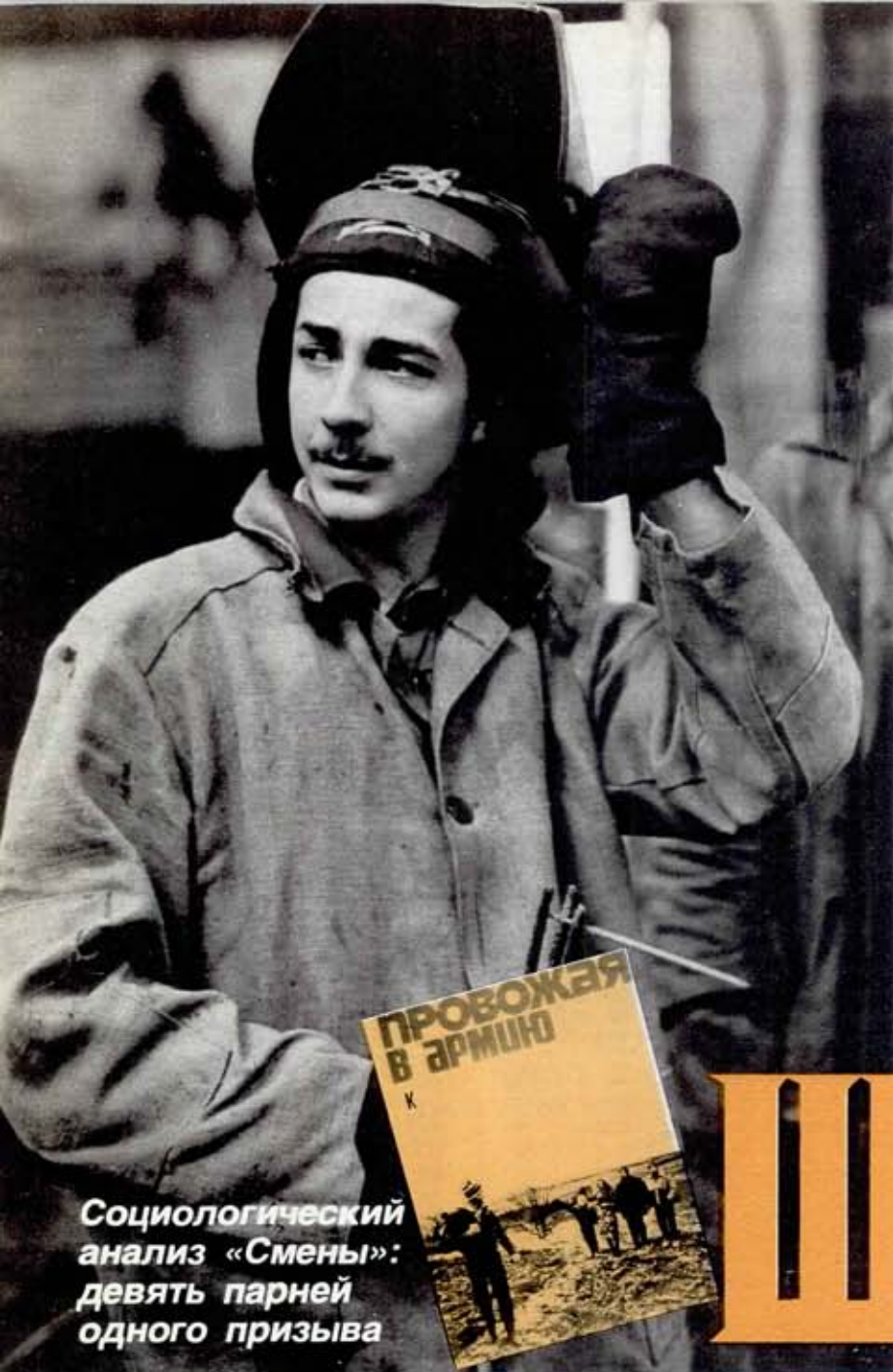
От себя добавлю: должно быть и «встречное движение» со стороны самих молодых производственников, комсомольских организаций. **Наивно было бы думать, что кто-то придет и в приказном порядке организует нашу работу по-новому, в духе требований времени. Это должен сделать каждый из нас — в своем коллективе, на своем рабочем месте.**

Письма читателей, остро и заинтересованно продолжающих разговор о личном участии каждого в огромной созидательной работе, развернувшейся в стране, читайте в ближайших номерах журнала.

В следующем номере — выступление молодого коммуниста из Новокузнецка Сергея БЫЧКОВА

«Что предстоит сделать»

Социологический анализ «Смены»: девять парней одного призыва

ЛЕОНИД АРХИПОВСКИЙ.

тан. Быстро усваивает все новое, обладает хорошей памятью. Окончил курсы киномехаников при Доме пионеров. Физически развит. Последние два года увлекался парашютным спортом, на личном счету 41 прыжок. Легко сходится с людьми, имеет много друзей, предпочитает быть в центре внимания. В свободные вечера ходил на дискотеки, в кино, спиртное не любит.

Михаил Апанасенок. После окончания ПТУ работал регулировщиком на телезаводе, на участке «оживления», то есть настройки. Восемилетку кончал в Сухуми, там живет мама Михаила. В Витебске у него отец и старшая сестра Наталья, у нее своя семья, сын. Михаил преимущественно жил в семье сестры. Так сложились обстоятельства. В характеристике, которую представила в военкомат дирекция училища, отмечаются трудолюбие Михаила, его тактичность, скромность. То же говорят в цехе, где Михаил работал. Друзья отзываются о нем как о человеке исключительной

честности и отзывчивости. Готов отдать товарищу последнее. Самолюбив, настойчив в достижении цели, импульсивен. Занимался в секции борьбы. Когда узнал, что пойдет служить в ВДВ и сделал первый прыжок с парашютом, написал маме в Сухуми большое письмо, в котором подробно рассказал о своих ощущениях и поделился радостью: он будет десантником! На проводы Михаила собралось много его друзей. Мама, приехавшая из Сухуми, приготовила любимые блюда сына.

Сергей Капешко. Родился и вырос в деревне Тыльцы Сенненского района. Деревня маленькая, всего полтора десятка дворов. Отец работает слесарем на ферме, мать — доярка. Кроме Сергея, в семье еще четверо сыновей. После восьмилетки уехал в Витебск и поступил в строительное ПТУ, окончил

ФЕДОР ФИЛИНОВ.

ОЛЕГ СМЕТАННИКОВ.

ШАГИ К

Владислав ЯНЕЛИС,
фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ,
специальные
корреспонденты «Смены»

ИВАН МИХАЙЛОВ.

Мы могли выбрать для нашей военной повести героев из любого другого города. Но поехали в Витебск. Почему?

Наше настоящее неразрывно связано с прошлым. В прошлом, пережитом белорусским народом, есть страницы, беспримерные по драматизму. Гитлеровцы сровняли с землей тысячи белорусских городов и сел, погиб каждый четвертый житель республики.

Да, настоящее — продолжение прошлого. В Белоруссии свято хранят память о жертвах фашизма. Эта память — изначальная сила, передающаяся от поколения к поколению. Взаимосвязь прошлого и настоящего состоит и в том, что тысячи белорусских ребят ежегодно становятся курсантами высших военных училищ.

Война принесла неисчислимое горе. В том числе и сиротство. У многих из ребят, родившихся в 1967 году (это год нынешнего призыва), деды сражались с врагом и пали в бою.

Во всем остальном наши герои — самые обычные, нормальные ребята восемнадцати лет от роду. Каждый из них прожил эти восемнадцать лет по-своему, обзавелся собственным характером, наклонностями, симпатиями и антипатиями. До призыва в армию боль-

шинство из них не знали друг друга, у каждого был свой круг знакомых, своя, если можно так выразиться, среда обитания. Впервые они собрались все вместе утром на призывном пункте в один из дней конца ноября прошлого года. С того дня начался для них отсчет нового времени — времени действительной военной службы. Но прежде чем повести рассказ о первых ее днях, мы хотим представить каждого из девяти.

Сергей Ковалев. Последние месяцы работал грузчиком в ресторане «Витьбич». Единственный ребенок в семье. Отец — моряк, в настоящее время служит на Крайнем Севере, мать — бухгалтер. Дед погиб на фронте в сентябре 1944 года. Основные предметы в школе давались легко, но учился не очень ровно, были замечания и по дисциплине. Хорошо развита речь, начи-

СЕРГЕЙ КАПЕШКО.

**ЗА ЧАШКОЙ ЧАЯ—
БУДУЩИЕ ДЕСАНТНИКИ
АРХИПОВСКИЙ
И АЛЕКСАНДР ЖИВОНДРОВ.**

вит выше среднего. Много занимался спортом по собственной системе. Готовясь к службе, специально тренировал себя в марш-бросках. Причем бегал не в кедах, а в кирзовых сапогах. Два года назад, оказавшись замешанным в драку, попал в милицию, был взят на учет в инспекции по делам несовершеннолетних. После вызова на комиссию замечаний не имел.

Олег Сметанников. Родом из поселка Лиозно Витебской области. Отец—рабочий на узле связи, мать—бухгалтер. Как и многие сверстники, учился в ГПТУ, после окончания—регулировщик на телезаводе. Специальность нравится. Общителен, уравновешен, в быту неприхотлив, опрятен, скромен. Общественные поручения выполнял добросовестно, но без особ-

АНДРЕЙ НАУМОВ.

го энтузиазма. Занимался классической борьбой, вошел в пятерку сильнейших в республике юношей. В решающей схватке уступил борцу из Минска: не хватило техники. Поражение переживал болезненно. Когда предложили служить в ВДВ, согласно кивнул: «Можно». Но особой тяги к этому роду войск, по его собственному признанию, пока нет.

Федор Филинов. После окончания технического училища—помощник мастера в вязальном цехе фабрики имени КИМа. Там же работают его родители. На производстве особенного рвения не проявлял, а когда был в колхозе, и вовсе пропуская работу без уважительной причины. Бывали случаи пререканий со старшими, что в армии, кстати, совершенно недопустимо. Правда, в определенных ситуациях Федор умеет проявлять дипломатичность. Выраженных увлечений нет, охотно занимается лишь тем, что нравится. Одевается модно, подчеркнуто опрятен. Активностью в общественной жизни не отличался. Самодовольный. В кругу сверстников коммуникабелен. Чувствую, что Филинову в армии будет непросто. Однако загадывать рано.

Леонид Архиповский. Мы познакомимся с ним в его последний рабочий день, перед призывом. Разыскали в огромном пролете строящегося заводского корпуса. Он варил стальные конструкции. Дело несложное, но ответственное. Бригадир рассказал, что в его комплексной бригаде сразу четверо уходят в армию, что Архиповский не хуже и не лучше других, но парень с выдумкой. Дисциплина так себе, «да они все до армии с выкрутасами. Но этот (про Архиповского) захочет—толково может работать». Заработок у Лени непло-

ПРИСЯГЕ

В № 1 нашего журнала мы рассказали о том, что «Смена» проводила в армию 9 ребят из белорусского города Витебска, призванных в воздушно-десантный войска. В течение всей их службы мы будем регулярно рассказывать на страницах журнала о том, как складывается армейская судьба каждого из девяти десантников. Итак, глава первая.

СЕРГЕЙ КОВАЛЕВ.

с одной тройкой, по всем остальным дисциплинам «хорошо» и «отлично». Ему и еще двоим из группы был присвоен 4-й разряд по специальности «столляр-плотник», остальным—3-й. Работал на стройке. Жил в общежитии, на выходные ездил к своим в деревню. Занимался тяжелой атлетикой, любил походы, много читал. К комсомольским поручениям относится серьезно. В общем, Сергей—человек основательный.

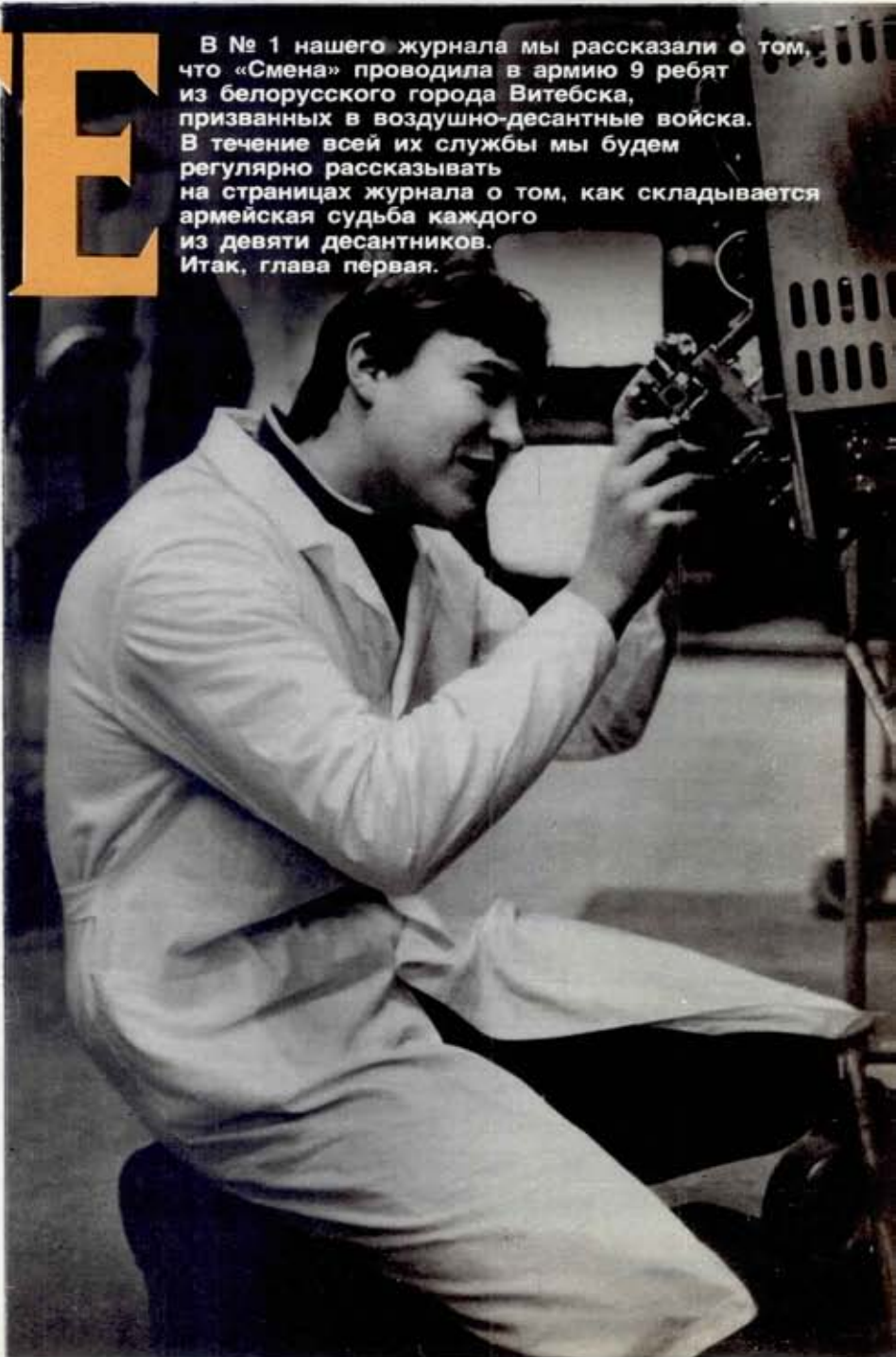
Когда мы приехали в Тыльцы, Сергей собирался в баню, свою, срубленную им и отцом. В углу избы висела приготовленная дорожная одежда—куртка, крепкие ботинки, вязаная шапочка, чистая рубашка. В доме, кроме родителей, были младшие братья, Валера и Леня. Старший, Александр, живет в городе, работает инженером на телезаводе, второй по возрасту, Игорь, прошлой

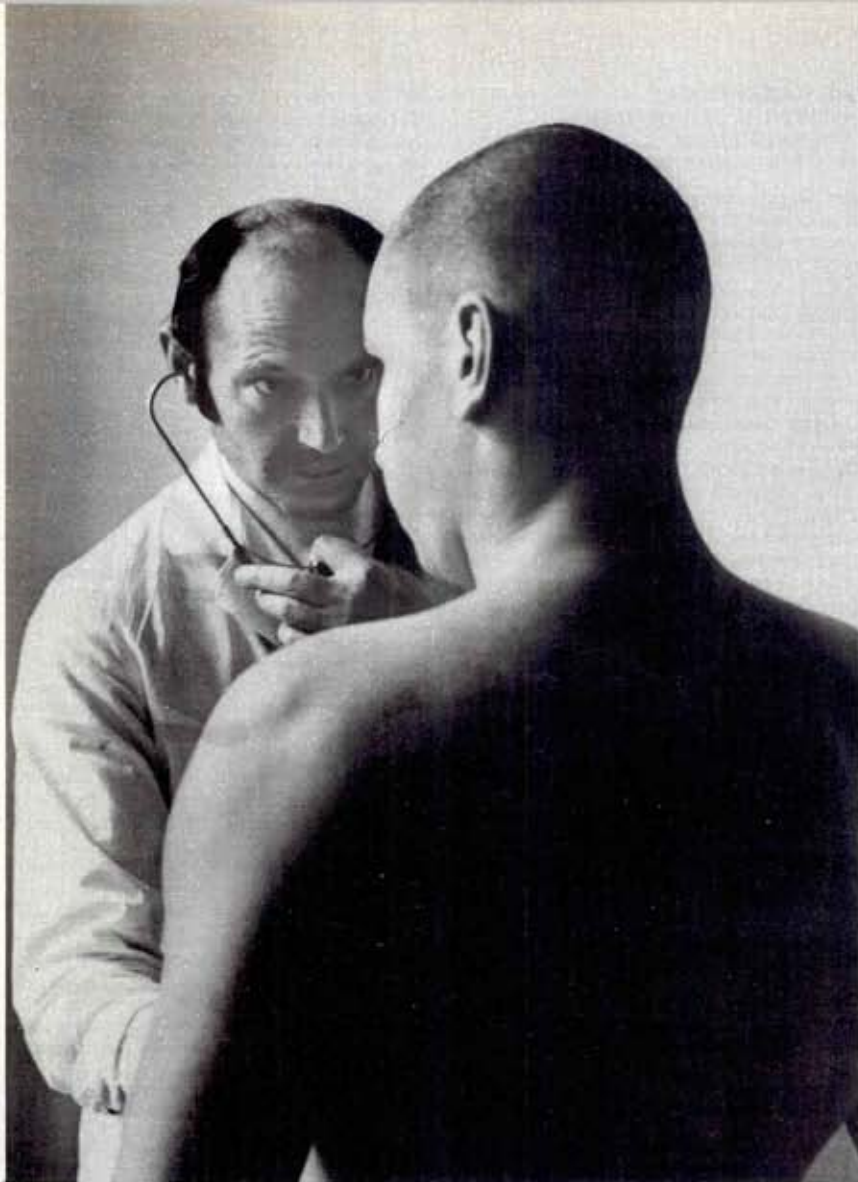
весной призван в армию. Большая семья, дружная, по-крестьянски крепкая. За Сергея родители спокойны: к работе приучен сизмалства, а служба—та же работа, только военная.

Иван Михайлов. Рано лишился матери. Отец обзавелся другой семьей. Иван остался вместе со старшей сестрой. И в школе, и в ГПТУ учился средне. Специальность выбрал сам, без подсказок, стал слесарем-ремонтником. В училище увлекался спортом, был спорторгом группы. По натуре застенчив, порой робок, чувствителен. Из литературы предпочитает французскую классику. В работе старателен, нетороплив, добросовестен. Бережлив, знает цену каждой вещи. Уходя в армию, труднее всего переживал разлуку с любимой девушкой. Был грустен, неразговорчив, мы не стали допытываться, что произошло, возможно, в итоге все наладится.

Александр Живондров. Вырос в деревне Суммы. Название этой деревни я нашел в длинном списке белорусских деревень, сожженных гитлеровцами в годы оккупации. Но рядом с погорельем встали новые Суммы, краше прежних. В деревне у Александра остались отец, мама, сестра, бабушка. Еще одна сестра живет в городе. После восьмилетки Александр поступил в училище, приобрел специальность слесаря-сантехника. Характер у него, как мы заметили, уравновешенный, цельный. В среде сверстников пользуется уважением. Правдив, требователен к себе. Хотел служить именно в ВДВ. Физически раз-

МИХАИЛ АПАНАСЕНКО.

СТРОГИЙ ДОКТОР.

хой, в первый же месяц — под сто семьдесят.

Из увлечений самое сильное — современная музыка. Дома неплохая аппаратура. Внешне подтянут, спортивен, хорошая реакция. Характер взрывчатый. В общественной жизни активен. Любит быть на виду. Случались в его жизни срывы, но до крайностей не доходило. Быстро ориентируется в новой обстановке.

Последний из девятерых — **Андрей Наумов**. Вообще его надо было бы представить первым, но получилось так, что познакомились мы с Андреем позже. Уже на сборном пункте. Мы зачислили его в нашу девятку вместо одного выбывшего. Тот, на кого мы сначала рассчитывали, в последний момент отказался служить в ВДВ: «Куда угодно, только не в десантные войска». О причинах не сообщил. Это нас удивило, у того парня уже было на счету несколько прыжков с парашютом и вообще со всех сторон все идеально. Но в душу человека не заглянешь. Впрочем, все к лучшему: ведь мы нашли Андрея.

Он на год старше других, родился в 66-м. Родители работают на телезаводе. Гражданская специальность — плотник. С 4-го по 8-й класс увлекался классической борьбой. В шестнадцать лет Андрей записался в парашютную секцию. Признался: хотел просто пофорсить перед девчонками. Начались прыжки, он понял, что это серьезно. И не ушел. Ему нравились риск, высота и непохожесть его спорта ни на какой другой. Сейчас в его активе 262 прыжка, первый спортивный разряд.

Больше полусотни прыжков он совершил с задержкой. Одновременно занимался пилотированием вертолетов. Общий налет — 51 час, самостоятельно пилотировал МИ-2 15 часов 36 минут. Его хватало и на увлечение инкрустацией по дереву. Первую свою работу, «Цветы», подарил маме.

По натуре уравновешен, мягок, самокритичен. В суждениях склонен к максимализму. Скромнен и уважителен со старшими. Обладает широким кругозором, особенно в технике. Аккуратен. К своим общественным обязанностям относится добросовестно.

Остается добавить, что все девять наших ребят — члены ВЛКСМ, у каждого своя доармейская специальность, стало быть, в какой-то мере люди они самостоятельные. О них можно многое еще рассказать, но все это относилось бы к доармейской жизни, нам же предстоит пройти с ними ступени военной службы, в которой люди часто открываются с новых, неожиданных сторон, и то, что раньше им самим казалось значительным, теряет в их глазах цену, и наоборот. Словом, мы начнем писать солдатские биографии ребят с чистого листа, чтобы потом, спустя два года, суммировать их приобретения и потери.

...В Витебске на призывном пункте команду, отобранную в воздушно-десантные войска, встретили представители воинской части, где предстояло проходить службу и нашей девятке. Старшим был майор со значком «Гвардия» на мундире. Это сразу подействовало на призывников, ребята поняли,

что служить будут в гвардейской части. Но на всякий случай переспросили у Владимира Федоровича Сенчука.

— Да, часть наша гвардейская, — произнес он глуховатым, тихим голосом, — историю свою ведет с Великой Отечественной войны. Потом вы все это узнаете в деталях. Одно хочу сказать сразу: спокойной жизни не ждите, десантные войска — трудные войска. Сейчас кто-то из вас еще может отказаться от службы в ВДВ, их направят в другую часть. Потом будет поздно.

Вообще отбор новобранцев в ВДВ чрезвычайно строг. На сборном пункте призывники еще раз проходят медкомиссию. Последнюю в гражданской жизни. В каждом сомнительном случае — оперативный консилиум, если и он не снимает вопросов, призывник направляется на срочную консультацию к областным специалистам.

Наконец, и это позади. Они строятся и маршируют по небольшому плацу. А кое у кого руки при этом в карманах — штатская привычка, от которой они избавятся в армии очень быстро.

Андрея Наумова попросили выступить от имени призывников на торжественном прощальном митинге, вероятно, как самого старшего. Дали ему текст с тезисами. Но он, оказалось, совсем не по этой части; смущается, комкает фразы и говорит тихо. Наверное, надо было выступать Архиповскому, у того бы вышло гладко. С напутственным словом обращается к молодежи заведующий спортивным и оборонно-массовым отделом Витебского горкома ЛКСМ Сергей Карпетченко. Говорит он слова простые, но одну фразу я запомнил: «Будет трудно — не отступайте, держитесь из последних сил, легче выстоять, чем отступить, а потом проходить все сначала. А пройти это все равно придется».

Но вот и последние прощания с близкими. Ребята стесняются слез своих

ПРИМЕРКА.

матерей, нервничают. Слышу за спиной: — Мам, ну хватит, честное слово. Неудобно ведь, люди кругом.

Неведомек ребятам, что материнскому сердцу не прикажешь, тут и беспокойство за сына, и боль предстоящего долгого расставания. Но, как ни трудно расставаться, ни одна из матерей не пошла бы против совести, не стала бы удерживать сына сейчас рядом с собой, потому что есть то, что сильнее ее чувств, — извечный долг сыновей вставать в свой черед в военные ряды. Они уедут, а матери, едва скроется поезд, начнут их ждать, считая дни и месяцы, читая и перечитывая короткие письма, вглядываясь на улице в солдатские лица.

...Было пять утра, когда наш поезд прибыл на станцию назначения. Мы вышли из вагона в синий сумрак и сразу ощутили разницу между погодой в Витебске и здесь. На перроне толстым слоем лежал снег, деревья были в инее, снег скрипел под подошвами и легким пухом садился на людей. Еще не стряхнув с себя остатки сна, ребята долго строились, потом разбирались по трое, потом оказалось, что кто-то забыл свой рюкзак в вагоне... С трудом Сенчуку удалось слегка приободрить свою команду, заставить ребят сбросить ощущение.

Но едва колонна тронулась с места, тишину спящего вокзала разбудило пение труб. Колонна застыла словно по команде, ребята всматривались в темень, силясь отгадать, откуда взялись трубачи на перроне. Но тут единым могучим вздохом грянул торжественный марш: «Здесь птицы не поют, деревья не растут...» У здания вокзала гремел во всю свою многотрубную мощь военный полковой оркестр. И словно невидимая сила подхватила колонну, расправились спины, пружинистым и твердым стал

ДВЕНАДЦАТЫЙ РАЗ...

шаг завтрашних солдат. Они шли уверенно и прямо, улыбаясь встречающей их новой жизни. Оркестр, возглавив колонну, вывел ее на привокзальную площадь. Там в торжественном строю застыли воинские шеренги во главе с командирами. Десантники принимали молодое пополнение.

А потом была баня, настоящая, солдатская. В которой смывали грязь по дому, долгую дорогу, гражданские привычки. Свои вещи — в отдельную наволочку, их отправят домой по бесплатному армейскому литеру. Выходили они из парной в чем мать родила и получали все новое, хрустящее, военное, одинаковое: портянки и теплые нижнее белье, кителя и брюки, сапоги, да не простые, а десантные, со шнуровкой по краям голенищ, шапку, ремни и бушлаты.

Больше всего хлопот с портянками. Кажется, невелика хитрость — навернуть их на ноги. Раз, два — и готово. Вот и Ваня Михайлов поспешил, потом пробежался в сапогах по предбаннику, но опять сел на лавку — видно, трет. Давай опять крутить, и снова не так. Филинов, Капешко — те осторожнее, поглядывают по сторонам, у кого ладнее получается.

— Стоп! — Прапорщик, ведающий выдачей белья, снимает свой сапог. — Всем внимание сюда. Показываю, как правильно обращаться с портянками. Главное — усвоить принцип: минимум складок, пеленать ногу, как дитя родное... Смотрите...

Они смотрят, копируя каждое движе-

ГЛАВНОЕ — ДЕРЖАТЬ ДЫХАНИЕ.

ние прапорщика, но портянки почему-то наворачиваются криво, оголяют пальцы ног, сползают к щиколотке.

Как все-таки меняет людей военная форма! Они в ней выглядят взрослее, подтянутее. Только на лицах растерянная улыбка. Все им пока непривычно: тяжелые сапоги, ремень сковывает движения, жесткая шапка, огромные варежки вместо перчаток. Они смотрят друг на друга, словно видят впервые. Смотри не смотри, все на всех одинаковое. Еще вчера ты щеголял в джинсах и кроссовках, в купленной на базаре вязаной шапочке под «адидас», а сейчас на тебе и твоих товарищах военная одежда установленного образца, единая для всех. И от того, как ты ее сумеешь носить, зависит твоя солдатская выправка.

Кстати, по мнению зарубежных специалистов, советская военная форма признана одной из лучших в мире по таким параметрам, как носкость и функциональность.

...После сытного праздничного завтрака (с конфетами) — знакомство с казармой, в которой предстоит прожить новобранцам до принятия воинской присяги. Все сияет чистотой. Ничего лишнего: железные кровати, застеленные новым бельем, тумбочки, табуреты, вешалки. По свежеевыкрашенным полам страшно ступать. Молодежь, уже разбитая повзводно, сбилась в стайки, не зная, дозволено ли ходить по коридору, включать телевизор, садиться на койки, выйти покурить.

Потом заместитель командира взвода ведет молодых в спортгородок — размяться. А заодно посмотреть, как поговорится, кто есть кто. До спортгородка — бегом, без ремней. Капешко бежит, чуть прихрамывая: ему достались сапоги на размер меньше. И ведь молчит, думает разнести. Сержант бежит впе-

ПЕРВОЕ ПИСЬМО ДОМОЙ.

реди, время от времени бросая взгляд через плечо: как там молодежь? Ничего, пока все нормально.

— Стой! — Сержант замер у перекладины, ждет, пока ребята отдышатся.

— Наумов, к снаряду. Подтягиваемся, кто сколько сможет.

Записываю против фамилии каждого результаты. Наумов — 10 раз, Апанасенко — 4, Архиповский — 6, Ковалев — 12 (это очень хорошо), Живодров — 18 (отлично), Михайлов — 4, Капешко — 6, Сметанников — 10, Филинов — 12. Вот никогда бы не подумал, что Федор так отличится. Молодец, рад за него. Сохраню эту запись, чтобы потом, еще не скоро, сравнить ее с новыми результатами.

После ужина все садятся за письма. За один день столько впечатлений, что руки сами тянутся к перу. К тому же обещали родным сразу сообщить свой адрес. Не пишется одному Апанасенку: «Успео, обдумать надо». У кого-то уже слипаются глаза, голова клонится вниз. Прожит первый армейский день. Не самый трудный, но такой не похожий ни на один из прожитых раньше.

А завтра подъем в 6.00.

СМЕНА 5

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 2 (1408) ЯНВАРЬ 1986

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
юность.

- 1 НАВСТРЕЧУ XXVII СЪЕЗДУ КПСС. МОЛОДОЙ КОММУНИСТ.
Алексей ПЕШКОВ. «ЧТО НЕ СДЕЛАНО».
- 2 Владислав ЯНЕЛИС. «ШАГИ К ПРИСЯГЕ».
- 6 БЕРЕГИ ЗДОРОВЬЕ СМОЛОДУ.
Александр БОЙКО. «НЕРАЗУМНЫЕ РОДИТЕЛИ».
- 8 Рассказы Сергея КАРАКОЗОВА «У РЕЧКИ КЛЮЧИХИ».
- 10 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ».
Рассказ Элс де ГРУН «КЕВИН И ДЖУЛИЯ».
- 12 НАВСТРЕЧУ XXVII СЪЕЗДУ КПСС.
Виктор БЕЛЯКОВ,
генеральный директор НПО «Криогенмаш».
«ПРОФЕССИИ ХОЛОДА».
- 14 Александр ТАХ. «РОЖДЕННЫЙ В ТЮРЬМЕ».
- 16 «ЗАКОН КОММЕРЦИИ».
Фоторепортаж Михаила ПОЛЯЧЕКА и Сергея ВЕТРОВА.
- 19 «КАК «ШПИГЕЛЬ» ПЕРЕДЕРГИВАЕТ...»
- 20 ТВОРЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ.
Олег КОМОВ: «ОТКРЫТЬ НОВОЕ...»
- 22 СТИХИ Людмилы ШИПАХИНОЙ, Галины КУСТЕНКО
и Валентина СИДОРОВА.
- 24 МОЛОДЕЖНАЯ МОДА. «ЦВЕТ СЕЗОНА».
- 25 ФУТБОЛЬНЫЙ КЛУБ «НАДЕЖДА».
Ринат ДАСАЕВ,
капитан сборной команды СССР по футболу.
«НАША ГЛАВНАЯ КОМАНДА».
- 29 Повесть Николая ЛЕОНОВА «ОБРЕЧЕН НА ПОБЕДУ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: В. И. ВИНОКУРОВ, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ (ответственный секретарь), В. И. ДЕСЯТЕРИК, М. Г. КИЗИЛОВ (заместитель главного редактора), А. П. КУЛЕШОВ, И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САУШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. Р. Павлов. Технический редактор Д. Н. Мазур.

© Издательство «Правда». «Смена». 1986 г.

Береги здоровье смолоду

Разговор второй. И СЛОВО — ДЕЛО

Итак, у ребенка обнаружены факторы риска. И самый главный из них — повышенное артериальное давление. Согласно плану исследования, педиатры Петросян и Пятквичюс посылают родителям приглашение, в котором черным по белому написано: «У Вашего ребенка предполагается заболевание, поскольку обнаружены факторы риска! Просьба прийти на беседу».

ФАКТ. Из 100 приглашенных к Пятквичюсу пришли 5 человек. Речь шла о детях 10—15 лет.

Доктор Петросян пишет в приглашении: «...Если Вы не можете прийти, пожалуйста, позвоните по телефону». Не звонят. Не приходят.

Я не хочу сгущать краски, обвиняя незнакомых людей в черствости, равнодушии к собственным детям. Но судите сами: Петросян бьется в Москве, Пятквичюс — в Каунасе. Они ничего не хотят себе, они хотят помочь детям задолго до беды. Пишу и думаю о 95 папах и

мам, которые не отозвались на приглашение Пятквичюса. Не сомневаюсь, абсолютное большинство их — хорошие труженики и добрые семьянины. О чем же думали они, читая сообщение о предполагающейся беде своего ребенка?

Доктор Петросян начала свое исследование восемь лет назад. Она и сейчас пишет письма. Звонит. Просит прийти. Обнаружив детей, которым грозит болезнь, она предлагает положить их в клинику института, где работает. Нет, не откликаются родители.

Уже выросли дети, которых Петросян и Пятквичюс начали наблюдать в грудном возрасте, торопясь обнаружить заболевание в самом начале. И сейчас надо посмотреть, в каком состоянии сосуды и сердце. Петросян пишет им письмо, второе, третье, четвертое, пятое... Кто-то появляется. «Почему не приходил? Меня ничто не беспокоит». Но, может быть, в этом и беда? Радость возраста порой затуманивает картину начинающейся болезни. Болезнь притаилась и ждет своего часа. В этом возрасте она протекает бессимптомно, и ничто ничего не чувствует. Но как же оставаться спокойным врачу, если, например, к Петросян приходят двадцатилетние люди с давлением 180/80?

Правда, иногда родители появляются. Надо справку, чтобы чаду не ехать в стройотряд. Или: «Здравствуйте, доктор, наша девочка плохо себя чувствует, нужна справка, чтобы у нее была отдельная комната и она могла выздороветь...» Ах, родители, родители!

мамах, которые не отозвались на приглашение Пятквичюса. Не сомневаюсь, абсолютное большинство их — хорошие труженики и добрые семьянины. О чем же думали они, читая сообщение о предполагающейся беде своего ребенка?

Доктор Петросян начала свое исследование восемь лет назад. Она и сейчас пишет письма. Звонит. Просит прийти. Обнаружив детей, которым грозит болезнь, она предлагает положить их в клинику института, где работает. Нет, не откликаются родители.

Уже выросли дети, которых Петросян и Пятквичюс начали наблюдать в грудном возрасте, торопясь обнаружить заболевание в самом начале. И сейчас надо посмотреть, в каком состоянии сосуды и сердце. Петросян пишет им письмо, второе, третье, четвертое, пятое... Кто-то появляется. «Почему не приходил? Меня ничто не беспокоит». Но, может быть, в этом и беда? Радость возраста порой затуманивает картину начинающейся болезни. Болезнь притаилась и ждет своего часа. В этом возрасте она протекает бессимптомно, и ничто ничего не чувствует. Но как же оставаться спокойным врачу, если, например, к Петросян приходят двадцатилетние люди с давлением 180/80?

Правда, иногда родители появляются. Надо справку, чтобы чаду не ехать в стройотряд. Или: «Здравствуйте, доктор, наша девочка плохо себя чувствует, нужна справка, чтобы у нее была отдельная комната и она могла выздороветь...» Ах, родители, родители!

Педиатры рекомендуют маргарину «Солнечный» и «Диетический», в них входит подсолнечное масло и много витаминов, которых детям недостает. Вы сварили картошку, не кладите сливочное масло, полейте подсолнечным. Детям от него гораздо больше пользы.

«Солнечный» и «Диетический», в них входит подсолнечное масло и много витаминов, которых детям недостает. Вы сварили картошку, не кладите сливочное масло, полейте подсолнечным. Детям от него гораздо больше пользы.

«Солнечный» и «Диетический», в них входит подсолнечное масло и много витаминов, которых детям недостает. Вы сварили картошку, не кладите сливочное масло, полейте подсолнечным. Детям от него гораздо больше пользы.

ке, и та выздоравливает... Ребенок начинает верить: стоит принять таблетку, и он станет здоровым. В это верят и родители. Но всегда ли это необходимо? И нужно ли детям становиться на такой путь?

Одно из неприятных воспоминаний детства для автора этих строк — растительное масло. Родители поили им меня, предупреждая рахит. Более молодые Петросян и Пятквичюс сочувствуют и поясняют: рыбий жир не доходил до наших деревень, потому и давали детям растительное масло. Но относиться к нему отрицательно все же не следует. Более того, этот очень важный продукт должен вернуть себе место в рационе школьника. По данным института кардиологии, масла надо употреблять не менее 30 граммов в день (две столовые ложки). Подсолнечное масло — предшественник вещества (простагладина), которое снижает давление у ребенка и уровень холестерина у взрослых. И дается как жир во всех сопутствующих блюдах. Подмечено: наши хозяйки выливают из бутылок подсолнечного масла гущу, а это и есть самое ценное! В лечении и предупреждении гипертонии у детей применяют препарат «Линетол». Он сделан на основе подсолнечного масла. Если надо, «Линетол» дети будут принимать, а масло с пищей — нет! Почему?

Педиатры рекомендуют маргарину «Солнечный» и «Диетический», в них входит подсолнечное масло и много витаминов, которых детям недостает. Вы сварили картошку, не кладите сливочное масло, полейте подсолнечным. Детям от него гораздо больше пользы.

«Солнечный» и «Диетический», в них входит подсолнечное масло и много витаминов, которых детям недостает. Вы сварили картошку, не кладите сливочное масло, полейте подсолнечным. Детям от него гораздо больше пользы.

НЕ ПРАВДУ

Александр БОЙКО,
кандидат педагогических наук

Доктор Пятквичюс выразился на этот счет так: «Поздно носить в больницу килограммы апельсинов, лучше до этого ежедневно давать тертую морковь». Надо терпеливо создавать здоровый образ жизни, придерживаясь его не сезонно, и у вашего ребенка будет меньше проблем. Дочка будет взвешиваться каждый день, если этим будет заниматься мама. И чем раньше это станет привычкой, тем лучше. После пятнадцати лет, если такая привычка отсутствует, зачастую появляется равнодушие к собственной внешности, а вместе с ней и к здоровью.

Ребенок все обязательно тянет в рот. И в качестве первой игрушки появляется... мягкая зубная щетка. Нет, это не шутка. Педиатры доказали: три кариозных зуба — серьезный фактор риска сердечных заболеваний!

Дети — народ восприимчивый и общительный. Все, что они узнают в школе, они расскажут дома. И проследят за тем, как обстоят дела у младшего брата

заботиться о его будущем. Данные на мальчиков должны поступить в военкомат. Юношу приписывают к воинской службе в пятнадцать лет, и есть три года, чтобы не только избавиться от факторов риска, но и подготовиться к воинской службе.

Однако как ни полезна такая информация, эффект ее значительно повышается, если родителям в массовом порядке будут предложены рекомендации. О «Паспорте здоровья» говорят много, но пока только говорят. А Пятквичюс взял и сделал таковой. Вот паспорт передо мной, яркого оранжевого цвета. В нем все просто, понятно и... настораживающе! Пятквичюс изложил на бумаге элементарную закономерность: соотношение роста, веса и процентов избыточных килограммов. Затем написал письма родителям, вложив туда конкретную памятку, как нужно питаться

лей, а после того, как телезрители хорошо их рассмотрят, следует объявление: «Они умерли на пятнадцать лет раньше от рака легких, вызванного курением».

Санитарное просвещение должно быть атакующим, а санитарное воспитание — более воспитывающим. Тем более простейшие истины выстраиваются в ряд, несложный для запоминания. Но все так же из года в год появляется плакат, уговаривающий мыть руки перед едой (важное напоминание), или призыв уничтожать мух (прекрасная мысль!), но все так же нигде не видим мы напоминания об опасности избыточного веса.

Разговор первый в «Смене» № 1

Маленькие родители

данному ребенку. В школах провел групповые занятия для детей. А во время следующего осмотра подчеркнул важное обстоятельство: вес остался важным, но дети выросли, значит, все в порядке...

А вообще, откуда возникло понятие «факторы риска»? Открытие принадлежит... страховым компаниям (разумеется, не обошлось без помощи медиков), владельцы которых однажды всерьез задались вопросом: зачем платить одинаковую страховку двум людям, если один из них обречен на болезнь, а то и на смерть, а другой здоров и полон сил? Страховые компании начали учитывать избыточный вес, наличие вредных привычек (курение), повышенное артериальное давление... И, коль у кого-то эти факторы есть, будьте добры, платите взносы побольше.

ФАКТ. Треть наших граждан имеет повышенное давление. Половина из них об этом не знает. Половина тех, кто знает, не лечится, а половина тех, кто лечится, лечится неправильно.

Несколько запутанно, но, если читать не торопясь, можно найти и самого себя. Тем более интерес к своему здоровью — не проявление эгоцентризма, скорее наоборот — государственное отношение к казенному имуществу (ленинские слова).

О том, что курение — фактор риска, мы писали достаточно подробно («Смена» № 8, 1985 г.). Но есть еще мысль, имеющая отношение к обсуждаемой проблеме. Вспомните, сколько лет одна и та же надпись «украшает» коробки сигарет: «Минздрав СССР предупреждает: курение опасно для вашего здоровья». Уже не одно поколение школьников научилось читать, а потом закурило!!! Им некогда рассматривать мелкие букочки, которые табачные фабрики выбрали для «антирекламы». Но так ли должно быть, если мы, родители, точно знаем о страшнейших последствиях курения, начатого в юные годы?

Говорят, в некоторых странах «антиреклама» табака ведется иначе... В перерывах между телевизионными передачами появляются, например, портреты популярных в прошлом, но еще достаточно известных артистов, писате-

Врачи убеждены: если школьники начнут интересоваться своим весом, это будет серьезное достижение в области профилактики заболеваний. Три простейших показателя — вес, давление, пульс — должны, по их мнению, ежегодно (ежеквартально) контролироваться в каждом классе, начиная с четвертого. Медицинские истины, изложенные на оборотах школьных тетрадок, позволили бы сразу включить миллионы детей в борьбу за собственное здоровье. А в дневнике школьника не составило бы труда выделить «страничку здоровья» с обязательным переносом данных предыдущих лет. И тогда перед глазами родителей выстраивалась бы многолетняя картина основных показателей здоровья их детей. Родители давно привыкли расписываться в графе, где подводятся итоги успеваемости и поведения. Графа здоровья была бы тоже отнюдь не лишней.

Да, все это, если можно так выразиться, реклама здоровья, здорового образа жизни, при котором внимание каждого человека к состоянию своего организма необходимо и естественно. Но как мы занимаемся этой рекламой? В НИИ профилактической кардиологии АМН СССР разработаны рекомендации по предупреждению факторов риска. Вот они лежат передо мной, размноженные на ротапринте. Экземпляров так мало, что нельзя даже сказать: капля в море. А вспомните затяжные паузы на нашем телеэкране! Пейзажные паузы. В институте кардиологии мне показали рекламные ролики, их длительность 20 секунд. Этого достаточно, чтобы продемонстрировать короткий сюжет и сказать: «Снижение количества соли в вашем ежедневном рационе на 5 граммов гарантирует дополнительно два года жизни!» Таковы цифры мировой медицинской статистики. Впечатляет, не правда ли? Или на экране появляется человек и произносит одну только фразу: «Необходимо регулярно контролировать уровень своего давления». Показывают толстяка, у которого измеряют давление: 180/80. Затем совет: «Сбросьте вес — снизится давление».

Согласен: многое из того, о чем здесь говорится, давно всем известно. Но задача в данном случае состоит не в том, чтобы лишний раз напомнить прописные истины (хотя зачастую и это не вредно), а в том, чтобы нам, родителям, в союзе с врачами сделать эти истины

достоянием наших детей, путеводной нитью в страну здоровья. Это необходимо, и это возможно.

ФАКТ. После опубликования в США данных о том, что бег гарантирует укрепление сердечно-сосудистой системы, им стал заниматься каждый второй американец.

Известно, что широкая профилактика сердечно-сосудистых заболеваний, которая настойчиво ведется в ряде стран, значительно снизила там количество хронических неинфекционных заболеваний.

Да, в капиталистических странах лечение даже легкого недомогания стоит дорого. Здоровье там имеет свою цену и в денежном выражении. У нас охрана здоровья граждан осуществляется бесплатно. И... В этом месте разговора Петросян процитировала неожиданный афоризм, казалось бы, не имеющий отношения к теме: «Если товара много, падает его цена...» Не получилось ли так, что где-то внутри нас укрепилась благодушная уверенность в отношении здоровья своего и своих детей: мол, чего беспокоиться, наберу по телефону 03 — на дом приедут!.. Да, приедут. Этим можно гордиться как нашим социальным завоеванием, но радоваться этому больной, нуждающийся в срочной медицинской помощи, вряд ли в состоянии.

ФАКТ. Среди американских школьников провели обследование с целью определения жизненных ценностей, на первое место они поставили здоровье. Наши ребята поставили здоровье на шестое — восьмое места...

Автору не раз доводилось слышать в последнее время мнение, что медицина «отвернулась» от здорового человека. Не берусь давать этому мнению оценку, но и не удивлюсь, если так оно и есть. Абсолютно здоровых людей, к сожалению, год от года отнюдь не становится больше, лечение же больных требует растущих затрат сил и средств. К тому же естественным считается, что здоровый человек в первую очередь сам приложит все силы для поддержания своего здоровья. Так, подчеркиваю, по праву считается. Но так не происходит. Да, здоровье, как и талант, каждый получает «от природы» — кто-то больше, кто-то меньше. Однако и те, кто в раннем детстве обладает абсолютным здоровьем, с годами зачастую утрачивают его по своей вине, а большей частью по вине родителей, привыкших к тому, что контакт с врачом необходим лишь в случае заболевания, и приносящих к этой мысли детей. Медицина «отвернулась»? Скорее все же наоборот: здоровый человек всеми силами уклоняется от визита к врачу. Взять ту же диспансеризацию. Ее цель — как раз предупредить заболевание, то есть не лечить болезнь, а именно охранять здоровье. Тем не менее, встречаясь с родителями, педиатры часто слышат от них: «Диспансеризация нужна врачу, а не ребенку». Неправда! Диспансеризация нужна ребенку, родителям и государству!

Исследования Карины Петросян и Роберта Пятквичюса — звенья в большой цепи кооперативной программы, осуществляемой в нашей стране в рамках СЭВ. Уже этот факт свидетельствует об огромной важности проводимой работы, о ее масштабах. Но в медицине даже самые крупные масштабы в качестве «единицы измерения» имеют интересы каждого конкретного человека, его здоровье. Данные, взятые Петросян и Пятквичюсом в отдельных регионах, позволяют им утверждать: полученная картина типична, она не может не волновать нас всех. И она волнует — врачей, школу, государство. Но, как это ни парадоксально, в большинстве своем меньше всех обеспокоены грозящей детям бедой... их папы и мамы — самые близкие, самые любящие. Что завист от них, сказано выше: практически все! В том числе и достаточная эффективность усилий остальных «заинтересованных сторон».

Так что слово за вами, родители! Точнее, не слово, а дело!

БЕЛОЕ ПЛАТЬЕ

В художественной самодеятельности школы исполнились: постановка «Танцы и песни наших бабушек», что называется, на носу, а большинство актрис еще не имеет старинных платьев. Дали клич по школе — всем-всем порыться в сундуках бабушек, поискать старину.

Елену Архипову, в другое время строго и немного суховатую в отношениях с бабушкой, ныне не узнать. Она и полы в доме помыла, и половики перетрясла, и хотела было приняться за приготовление обеда. Но бабка, и так довольная ныне старательностью внучки, отстранила ее от печки, прозываемой русской и сохранившейся в доме Архиповых по настоянию той же бабушки, которая и родилась, и выросла на печке, и поныне уверена, что в ней и хлеба лучше удаются, и щи бывают повкуснее.

Елена принимает вид обиженной:

— Ну вот, а говорили, что в ваше время девицы и у печки управлялись...

Бабка не отрицает, что в ее время молодые люди, особенно девицы, имели о многом другое понятие, но, зная характер внучки, собирает брови к переносью:

— Ты не юли, егоза, а говори, что тебе нужно... По глазам вижу, что неспроста лестишься.

И Елене доводится идти, что называется, в лоб:

— Бабушка, а у тебя старинная одежда есть?

— Это какая такая старинная? — В голосе бабушки явная обида. — Разве я уж такая старая, чтобы у меня были старинные вещи?

Елена чувствует, что дала промашку в словах, и старается вывернуться из неловкого положения:

— Да разве я сказала, что ты старая? Да если тебя поставить рядом с дедушкой, то еще за молодичу сойдешь.

И бабушка, и внучка хитровато и звонко смеются, а отсмеявшись, понимающе смотрят одна на другую, и вдруг бабушка вздыхает:

— Нет, внученька, в мое время про запас в сундуки ничего не прятали, потому как нечего было прятать.

Елена знает, про какое свое время говорит бабушка. Это когда она в недобрый сорок первый проводила дедулю, тогда бравого тридцатилетнего казака, на

узнали о белых платьях, то очень их одобрили. Сам секретарь райкома сказал:

— Правильно сделали, товарищи женщины, победителей надо встречать только в белых платьях.

Вскоре дедушка, тогда гвардии старшина, с двумя рядами медалей и орденов, обнял в первый раз после долгой разлуки свою героиню, и не было на ней никаких отличий, а было только одно белое платье.

Всех женщин тогда на митинге дедушка назвал гвардейками и поклонился им низко-низко, как никогда и никому не кланялся.

Сейчас бабушка так смотрит на платье, будто видит его в первый раз, а в глазах ее такие горячие огоньки, какие бывают у человека, когда он вдруг соприкоснется со своим прошлым или приподнимет краешек завесы будущего и в радостном удивлении увидит его.

Елена тоже не сводит глаз с бабушкиного платья, и видятся ей далекие сполохи военных горячих лет, какими они показываются в кино и по телевидению. Потом вдруг припоминается ей когда-то прочитанное, как для встречи возвращающегося из далекой ссылки мужа Ольга Сократова Чернышевская, уже пятидесятилетняя, тоже шила новое платье...

— Возьми, внученька.

И Елена как самую великую драгоценность принимает на обе руки белое, с буфами и напуском, старое платье...

ДОМ ШЕВАРЕВЫХ

Дом Шеваревых — из двенадцати комнат. Такого большого дома в Ключиках ни у кого не было. Это потому, что и семья немалая — восемнадцать душ. Если разобраться по-настоящему, это даже не одна семья, а целых три и еще две вот-вот будут: младшая дочь на выданье, и внук осенью займется из армии, тоже будет невесту искать.

Иной большой семьи, как Шеваревы, в Ключиках нет. Теперь ведь как? Молодые пары стремятся свое гнездо свить, чтоб подальше от родительского глаза. А Шеваревы не делятся. А почему не делятся — никто понять не может.

Днем, особенно в летнюю пору, из-за высоких деревьев большой шеваревский дом не так бросается в глаза, зато зимою да еще ночью...

Оказывается, чуть ли не добрая половина шеваревского корня работает на фермах — кто уходчиком, кто дояркой, кто механиком, кто электриком.

— Кто сторожем, — подсказал я, намекая на главу семьи.

— Не, Архипыч не такой человек, чтобы с дробовиком сидеть, — отверг мое предположение отец и посоветовал: — Ты утром на зорьке выйди-ка на двор да прислушайся хорошенько. Пожалуй, и услышишь Архипыча.

Услышать Архипыча мне удалось не сразу. Сперва прошло стадо коров, и я подумал, не Архипыч ли сопровождает их, потом рокот тракторных моторов разогнал тишину. Но когда на короткое время совсем притихло и я чуточку напряг слух, то явственно стал различать методичные звуки, которые бывают от удара молота по наковальне, когда на ней лежит дробла раскаленное железо.

— Посевная на носу, — резюмировал отец.

— Ну и что?

— А то, что старый Архипыч оттягивает лемеха к плугам.

— А что, у вас мастерской нет?

— Лучше Архипыча этого никто не сделает.

Оказывается, еще летом старый Шеварев без помощи сыновей и внуков перенес кузницу подальше от села, к так называемому Круглому озеру, чтобы перезвон своих наковален не беспокоит чуткий сон земляков. Но, на мой непросвещенный взгляд, напрасно он это сделал. Не только я, заезжий человек, но и многие коренные ключичане, даже будучи необремененными утренними заботами, встают пораньше, чтобы на утренней зорьке послушать этот перезвон.

СОЛДАТСКАЯ ЯБЛОНЬКА

До войны в наших Ключиках было много садов — и колхозных, и индивидуального пользования. Росли они вдоль речки Ключихи. В войну садов не стало. В первый же год после окончания войны они вновь стали возрождаться, только не на старом месте, а во дворах колхозников. Сейчас наши Ключики — сплошной сад. Но можно сказать без преувеличения, что в каждом дворе есть яблонька, о которой говорят с

Сергей КАРАКОЗОВ

РАССКАЗЫ

фронт, биться с супостатами, а сама взвалила на молодые плечи и дела колхозные, и свое хозяйство с тремя детьми и, как в присказке говорится, стала и бабой, и мужиком... Конечно, старины у бабушки нет и быть не может.

Елена уже начала скисать от предчувствия того, что не выступить ей в концерте школьной самодеятельности, но вдруг бабушка всплескивает руками:

— Да как же это я запамятовала-то! Есть у меня, внученька, платье, есть, давно хотела тебе показать.

При воспоминании о платье бабушка даже молодеет. Морщины у рта разглаживаются, а у глаз, наоборот, собираются в веселые лучики. Бабушка вытирает о фартук руки, хотя они у нее и так чистые, и семенит к заветному для Елены сундуку, приговаривая:

— Есть, есть одно белое платье.

Крышка сундука откидывается так, что хлопает по стене, и вот оно, белое платье, немислимого для Елены покроя, с какими-то буфами на плечах и с напуском в талии.

— Мода была такая... строгая и гордая...

— Как гордая? — не понимает Елена.

— А так и гордая, что все мы тогда, и бабы, и старики, и дети малые, были очень гордыми: наши мужики разбили супостатов, и справедливее русского нет ничего на свете.

Елене эта привычка бабушки хорошо знакома — называть фашистов не иначе как супостатами. На взгляд бабушки, супостатов не побеждают, а разбивают их, как человек разбивает вон все то, что недостойно существования.

За прилежную работу для фронта бабушка и ее подружки были премированы ценными подарками — отрезами на платье. Были они, эти боевые подружки, уже в летах, редкой не перевалило за тридцать, и все думали, что отрезы эти они выберут потемнее видом: не так, мол, броско и не так марко. Но на удивление всем попросили они, чтобы выдали им материю посветлее. Как раз в район привезли белую бязь. Вот эту бязь бабушка и ее подружки и приняли в подарок и решили пошить из нее платье. И когда в районе

...Как-то в конце февраля гостил я у отца и вздумал ночью выйти во двор глотнуть морозного воздуха. Вышел, взглянул на дом Шеваревых и ахнул: не дом, а корабль в огнях. А поскольку дом стоит на пригорке, то было такое впечатление, что корабль летит на всех парах. Заинтересовался: чем в такую пору могло быть занято семейство Шеваревых? Спрашиваю отца: по какому случаю у соседей такая иллюминация?

— Это не иллюминация, — отвечает он, — это экзамены.

— Какие экзамены?

— А самые обыкновенные, какие бывают в техникумах и институтах в зимние сессии.

Оказывается, два внука, сноха, зять и дочь Шеваревых — студенты-заочники.

Я полюбостествовал:

— Ну, а старый Шеварев тоже к экзаменам готовится?

— А как же, — удивился отец наивности вопроса. — Ты не смотри, что Архипыч восьмой десяток разменял. В агрокружке он самый активный слушатель.

В начале марта по пути из командировки я вновь остановился в родительском доме. Вышел ночью во двор и опять ахнул. Дом Шеваревых снова сиял огнями.

— Что, экзамены продолжаются? — спросил я отца.

— Дела важным конца нет, — ответил отец. — На фермах отел начался.

особым уважением. Бывает так: водит-водит хозяин тебя по саду, а потом вдруг потеплеет лицом и с какой-то почтительной торжественностью произнесет:

— А это солдатская яблонька...

Рассказывают, что дело было так. Осенью сорок второго года немцы то ли с отчаяния за свои неудачи под Сталинградом, то ли по какой ошибке ночью зверски бомбили колхозный сад. Многие деревья оказались вырванными с корнем, другие — иссеченными осколками, третьи — спаленными до гаревой черноты. Одна маленькая яблонька весенней посадки сорок первого года воздушной волной оказалась выброшенной за плетень, прямо на дорогу. Тут ее утром и подобрал солдат из части, идущей на помощь защитникам Сталинграда. Осмотрел солдат яблоньку и авторитетно изрек:

— Жива!

А когда часть проходила через Ключики, забежал солдат во двор к Ефросинье-казачке и собственноручно высадил яблоньку на том самом месте, где росли огурцы да помидоры, а ребятишкам Ефросиньи наказал ухаживать за яблонькой, потому что будут на ней яблоки не простые, а сахарные.

Весною яблонька зазеленела. Не сразу, говорят, зазеленела, болела долго, но ребятишки свято выполняли наказ солдата и, как умели, помогали яблоньке укрепиться. На следующий год и появились на ней плоды. Не ахти какими сладкими они были, но ребятишкам и впрямь казались медом.

Рисунок
Антон
КУМАНЬКОВА

К концу войны яблонька оформилась в цветущую красавицу и принесла столько яблок, что хватило их не только Ефросининым ребятишкам, а и соседским девчонкам и мальчишкам. Многие из нынешних ключевских папаш и мамаш, как сказку, рассказывают своим детям историю солдатской яблоньки. А когда уже после войны колхозники начали рассаживать свои сады, то каждый захотел иметь у себя солдатскую яблоньку и брал от нее черенки для прививки. Так и расселилась солдатская яблонька по всем ключевским садам.

И поныне добрым словом вспоминают в Ключиках безымянного солдата. Наверное, был он хорошим садоводом.

ТРОФЕЙНЫЙ СЫН

В семье Бельчиковых старшего сына Василия иногда в шутку называют трофейным. И Василий не обижается на такое вроде бы и не совсем приличное для мужчины прозвище. Только переглядывается с отцом и матерью и усмехнется шутке. И отец с матерью тоже переглядываются между собой и вроде бы усмехнутся. А что ответить? Нечего ответить, когда, если разобраться по существу с точки зрения военной терминологии, сно так и есть — старший сын Бельчиковых не в семье рожденный, не молоком матери вскорм-

ленный, а что ни на есть настоящий трофей военного времени.

...И была же загадка Анисье Тимофеевне Бельчиковой, когда в самое военное лихолетье, в то самое время, как в наших Ключиках почти полгода слышалось, как гудит земля в Сталинграде, вдруг принесли телеграмму с фронта. Не треугольник солдатский, не казенный пакет из части, которого как огня боялись ключевские женщины, а самую настоящую телеграмму на телеграфном бланке. Та телеграмма гласила: «Встречай сына». Что подумала Анисья Тимофеевна, получив такую необыкновенную для военных лет телеграмму? А подумала она, что ошибочка вышла на телеграфе и телеграмма пришла не по адресу. По телефону запросили район, то есть районный телеграф, но оттуда пришло категоричное подтверждение, что никакой ошибки нет, что телеграмма с фронта и отправил ее не кто иной, как законный муж Анисьи Тимофеевны, гвардии рядовой Петр Васильевич Бельчиков. И ответ такой еще больше озадачил ключан и внес сумятицу в душу Анисьи Тимофеевны: что за сын, а самое главное, каким путем он мог оказаться у солдата?

Три года Бельчиковы прожили и не заимели никакого сына, а тут спустя каких-нибудь полтора года, как призвали Петра в армию, вдруг у него появляется сын. Досужие молодые ключевские женщины сразу придумали версию, что не иначе муж Анисьи сошелся с какой-то фронтовой сестрой, соорудил с ней сына, а

поскольку его на фронте держать нельзя, то и шлет его на воспитание законной жене, рассчитывая по военному времени на ее сознательность. И, рассудив так, посоветовали Анисье отправиться на станцию, встретить нерожденного сына, а потом уже начать разбирательство, что, отчего и к чему. Пожилые женщины, а попросту говоря, ключевские старухи, утвердили версию молодых и тоже посоветовали Анисье отправиться на станцию и зла на встреченного ребенка не иметь, а взять его на воспитание до выяснения всех обстоятельств его появления на свет.

До станции Анисья Тимофеевна шла пешком, и поскольку путь был зимний и неблизкий, то ей многое довелось передумать и не раз всплакнуть и от трудностей пути дальнего, и от непутевого поступка мужа, так нелепо погубившего их любовь. И поскольку ревнивая обида терзала сердце молодой женщины, то перед станцией ее стало брать раздумье: а как произойдет эта встреча, кто доставит ей младенца и как она вообще может узнать этого доставившего? Ворохнулась было радостная мысль: а может быть, сам муж и будет этим самым доставщиком? И когда ворохнулась эта мысль, будто ребенок под сердцем матери, Анисья уже была готова простить мужу всякие фронтовые прегрешения.

На станции не было ни души, только колючий ветер гулял по рельсам и по ним же гнал поземку. И ни один пассажирский поезд не шел по этим железным рельсам, а бежали по ним торопливые фронтовые составы, и не с людьми, а с боевой техникой, и ни один из них не думал остановиться, так что Анисья даже поругала себя за то, что поверила телеграмме мужа, и свой приход на станцию посчитала поступком опрометчивым. И, наверное, отправилась бы восвояси, если бы на ее счастье и счастье малолетнего Васятки Анисье не повстречался дотошный сторож и не расспросил ее обо всем, как есть, вплоть до того, как они в свое время жили с мужем. Уверившись в том, что с мужем они жили в любви и согласии, добрый человек и посоветовал Анисье Тимофеевне отправиться в комендатуру и все доподлинно выяснить.

— Обману быть не может, — заверил сторож-инвалид и даже потихоньку подтолкнул Анисью Тимофеевну к комендатуре, которая находилась здесь же, на станции, и о которой Анисья Тимофеевна дотоле не имела и понятия, а узнав, что такая есть, почему-то немного испугалась и потому входила в нее не без робости и даже слова путного не могла вымолвить, а только подала ту самую телеграмму, которая и привела ее на станцию. Но военный, еще не старый, но уже седой, прочитав телеграмму, вдруг обрадовался Анисье Тимофеевне, будто все эти дни только ее и ждал. И как дорогую гостью начал усаживать на табуретку и радостно осведомился:

— Так вы и есть мамаша Васятки?

Анисье Тимофеевне ничего не оставалось делать, как подтвердить, что именно она и есть мамаша Васятки. И когда она назвалась матерью Васятки, военный подозрительно посмотрел на Анисью Тимофеевну, вроде бы усомнившись в том, что она может быть матерью Васятки. Шел тогда Анисье Тимофеевне всего двадцать третий год, а от худобы выглядела она и того моложе, совсем на девчонку смахивала обличьем. Военный же не стал больше расспрашивать о чем-либо Анисью Тимофеевну, а открыв форточку, прокричал в нее:

— Васятка, кончай катание. Мать пришла.

И через минуту в колени Анисье Тимофеевны ткнулся мальчишка лет шести-семи, а потом начал целовать ее и приговаривать:

— Маманя, родная!

И, обласканная обретенным сыном, Анисья Тимофеевна стала тут же кормить его тем, что взяла с собой на дорогу, а военный вскипятил чай и, угощая мать с сыном, очень радовался их встрече, и Анисья Тимофеевна тоже за радостью забыла даже расспросить военного, каким путем Васятка оказался у него. Васятку же она считала не совсем удобным расспрашивать о чем-либо: мать родная, и вдруг чего-то не знает о сыне.

Все разъяснилось после того, как спустя несколько дней пришло письмо от мужа. Скуповатое на слова письмо, но суть понять можно было: подобрал солдат Бельчиков мальчишку на сельском погорелье. Подобрал, когда ходил в разведку. Налуганным зверьком сидел Васятка у трупов побитых немцами отца и матери. И был в том письме наказ строгий беречь Васятку как сына родного.

Вскоре в Ключиках кто-то в шутку нарек Васятку трофейным. Очень не нравилось на первых порах мальчишке это слово, даже в драку бросался из-за него. А когда подрос, и война кончилась, и отец возвратился с фронта, то гордиться начал тем обстоятельством, по которому он очутился в семье Бельчиковых. А когда появились в печати первые снимки берлинского памятника, изображавшего советского солдата со спасенным ребенком на руках, то Василий Бельчиков был твердо убежден, что скульптор наверняка знал о подвиге его нареченного отца и сваял именно их — отца и сына.

КЕВИН И ДЖУЛИЯ

ЭЛС ДЕ ГРУН
РАССКАЗ

I

Держась ногами, Джулия висит на турнике вниз головой. Мир от этого выглядит очень смешным. Серые облака теперь земля; земля, усыпанная камешками, — небо. Качели и сооружения для лазанья выглядят как шнуры проводки с плафонами на концах, да и домик миссис Харбисон тоже вдруг повисает с «неба».

— Джулия! Джулия!

На детской площадке появился худой долговязый мальчик. Он отбрасывает назад со лба длинные волосы и засовывает руки в карманы.

— Джулия! — нетерпеливо зовет он.

Ухватившись руками за перекладину, Джулия ловко делает сальто. Плечам больно, но она не подает вида и улыбается брату. Мир снова стал таким, как всегда. Детская площадка и домик миссис Харбисон спустились с неба. Осталась на небе, может быть, только сама миссис Харбисон, которая умерла и похоронена.

— У тебя кровь прилила к лицу, — говорит Дэвид. — Глупостями какими-то занимаешься.

Он злится, что на поп-фестиваль должен взять с собой Джулию. Мать купила два билета и потребовала, чтобы они пошли вместе. «Я не нянька», — заявил он тогда. «А Джулия в няньках и не нуждается», — сказала ему на это мать.

— Уже идем? — спрашивает Джулия.

Она отряхивается, и видно, что она вот-вот запрыгает от радости. Однако в последний момент передумывает. Идет с Дэвидом рядом и приглаживает рукой волосы. Он не должен стесняться того, что она с ним идет; она уже большая, ей уже можно на такой фестиваль.

Вместо того, чтобы направиться прямо к остановке автобуса, Дэвид сворачивает в какой-то переулок.

— Зайдем к Биллу, — коротко говорит он и замолкает.

Они идут молча мимо домиков, сложенных из одинаковых кирпичей. Домики прислонились друг к другу как усталые солдаты, дымовые трубы на них как шапки. Отличить один от другого можно только по гардинам в окнах. В домике Билла они красные, с цветочками.

Дэвид звонит, и дверь сразу открывается, как будто кто-то за ней стоял и ждал.

— Ну, как? — спрашивает Билл. — Она согласна?

Дэвид пожимает плечами.

— Я еще с ней об этом не говорил.

— Ну, так давай поговорим!

Джулия переводит непонимающий взгляд с одного мальчика на другого. Билл уходит в комнату и возвращается с куклой.

— Я тебе дам куклу, а ты мне дашь свой билет, хорошо?

Он сует куклу Джулии и протягивает руку за билетом.

Она смотрит на него растерянно. И вдруг понимает, что задумали мальчики.

— Давай, Джулия, — говорит Дэвид. — Ты здесь поиграешь, а мы с Биллом пойдём на автобус. Эта кукла у нее останется, а Билл?

— Конечно, останется.

Джулия смотрит на куклу, наморщив лоб. Кукла из мягкого пластика, красивая, но левая ступня у нее без пальцев. Там, где должны быть пальцы, пластмасса, видно, была расплавлена.

— Повредила бомба, — говорит Билл. — Купил со скидкой в магазине игрушек в центре.

Внезапно Джулия принимает решение. Дело не только в ноге куклы, дело также в самой Джулии.

— Я иду с Дэвидом, кукла мне не нужна.

Она возвращает Биллу его подарок. Сперва он

удивлен, потом оскорблен и наконец рассержен. С куклой в руках он начинает ругать Джулию:

— Дура, писунья ночная! Ты же в рок-музыке ни бум-бум! Отдай билет!

Ноги у Джулии начинают дрожать. Мальчики вроде Билла, которые в один миг меняются и становятся совсем другими, ее пугают. То они улыбаются тебе, то бьют. Билл любит драться. Это видно по его глазам, когда он злится. А злым она видела его много раз. У него своя компания, в которой все носят одежду из шотландки.

Сама не замечая, она пятится назад. В то же время смотрит на Дэвида. Билеты у него в кармане. Не отдаст ли Дэвид Биллу, чтобы с ним не поссориться, ее билет? Но почему-то Дэвид принимает ее сторону и билет Биллу не отдает.

— Извини, Билл, в другой раз...

Они выходят, и Билл со злостью захлопывает за ними дверь.

II

Кевин — католик. Это значит, что его крестили и он в торжественной обстановке прошел конфирмацию¹. Однако правильно было бы от церкви его отлучить, потому что она его совсем не интересует. Не то что его родителей, которые оба много молятся. Мать молится за мир, отец — за победу, что, говорит отец, одно и то же. Отец Кевина верит в бога и в ИРА² одновременно. Статуи святых для него — товарищи по оружию, к которым, когда захочешь, можно обратиться за помощью и поддержкой. Он закладывает бомбы, участвует в борьбе, но дома он тихий и добрый. Это сбивает Кевина с толку. Когда смотришь в церковь на статую какого-нибудь святого, на ее пустые печальные глаза и длинный узкий нос, трудно поверить, что она участвует в вооруженной борьбе. Пастор участвует, но он человек. Как может человек говорить от имени статуи? Эти мысли Кевин никогда не высказывает вслух, но они очень его смущают. В школе он держится в стороне от других. Что до церкви, то особым благочестием он не отличается, но вызывающе по отношению к религии тоже себя не ведет. Не дружит с мальчиками, которые ругают священника, а после этого идут к нему же исповедоваться. Кевин безупречен, как статуя, нутра которой не видит никто.

Вместе с братьями, маленькими сестрами и родителями он живет в католическом районе Фолле. Стены у них в квартире звукопроницаемые, дом старый, но платить домохозяйину приходится непомерно много. Денег все время не хватает.

У Кевина, однако, свои способы добывать карманные деньги. Он подбирает всякую дрянь вроде патронных гильз и пластиковых пуль и продает журналистам. Помогает старикам, в доме рядом выносит мусор или забирает у владельцев автомобилей плату за право пользоваться стоянкой. Не попрошайничает: это занятие вызывает у него отвращение. Когда дела идут из рук вон плохо, он уж скорее что-нибудь украдет. Большей частью это лакомства и никогда — деньги.

Если не считать прошлой недели. На прошлой неделе он из сумочки матери украл именно деньги. Вообще говоря, он их даже не украл, а взял в долг, потому что он их ей вернет. Эти деньги нужны ему, чтобы купить билет на поп-концерт. Сегодня придет «Ураган». Ради него придется постоять в очереди: попасть в зал захотят очень многие. Кевин придирчиво рассматривает себя в зеркале; своей

¹ У католиков и протестантов обряд приема в церковную общину подростков, достигших определенного возраста.

² Ирландская республиканская армия. Вооруженные подпольные формирования католиков, действующие в Северной Ирландии.

внешностью он не слишком доволен. Нос маленький, веснушчатый, глаза большие и какие-то детские, русые волосы пострижены совсем коротко. Постригла его так сестренка, она хочет, когда вырастет, стать парикмахером.

Внезапно дверь распахивается, и у Кевина появляется чувство, будто его застали за чем-то нехорошим.

— Вид очень приличный, — улыбаясь, говорит мать. — Но брюки ты, интересно, надевать думаешь?

Она знает, куда он идет; может, она знает еще, и на какие деньги он купит билет?

Избегая ее взгляда, он берется за брюки.

— Они неплохие, правда? — спрашивает он.

— Грязные до невероятности, — отвечает мать. — Посмотри-ка лучше сюда...

Он поворачивается к ней. В руках у матери джинсы, она аккуратно раскладывает их на постели Кевина. Разглаживает складки.

— Вот... Не новые, говорю прямо: купила у соседа. Выстирала, и, по-моему, они будут тебе как раз.

Кевин быстро надевает джинсы. Торопливо натягивает «молнию», застегивает пуговицу и издает радостный вопль: брюки ему действительно как раз.

— Тише, — испуганно говорит мать и показывает на тонкую перегородку спальни.

Кевин хочет сказать еще что-то, но она запрещает взглядом. Он выходит тихонько через черный ход их квартиры. Веселье больше не бьет из него фонтаном.

О ночных дежурствах говорить в семье не принято. Никто в доме никогда не произносит слово «ИРА». Мать боится, как бы о том, что ее муж связан с ИРА, не узнали мальши, но об этом и так знает половина района.

— Ничего, что я иду? — спрашивает ее Кевин.

На лице матери усталость и страх. Мать пытается улыбнуться, но улыбки не получается. Она смотрит на Кевина беспомощным взглядом.

— Один не ходи, иди с мальчиками, — усталым голосом говорит она.

Но когда он открывает дверь квартиры и выходит в коридор, по которому гуляют сквозняки, она машет ему рукой. Маленькой шершавой рукой. Он обязательно ей все вернет.

Как всегда, лифт не работает, приходится спускаться по лестнице. Стены здесь грязные, пахнет кухней и плесенью, но те, кто здесь живет, этого уже не замечают.

Под навесом у входа играют мальши. Их крики и визг слышны даже на верхних этажах.

— Принес что-нибудь вкусное, Кевин? Кевин, что ты нам дашь?

Дети виснут на Кевине, он стряхивает их с себя. Делает вид, будто сердится. На самом же деле он спокоен: мальши всегда пристают к большим мальчикам.

— Кевин! — кричат они ему вслед.

— Может, завтра принесу! — отвечает он им.

III

Когда на остановке за отелем «Форум» Кевин выходит из автобуса, моросит мелкий дождь. Кевин поднимает воротник, потом смотрит на часы. Времени до начала еще много, час с лишним. Он идет по Грейт-Виктория-стрит, где не только отель «Форум», но и муниципалитет. Здесь всегда много народу, у подъезда сует, входя и выходя, нарядно

одетая публика и несется непрерывным потоком машины. Шуршание и взвизги колес на асфальте мешаются с другими уличными звуками. Много машин стоит у тротуара.

Кевин бредет вдоль вереницы стоящих машин, оглядывает внимательно каждую. В каждой кто-то сидит. Мальчишка за рулем «Форда», догадавшись о намерениях Кевина, показывает ему нос. Ни одной машины не найдешь: слишком большая конкуренция. Тем не менее он переходит на другую сторону и пытается что-нибудь найти там. К тротуару подъезжает новая машина, он бросается к ней.

— Нужна помощь, мистер?

Водитель качает отрицательно головой. В машине остается его жена.

— Значит, нет?— не отстает Кевин.

Но тут останавливается рядом еще машина. Она старая, и ее широкая крыша, окруженная барьерчиком, вся завалена провизией. Кевин стучит в окошко, и человек за рулем поднимает голову. Потом отмахивается от Кевина рукой:

— Нет.

— Черт побери!— громко говорит Кевин.

Он снова стучит в окошко. Обязательно нужно поработать, хоть сколько-нибудь!

Водитель спускает окошко вниз.

— Проваливай, мне никто не нужен.

— Выйти не хотите?— не отступает Кевин.

— Нет, я кое-кого жду. На, пойдя купи себе гамбургер!

Кевин все не уходит, и водитель дает ему еще денег. Потом плотно закрывает окошко и смотрит уже только вперед.

Растерянный, Кевин кладет деньги, которые ему дал водитель, в карман. И даже забывает поблагодарить. В приподнятом настроении идет к отелю, куда уже пускают первых пришедших на концерт. Дом, где помещается отель, большой и современный. Находится он в центре города, но с его верхнего этажа наверняка видны даже такие удаленные районы, как Восточный Белфаст и Фоллс-роуд. Кевин не прочь подняться выше, но на третьем этаже его останавливают администраторы:

— «Ураган» направо, молодой человек.

Они кивают в сторону зала. Кевин послушно сворачивает вправо; этот день ему уже ничто не может испортить. Он то и дело щупает карман, где лежат деньги. Место ему досталось прекрасное, прямо перед эстрадой. В зале раздаются крики и свист, но на эстраде пока еще никого нет. До чего трудно ждать! Кевин вертится в кресле и смотрит по сторонам.

Наконец появляется человек в сером костюме и пытается установить тишину. Перекричать шум в зале ему не удается, и тогда он идет к ударной установке и ударяет один раз в барабан. Это действует сразу!

— Нас известили, что в отеле заложена бомба!— говорит, обращаясь к залу, человек в сером костюме.— Необходимо всем покинуть здание. Оснований для паники нет, сохраняйте спокойствие. В зале открыты три двери.

И он показал на эти двери.

Крики, поднявшиеся теперь, не такие, какие слышишь, когда передают концерт по телевизору. Два или три подростка опрокидывают кресла, но администраторы сразу восстанавливают порядок.

Пробираясь к выходу, Кевин выставляет локти.

— Проклятая ИРА!— говорит кто-то.

— Оранжевые!— обзывает его другой.

— Придержи язык, ты!— кричит третий.

Весь отель в движении. На каждом этаже топаят ноги. Кевин испотел. Толпа несет его к выходу. Повсюду солдаты, они торопят:

— Проходите, проходите!

Дыша холодным, влажным от дождя уличным воздухом, Кевин вместе с толпой движется дальше.

— Проходите, проходите!

Свернуть вправо или влево никто не может, все продвигаются в одном направлении. Грейт-Виктория-стрит перегорожена, проходить через ограждение можно только по одному. Детям и взрослым, католикам и протестантам— всем, кто вышел из отеля, приходится сворачивать вправо. Много молодежи собирается на автомобильной стоянке. Слышатся злые возгласы, летят камни.

— Верните деньги!— доносятся оттуда крики.

Кевин, как обычно, держится от крикунов в стороне. Он оглядывает внимательно все вокруг и вдруг видит: в двух шагах от него рыдает девочка. Ее то и дело толкают, от этого она качается то в одну сторону, то в другую, но с места не сходит. Кевин, сам не понимая почему, к ней проталкивается и берет ее за руку.

— Пойдем отсюда!

Она послушно дает перевести себя через улицу, туда, где на углу стоит полуразрушенный дом. Фасад и часть крыши уничтожены взрывом. Кевин отодвигает несколько досок, и теперь можно войти

¹ Рубленный бифштекс с кет-чупом в разрезанной пополам булочке.

внутри. Пахнет гарью и плесенью, но зато его и девочку здесь никто не видит.

— Сядь вот здесь. Как тебя зовут?

— Джулия,— тихо отвечает она.

— Ты тоже пришла послушать «Ураган»?

Джулия вытирает рукавом глаза, и у нее опять выпрывается рыдание.

— Я была с братом. Он куда-то делся. Мы с ним потерялись. Только бы с ним ничего не случилось!

— Сколько твоему брату лет?— спрашивает Кевин.

— Много, четырнадцать.

Кевин смеется.

— Четырнадцать? По-твоему, это много?

Джулия молча смотрит себе под ноги, ей не хочется рассказывать подробно о Дэвиде.

— А сколько лет тебе?— спрашивает Кевин.

— Скоро десять. А тебе?

— Двенадцать. У нас в семье семь человек детей, я самый старший.

Лицо Кевина, пока он это говорит, становится серьезным. Он смотрит на худенькую девочку со смешными кудряшками. Она смотрит на него.

— Я живу в Фоллсе,— говорит он.

— Это все равно что сказать: «Я католик».

— Ты за ИРА?— спрашивает девочка.

Она протестантка, теперь он это знает точно. Он говорит:

— Я против бомб, но ведь вы, протестанты, хотите нами командовать, вот нам и приходится как-то с этим бороться.

— Я не хочу никем командовать,— отвечает на это Джулия.— Если кто и командует вами, то только папа римский.

Она довольна своим ответом, хотя придумала его не сама. Мать все время твердит: когда Северная Ирландия перейдет к Южной, всех протестантов обратят в католичество, и протестантской церкви уже не будет. Довольная тем, что она сказала, и в то же время об этом сожалея, Джулия глядит на мальчика. Он растерянно моргает. Глаза у него голубые и красивые.

— Тебя я не имею в виду,— говорит он.— Я прекрасно понимаю, что ты не хочешь нами командовать, но ваши отцы и матери хотят. Протестанты во всем друг друга поддерживают.

— Мой отец умер,— говорит Джулия.— Его убила ИРА. Он зашел в бар выпить пива, а в баре взорвалась бомба. Убить хотели кого-то другого, но он в это время случайно тоже там оказался. До этого он работал в порту сварщиком. Уж он-то никем не хотел командовать.

Воцаряется молчание. Джулия думает о Дэвиде, и ей очень грустно: разговаривать с Дэвидом стало труднее, чем раньше; он дружит теперь с мальчишками вроде Билла и все время затевает ссоры. А Кевин думает сейчас о том, кто на самом деле командует. Она говорит, что командует папа римский. Почему в Ирландии не командуют сами ирландцы? Дураки они, что ли, драться друг с другом ради кого-то? Он поворачивается к девочке и говорит ей об этом.

— Может, ты и прав,— говорит Джулия, но мысли ее далеко.

Шум снаружи становится громче. От перегорожки из досок, за которой они сидят, отскакивает камень. Звучат выстрелы. Кевин и Джулия все равно не уходят.

Внезапно кто-то отводит доски в сторону. Щебенка и битое стекло хрустят под солдатскими ботинками.

— Что вы там делаете? Вставайте!

Кевин и Джулия встают и дают себя обыскать. Один солдат обшаривает их карманы, другой целится в Кевина и Джулию из винтовки.

— Что вы здесь делаете? Отвечайте!

— Я потерялась с братом, испугалась, и этот мальчик мне помог,— говорит она, кивая в сторону Кевина; губы ее дрожат.

Солдаты берут их обоих за руку над кистью и выводят на улицу. Там настоящее столпотворение, люди дерутся. Солдаты держат толпу молодежи на автомобильной стоянке под прицелом.

— Как тебя зовут? По какому адресу живешь? Какой у вас номер телефона?— спрашивает солдат Джулию.

— Телефона у нас нет,— отвечает она осипшим от слез голосом. И быстро, скороговоркой говорит адрес.

Она не замечает, что Кевин внимательно ее слушает.

— А твой, мальчик?— спрашивает солдат, открывая записную книжку на чистой странице.

Кевин медлит. Как бы не навлечь на близких беды!

— Джереми Морган,— лжет он.— Флауэрлейн, сорок, телефона нет.

Почему солдат перестал писать? Ручка обводит кружком слово «Флауэрлейн». Он явно не верит Кевину.

Кевин прикидывает: до автомобильной стоянки

метров двенадцать, четырех секунд ему хватит. За руку его больше не держат.

Если бежать, то лучше сейчас, потом будет поздно. Он набирает полную грудь воздуха, легкие расширяются.

— Флауэрлейн?— переспрашивает солдат.

И Кевин бросается наутек.

— Не надо!— кричит Джулия, видя, как один из солдат поднимает карабин и прицеливается.

IV

Прошло три дня, а перед глазами Джулия по-прежнему эта картина: солдат целится и стреляет. В ушах у нее до сих пор звуки выстрелов на перекрытой для автомобильного движения улице.

Домой ее доставил тогда полицейский. Во второй половине дня пришел Дэвид. Он рассказал о бомбе: она была спрятана на крыше машины, среди провизии. Ее разрядили. Мать стала кричать на него: «Почему ты не разыскал Джулию?» А Джулия она повторяла: «Я не должна была пускать тебя с Дэвидом. Лучше было бы, если бы он пошел один или с друзьями. Если уж я не могу удержать его от глупостей, ты не сможешь и подавно».

«Ну вот, снова!— сказал тогда Дэвид.— Что я такого сделал? Ведь ничего с ней не случилось!» Бледная как смерть, Джулия лежала в кресле, он стоял около нее. В разговор между матерью и Дэвидом Джулия не вслушивалась. Она не понимала, что пустили ее с Дэвидом ради того, чтобы она за ним присматривала, и мать теперь об этом жалеет. Джулия не могла сейчас думать ни о чем, кроме мальчика.

В понедельник в газете появляется заметка о беспорядках у отеля «Форум»: «Четырнадцать ранено, трое серьезно». Всего лишь крошечное сообщение рядом с объявлением о продаже автомобиля. Только чтобы заполнить место, а то бы и не сообщили. Среди раненых прохожие.

Джулия задумывается: что значит «раненых»? Потерявших руки или ноги, истекающих кровью? Пластиковой пулей можно даже убить. Почему мальчик убежал? Мальчики его возраста участвуют в борьбе. Они учатся делать осколочные и зажигательные бомбы, а когда становятся старше, то и стрелять. Или, может, что-нибудь такое делает кто-нибудь у него в семье? Что он ей говорил, когда они спрятались в разрушенном доме? Почему она не может этого вспомнить и не знает даже, попали в него или нет? Почему она смотрела на черный ствол винтовки, а не на мальчика? Цельный водоворот вопросов— и все, что тогда было, в нем кружится. И Джулия тоже кружится и не может ни за что ухватиться...

— Выбрала бы тогда куклу,— злорадствует Билл.— А то ведь ничего не получила— ни куклы, ни музыки.

Он отдал куклу без пальцев на ногу одной из своих сестреноч. Джулия видит в окно, как та гордо с ней разгуливает. Дэвид и Билл забыли о своей ссоре. Дни и вечера проводят вместе на улице. Мать Джулии это очень пугает.

— Билл не очень хорошо ведет себя, Джулия,— говорит она шепотом.— А отец его террорист, убийца.

Когда однажды вечером в католическом районе Шорт-Стрэнд взрывается бомба, Дэвид говорит спокойно:

— Так им и надо.

Мать дает ему пощечину.

— Так надо, мерзавец? Я вижу, ты забыл, как погиб твой отец?

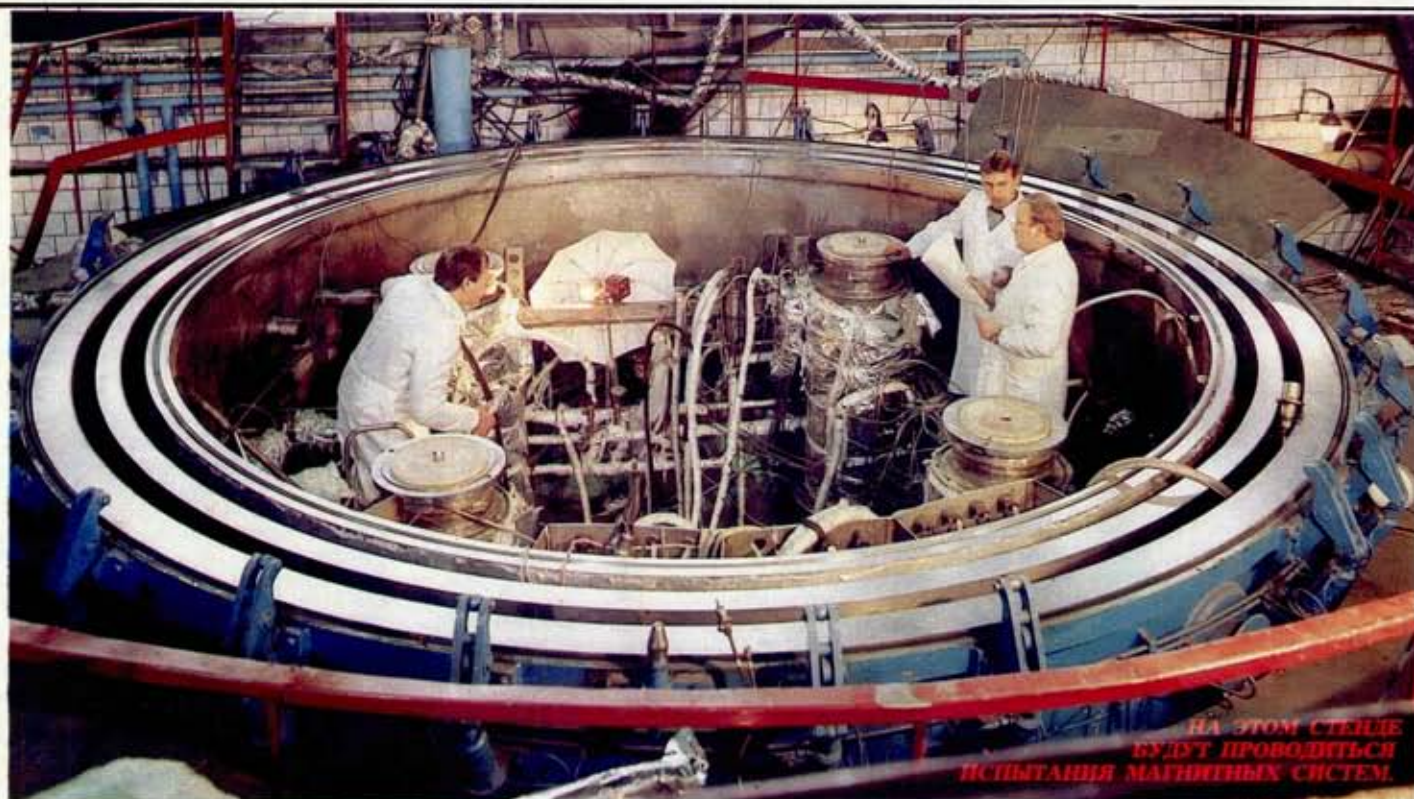
Вспыхивает ссора, и Джулия выскальзывает из комнаты.

Через чердачное окно она видит зарево разгорающегося пожара. Может, там гибнут сейчас католики. Может, у них короткие волосы и на лице веснушки. Ей теперь кажется, что все католики именно такие. Она уходит от окна и, плача тихонько, залезает в постель.

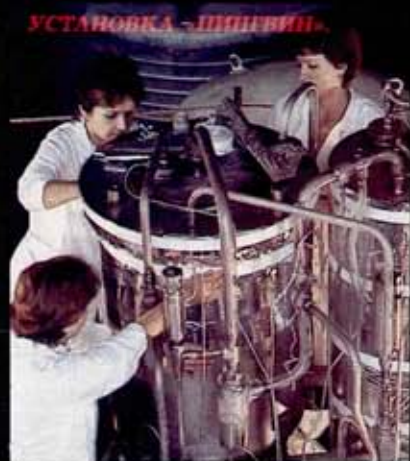
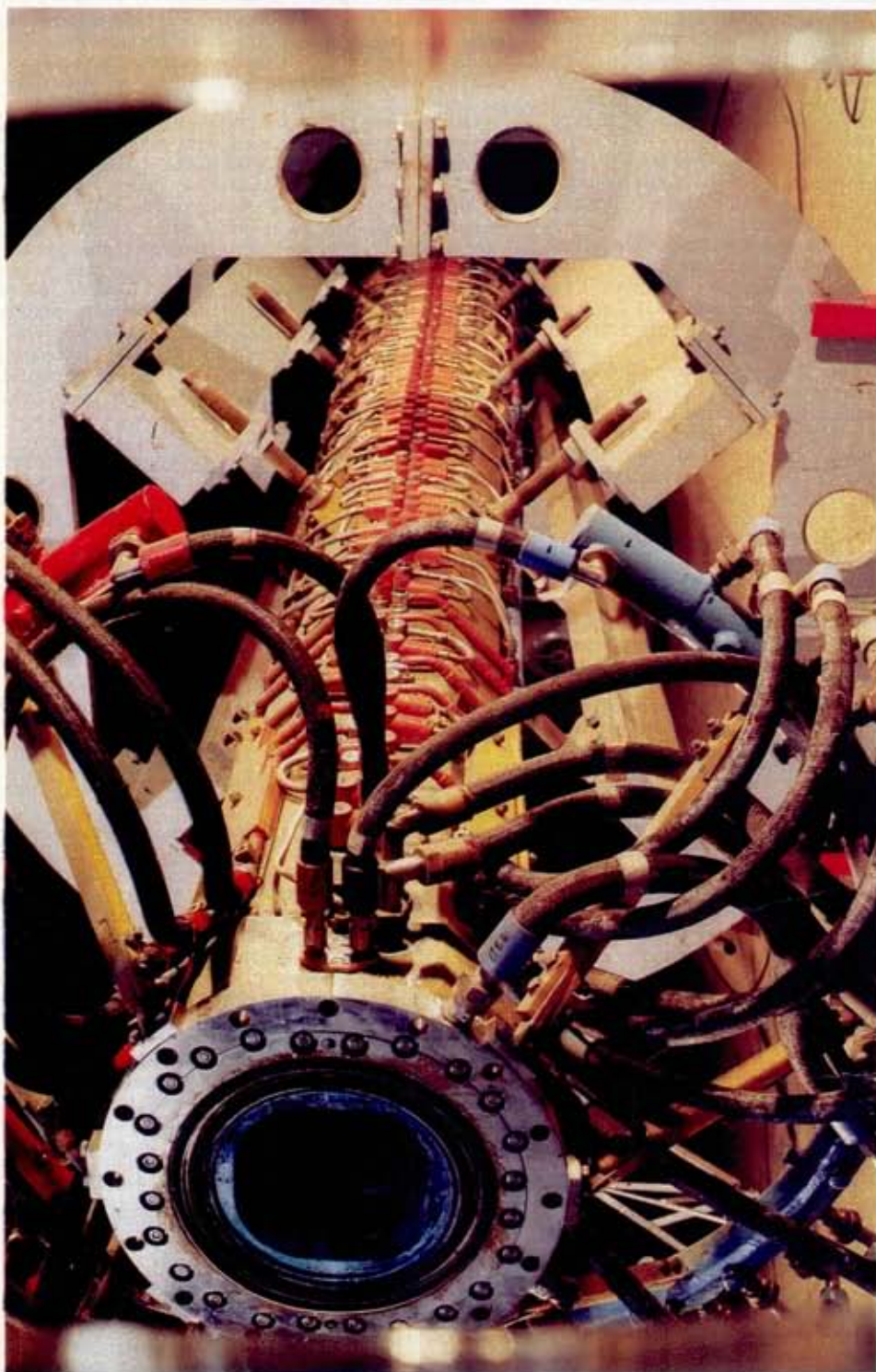
Когда утром она спускается вниз, Дэвид и мать уже позавтракали. Это видно по крошкам на тарелках и по грязным чашкам. На ее красивой тарелке лежит письмо. На конверте округлым ученическим почерком выведено ее имя. Название улицы написано с ошибками. Удивленная, Джулия разрывает конверт. Внутри листок, и на нем тем же самым почерком написано: «Привет, Джулия— если ты Джулия на самом деле! Мы должны увидеться еще. В субботу, 8 января, около Оперы— тебе удобно? Надеюсь, ты благополучно добралась домой? Со мной все хорошо. До свиданья. Кевин (Джереми)».

Она садится и перечитывает письмо. Сердце ее начинает биться сильно-сильно, потому что наконец до нее доходит: его зовут Кевин и он не ранен.

Перевел с нидерландского
Ростислав РЫБКИН.

НА ЭТОМ СТЕПЛЕ
БУДУТ ПРОВОДИТЬСЯ
ИСПЫТАНИЯ МАГНИТНЫХ СИСТЕМ.

УСТАНОВКА «ПШЕВИН»

**Наука — техника —
прогресс**

Виктор БЕЛЯКОВ,
член-корреспондент
АН СССР,
Герой Социалистического
Труда, генеральный директор
научно-производственного
объединения «Криогенмаш»

В переводе с греческого
«крио» означает «холод».
Криогеника — это наука, изу-
чающая способы получения
криогенного холода, про-
цессы, протекающие при
криогенных температу-
рах — то есть ниже минус
153 градусов Цельсия.

Криогеника в 1978 году отметила
свое столетие. И все же сравнительно
недавно она считалась наукой сугубо
теоретической и использовалась уче-
ными для изучения физики твердого
тела. Начало технического применя-
ния криогеники в СССР связано с

**СВЕРХПРОВОДЯЩИЙ
МАГНИТ ГЕНЕРАТОРА.**

**ПРОВЕРКА
ПЕРЕД ИСПЫТАНИЕМ.**

Стать подлинными
форпостами
научно-технического
прогресса,
привлекать к решению
сложнейших задач
молодые силы науки
и производства —
такую цель ставит
партия перед
научно-
производственными
объединениями.
Придать
новый импульс
всей работе
по развитию
крупных НПО —
вот что требуется
в первую очередь
для ее успешного
достижения...

**ПР
Ж**

Навстречу
XXVII съезду
КПСС

ОФРЕССИИ ОЮОДА

именем выдающегося ученого и инженера, академика Петра Леонидовича Капицы. В 1939—1940 годах он создал две криогенные установки—для сжижения воздуха и для получения жидкого кислорода.

В последние десятилетия криогеника переживает как бы второе рождение. Все новые отрасли промышленности используют ее для внедрения новых технологических процессов и создания новых производств. Metallургия и сельское хозяйство, химия и энергетика, медицина и электроника, ядерная физика и космонавтика, биология и приборостроение, многие другие отрасли науки, техники и народного хозяйства широчайшим образом используют криогенный холод для решения сложных производственных и технологических задач.

Например, получаемый на основе криогеники кислород совершил настоящий переворот в металлургии. Чугун в домнах, сталь в мартенах и конвертерах плавится с применением кислорода. За счет этого производительность домен увеличилась в полтора раза, а расход кокса сократился на четверть. Производительность мартенов возросла в 1,4 раза, а затраты топлива уменьшились на 15 процентов. Сегодня высококачественную сталь получают кислородно-конвертерным способом: процесс плавки ведется за счет выгорания углерода в чистом кислороде. Если в мартене плавка длится 6—8 часов, то в конвертере—30—40 минут.

Огромное количество кислорода и азота требуют химические предприятия, выпускающие аммиак, азотную и серную кислоты, метиловый спирт, полиэтилен, капролактан, изопрен и другие важные материалы, являющиеся основой для изготовления пластмасс, искусственных волокон, каучука. Азот—главное сырье и для производства минеральных удобрений.

Кислород и азот, а также аргон и криптон-ксеноновую смесь металлургические и химические предприятия получают на крупных воздухооделительных установках, созданных в нашем научно-производственном объединении. Суть процесса в этих установках в общих чертах такова: с помощью криогенного холода воздух сжижают, а затем разделяют на составные части: кислород, аргон, азот, криптон-ксеноновую смесь.

Расскажу еще об одном применении криогеники. Известно, что различные энергетические системы—линии электропередач, электрогенераторы, мощные магнитные системы, через которые протекает огромное количество энергии,—характеризуются значительными тепловыми потерями. В линиях электропередач около 20 процентов энергии почти в прямом смысле выбрасывается на ветер. Энергия теряется в проводах, изоляции кабелей, магнитопроводах трансформаторов, в их обмотках, обладающих большим сопротивлением. Стараясь хоть как-то уменьшить потери, электроэнергетика пошла по «высоковольтному пути» развития. Расчет был прост: чем выше напряжение, тем большей величины энергию можно передавать при той же силе тока.

Однако огромные напряжения во много раз превышают те средние значения, которые нужны потребителям. Понижать напряжение на местах? Но это опять значительные потери. И вот тут-то на помощь приходит криогеника. Она предлагает использовать явление сверхпроводимости, наблюдаемое у ряда сплавов при температурах ниже минус 260 градусов Цельсия. Техническое использование это-

Фото Виктора САККА

го удивительного явления природы открыло весьма заманчивые перспективы: во много раз повысить мощность передаваемой электрической энергии в сверхпроводящих линиях электропередач. При этом можно значительно понизить напряжение.

Наибольшая единичная мощность современных электрогенераторов — 1,2 миллиона киловатт. Повышать мощность и дальше очень трудно, так как существенно вырастут размеры и вес электрогенераторов. Роторы «миллионников» весят около 100 тонн, если же повысить мощность генераторов в 2—4 раза, то понадобится ротор, который будет очень сложным в производстве, нетранспортабельным и малонадежным в работе. Так что же, дальнейшее повышение мощности электрогенераторов невозможно? Отнюдь. Выход есть — создание сверхпроводящих роторов, охлаждаемых жидким гелием. Вес и габариты электрогенераторов и электродвигателей резко уменьшаются, что позволяет создавать криотурбогенераторы с единичной мощностью 4—5 миллионов киловатт тех же размеров и веса, что обычные «миллионники». Можно создать и криогенные электродвигатели небывалой единичной мощности — 50 и даже 100 тысяч киловатт. Создание криогенных сверхпроводящих электромашин — вполне реальная и недалекая перспектива.

Широкое применение находят криогенные сверхпроводящие магнитные системы. На Рязанской ГРЭС создается необычный энергоблок мощностью 500 мегаватт. МГД-генератор — сердце электростанции — имеет криостат со сверхпроводящей магнитной системой, охлаждаемой жидким гелием. Гелий получается в системе криогенного обеспечения, разработанной специально для этого МГД-генератора. Такая электростанция позволит на 20—25 процентов поднять эффективность использования топлива. Она обеспечит снятие пиковых электрических нагрузок, столь вредных для устойчивой работы единой энергетической системы СССР.

Другая очень важная задача — поиск эффективной замены традиционного углеводородного топлива: нефти, угля, природного газа. Ведь запасы их ограничены, а потребление возрастает с каждым годом. Отличным теплоносителем должен стать водород, запасы которого в природе практически неисчерпаемы. Очень важно и то, что он как топливо не только высококалориен, но и чист в экологическом смысле: ведь продукт сгорания водорода — обыкновенная вода. Так же велики и запасы дейтерия — топлива термоядерных реакторов. И то, и другое получают в криогенных системах.

Все процессы на нашей планете связаны с температурой. Она влияет на физико-химические реакции, в том числе и на внутренние изменения, происходящие в живом организме, ускоряя или замедляя и даже прекращая их. А замедление и прекращение реакций происходит при криогенных температурах. Именно поэтому температуры на уровне жидкого азота — минус 196 градусов Цельсия — сейчас во всем мире используются для замораживания и длительного хранения различных биологических материалов.

Для этих целей выпускается специальное оборудование: криогенные биокомплексы для программного замораживания, хранения и отогрева глубокозамороженных объектов, а также малогабаритные установки для получения жидкого азота. Криогенные биокомплексы нашли широкое применение в медицине для хранения крови, костного мозга. Ведутся также успешные эксперименты по применению криогенного холода для консервирования почек, печени,

сердца и многих других органов. После отогревания все их функции возобновляются. Это возможно потому, что криогенное замораживание не повреждает тканей, так как процесс протекает очень быстро и вода, находящаяся в любом живом организме, минуя кристаллическое состояние, превращается в стеклообразную массу.

Человечество уже давно знает о лечебных свойствах холода. С незапамятных времен медицина широко использует лед для снятия боли и лечения ушибов. В наши дни в хирургии применяется метод гипотермии — общего охлаждения тела при сложнейших операциях. Криогенный хирургический инструмент, охлажденный с помощью жидкого азота до 196 градусов, позволяет делать бескровные операции при тяжелых поражениях печени, удалять опухоли, полипы, катаракты...

В пищевой промышленности все чаще применяется очень быстрое замораживание жидким азотом. Такой способ гарантирует высокое качество продуктов после размораживания, в несколько раз сокращает потери влаги, так называемую усушку, по сравнению с привычным способом хранения в аммиачных и фреоновых холодильных агрегатах. Для дальних перевозок можно применять жидкоазотные рефрижераторы. Первые же опыты показали, что такие рефрижераторы выгодно отличаются от обычных, компрессионных. Они гораздо проще по конструкции, а заданная температура в холодильной камере автоматически поддерживается путем распыления жидкого азота. Несколько типов таких рефрижераторов прошли успешные испытания и внедряются в практику.

Много «профессий» у криогеники. Она незаменима в прецизионном приборостроении и радиоэлектронике. Уникальные приборы современности — лазеры — не могут обойтись без криогенных температур. С помощью криогеники получены новые интересные данные о планетах Солнечной системы. Криогенные приборы применяются для исследования строения земной коры, выявления залежей полезных ископаемых, для решения многих других задач.

Советское криогенное машиностроение бурно развивается, создаются все более совершенные криогенные системы и установки для внедрения новых технологий. Потребности страны в различном криогенном оборудовании полностью обеспечены. Часть продукции идет на экспорт. Отечественные устройства имеют высшую категорию качества и по своим научно-техническим показателям не уступают, а по ряду параметров и превосходят зарубежные аналоги.

Разработкой, конструированием и выпуском этих и многих других установок и занимаются предприятия криогенного машиностроения, где в тесном содружестве работают ученые, конструкторы, технологи и производственники.

Быть может, меня упрекнут в страсти, но я считаю, что криогеника — так же, как ядерная физика, кибернетика, биотехнология, робототехника — стала приметой нашего времени, одним из ведущих направлений научно-технического прогресса. Уже сегодняшние перспективы применения криогеники поистине велики, дальнейшее же ее развитие наверняка принесет еще немало находок, позволит внедрить в промышленность, сельское хозяйство, науку, в наш с вами быт новые технологии, новые типы систем и установок. Я говорю это с полной уверенностью, так как знаю, что возможности криогенных температур и сферы их применения еще не раскрыты полностью. Многие еще предстоит сделать. Впереди нас ждут нелегкие, но счастливые дороги открытий.

РОЖДЕНЫ В ТЮРЬМЕ

Александр
ТАХ

В нашем журнале (№ 17 за 1984 год) был опубликован документальный очерк Александра Таха «Бессмертные», посвященный болгарской революционной династии, пламенным борцам-интернационалистам Карастояновым.

В редакцию пришло много писем. Нам написали учащиеся средней школы поселка Ключи-Булак, средней школы села Молотниково Кировской области, школы №5 из города Симферополя, комсомолка Таня Пантелеева из города Ачинска Красноярского края, пионеры батумской школы №17 и другие. Все они просят рассказать о том, как сложилась судьба Саши Карастоянова, родившегося в тюрьме в городе Ломе на Дунае, где находилась в заточении его мать Георгица Карастоянова.

Публикуем новый очерк Александра Таха «Рожденный в тюрьме».

Тюремная камера. Маленькое окошко в верхнем углу стены. Откидной стол. Железная кровать с тощим матрацем на шершавых досках. Бетонный пол. Смотровое окно тюремного надзирателя на двери, окованной железом. Толстые стены, сквозь которые не проникает ни один звук. Иногда распахивается дверь, и конвоир вносит еду в оловянной миске.

Георгица медленно вымеривает шагами камеру. Лицо измученное: бессонные ночи, пытки, допросы, допросы... И бесконечные думы о детях. Где дочка Лена и Лилия? Что с ними? Она еще не знает, что девочки — у чужих людей и часто живут подавляем...

Спустя некоторое время тюремные власти разрешают поместить детей в ее камеру. Иногда разрешают выходить на прогулку. Стоят чудесные, теплые майские дни. С Дуная плывут тихие ветры.

Георгица ждет ребенка. 4 мая 1924 года рождается мальчик. Ему дают имя отца. По старинному обычаю женщина из соседней камеры кладет на спеленутого младенца медный грош...

Смертную казнь матери благодаря протестам мировой общественности удалось заменить длительным заключением. Два года Георгица растит сына в тюрьме. Весной 1926 года ее с детьми освобождают по амнистии. Она получает право на выезд из Болгарии.

Пароход медленно идет по Дунаю. Дети впервые открывают для себя мир новых городов, портов, поселков, слушают незнакомую речь. На венской пристани Георгицу встречают друзья — болгарские эмигранты Эмма и Карло Лукановы. В Вене она с детьми выходит на прогулку на набережную Дуная. Где-то за горизонтом родная земля. Вернется ли она туда снова?

Село Васькино близ станции Лопасня, 60 километров от Москвы, 10 — от станции.

Здесь, среди лесов и полей, возле стремительно бегущей речки Люторки — детский дом, где живут дети антифашистов из многих стран мира. Особняк бывшей усадьбы помещика Щербатова, где бывали декабристы Шаховской, Якушев, Фонвизин. В трех километрах от Васькина знаменитое село Мелихово — усадьба Антона Павловича Чехова, больница, открытая им для крестьян, в которой он, земский врач, их лечил...

Георгица — нежная, любящая мать. Но, как ей ни трудно, приходится жертвовать многим. Она — человек высокого партийного долга, вся ее жизнь отдана борьбе за свободу народов, за социализм, против фашизма и войны.

Семилетний Саша встретил мать перед ее отъездом в Китай. Потом она вернулась в Москву, работала в женской секции Коминтерна. Последний вечер с ней Лилия, Лена и Саша провели в гостинице «Люкс», где

жили многие видные антифашисты-эмигранты, ужинали вместе с Г. М. Димитровым и В. Коларовым, а затем спустя некоторое время проводили ее в Болгарию для выполнения нового задания Загранбюро ЦК БКП. На этот раз она уехала навсегда...

Юных Карастояновых приняла дружная семья Емельяна Михайловича Ярославского.

В старинной, с высокими стенами тихой уютной квартире №90 в доме №3 по улице Грановского Фрунзик и Володя Ярославские, их мать — директор Высшей партийной школы имени В. И. Ленина Клавдия Ивановна Кирсанова, Емельян Михайлович окружили Лену, Лилию и Сашу сердечной дружеской заботой. Дети словно обрели вторую семью.

Ярославские жили на одной площадке с маршалом Семеном Михайловичем Буденным. Они дружили, постоянно заходили «на огонек» друг к другу. Маршал Буденный произвел огромное впечатление на повзрослевшего Сашу. Как-то в разговоре он сказал: — Дядя Семен! Я хочу быть смелым кавалеристом, таким, как вы...

Буденный улыбнулся, кивнул головой:

— Хорошо, я помогу тебе стать кавалеристом.

И дал рекомендацию в Тамбовское военное-кавалерийское училище имени Первой Конной армии. Саше шел пятнадцатый год, когда его приняли в училище. Мечта осуществилась.

Два года учебы в Тамбове пролетели незаметно. В апреле 1941 года Саша Карастоянов с отличием окончил военное училище. Ему присвоено звание лейтенанта. Получив назначение, он отправился для прохождения военной службы в белорусский город Лепель, где размещался кавалерийский полк. Молодого кавалериста назначили заместителем командира эскадрона.

На 18 июня 1941 года были назначены тактические учения в районе артиллерийского полигона.

...Неожиданно с открытого холма по бойцам эскадрона ударили автоматные очереди. Старшина Пивоваров, вернувшийся из разведки, доложил:

— Там немцы, переодетые в красноармейскую форму. Один убит. Нашли парашют, ракетницу.

Стало ясно — выброшен десант. Так состоялась первая встреча с гитлеровцами.

Война с каждым часом неумолимо приближалась.

В субботу вечером 21 июня кавалерийский полк занял исходные позиции в 15 километрах северозападнее Лучеса. К полету на восток уже готовились вражеские самолеты.

Утро 22 июня 1941 года. 190 германских дивизий перешли наши границы. В направлении Молодечно и Минска стремительно наступали вражеские танковые и механизированные колонны. В районе восточнее Молодечно и на реке Березине немцы сбросили воздушный десант. Тридцать кавалеристов около дороги на Молодечно, в ста километрах от границы, подверглись нападению парашютистов.

Было отбито несколько атак противника. Но силы оказались слишком уж неравными. Пришлось кавалеристам отходить за реку Березину. Наступление немцев было задержано, но за два дня ожесточенных боев эскадрон потерял половину состава.

Лейтенанту Карастоянову было поручено командовать первым эскадром.

Трое суток эскадрон выходил из окружения...

В июне 1942 года в город Ковров прибыл генерал Канинский — подобрать офицеров для штаба 61-й кавалерийской дивизии.

Дивизия, сформированная в Душанбе, должна была отправиться на Сталинградское направление.

В те дни много поступало заявлений в партию.

— Хочу идти в бой коммунистом! — говорили воины. Был принят в кандидаты партии и Александр Карастоянов.

Он сражался в рядах 33-го гвардейского кавалерийского полка в Белоруссии, на Украине, в Польше, Румынии, Венгрии. За храбрость и мужество, проявленные в боях на Березине и под Сталинградом, молодой кавалерист получил первую награду — медаль «За отвагу».

В марте 1943 года он узнал о своем назначении в 89-ю гвардейскую дивизию на должность командира противотанкового дивизиона, а затем начальником оперативного отдела штаба 64-го гвардейского кавалерийского корпуса. Высокая честь была оказана 19-летнему кавалеристу.

Наступили дни конной разведки, рейдов по тылам противника...

В июле 1944 года 33-й гвардейский кавалерийский полк вступил на польскую землю в районе реки Сан, близ ее слияния с Вислой.

«Мой разведывательный батальон, — вспоминает Александр Карастоянов, — начал операцию против немцев, чтобы предупредить разрушение моста. Польский сержант Янковский, прибывший к нам за день до этого, спокойно штопал гимнастерку, положив ноги на ящик с патронами. Двадцатилетний сержант Петросян, сидевший рядом, писал письмо... Янковский пошел вброд и повел за собой отделе-

ние. Бойцы медленно двигались и скоро исчезли во мраке. Я прислушивался, каждый момент ожидая взрыва мины. Но стояла тишина...

Переправившись, бойцы окапывались за гребнем берега. Перед нами виднелись брустверы свежевырытых траншей. Вскоре подошли к окраине города. Бесшумно пробрались мимо разрушенной постройки и наткнулись на ствол зенитного орудия. В темноте блеснул огонек сигареты. Тихо взяла часового. Узнали от него, что расчет орудия находился в доме.

Шестеро наших бойцов ворвались в дом. Немцы так крепко спали, что не успели очнуться. Связав всем руки, мы посадили их на тягач.

Немецкие патрули молчали. Кто мог подумать, что тягач и орудие в руках советских воинов!

Часовой на мосту дал сигнал фонарем остановиться. Наш водитель Харитонов закричал: «Шнель, шнель!» Мы проехали по мосту, взяли в плен патруль и стали ждать прихода полка, чтобы помешать немцам разрушить мост при отступлении.

Через два дня возле моста уже стояла молодая девушка и размахивала флажком, которому послушно подчинялся нескончаемый поток наших танков, машин и войск...

Боевые эпизоды... Сколько их было?

В конце августа 1944 года 8-я гвардейская кавалерийская дивизия, куда входил 33-й гвардейский полк, была переброшена в Румынию и включена в состав 2-го Украинского фронта для участия в Яско-Кишиневской операции.

В начале октября эскадрон под командованием Александра Карастоянова перешел румыно-венгерскую границу и выбил после успешного боя венгерские и немецкие подразделения из района города Дьюла.

«В Венгрии, — вспоминает Карастоянов, — боевые действия нашего полка носили маневренный характер. Ежедневно эскадроны продвигались с боями на запад до 30 километров. Наш 33-й гвардейский кавалерийский полк был усилен тяжелым самоходным полком. Мы оказались на острие главного удара, в направлении Мишкольца.

В совместных действиях на фронтах Великой Отечественной войны складывалось наше братство по оружию. Свой вклад в разгром гитлеровской Германии внес после освобождения болгарский народ. Болгарская народная армия достойно сражалась в составе 3-го Украинского фронта. Боевая дружба укреплялась с каждым днем с коммунистами Польши, Венгрии, Румынии. Рядом с советскими войсками сражались против фашистов польские, чехословацкие и югославские бойцы...

Накануне нового наступления Г. М. Димитров от имени Загранбюро ЦК БКП телеграммой вызвал меня в Москву. Я оказался нужен на родной земле...

Я шел по улице Грановского на квартиру Емельяна Михайловича Ярославского. Его семье я обязан всем...

Дверь отворилась, на пороге стояла моя сестра Лена. Обнялись и долго молчали. Она едва сдерживала слезы. Пришел Фрунзик. Он спросил о предстоящей моей работе в Болгарии. Пришла Клавдия Ивановна.

— Саша, сынок, — сказала она, — на тебе лежит ответственность за твою и за нашу семью.

Я вспоминал Болгарию и думал, найду ли могилу матери...

Расставаясь с моей второй Родиной — Россией, я уносил теплые слова Георгия Димитрова: «Всегда помни, во имя чего боролись твои родители!..»

...В Софии на аэродроме мои документы проверял солдат, сопровождавший таможенников. Он говорил на чистом болгарском языке. Я спросил, как его зовут, откуда он, не трудно ли служить. А потом обнял его и сказал:

— Я не только советский офицер, но и боец Болгарской народной армии, как и ты!»

Шел декабрь 1944 года, и шел 21-й год Александру Карастоянову, или, как его звали, Сашко, мальчику, родившемуся в тюрьме...

Ныне Александр Александрович Карастоянов — генерал-майор Болгарской народной армии, доктор военно-исторических наук, доцент Военной академии имени Георгия Раковского в Софии.

В братской столице, в Софии, я прихожу в его скромную квартиру, смотрю на его поседевшую голову, вижу добрые глаза, лицо, освещенное ясной улыбкой. Слыша его впечатления о братском Вьетнаме, где он представлял свою страну более трех лет, беседа с семьей — женой Эльвирой, дочерью Виолеттой, сыном Станиславом, я думаю о том, что жизненный подвиг легендарной династии Карастояновых навечно вписан в историю братства наших народов, выкованного в жесточайшей битве против фашизма.

День Победы Карастояновы приближали, как могли. Имена их никогда не будут забыты, ибо слава их, благородство и мужество — непреходящие заветы для нас, их современников.

Читатель —
«Смена» —
читатель

Разные письма приходят в нашу редакцию. Письма — отклики на вызвавшие интерес материалы, письма — просьбы, пожелания рассказать о знаменитом человеке, любимом артисте или спортсмене, письма-жалобы... Но вот пришло письмо, которое мы прочитали с особым интересом, потому что в нем рассказывается о том, как пропагандируют наш журнал сами читатели.

«Уважаемая редакция!

Хочу рассказать о том, как пропагандируют в нашем городе журнал «Смена». Я считаю, что молодежный журнал необходимо читать ученикам старших классов, потому что «Смена» знакомит с опытом работы и достижениями лучших молодежных производственных коллективов, помогает выбрать профессию, организовать досуг. Но провела я несколько бесед в двух школах и поняла, что не так все делала. Начинать надо с рассказа о журнале в педагогических коллективах школ: если учитель будет читателем журнала, его будут читать и ученики.

Так я и сделала. Побеседовала с классными руководителями восьмых классов, дав им подшивку журнала «Смена» за 1984 год (у нас в городе открылась переплетная мастерская, и я «Смену» за 1984 год переплела в две книги). Классные руководители использовали отдельные статьи журнала в беседах на классных часах, затем рассказали о «Смене», о задачах журнала на родительском собрании. Потом комплекты журнала побывали в руках у всех ребят! Через некоторое время я рассказала о содержании журнала в 1985 году и познакомила учеников и учителей с планами редакции на 1986 год. В итоге на «Смену» в одном классе подписались 12 человек, в другом — 14. Это, по-моему, очень хорошо! В следующем году журнал сможет прочитать практически каждый ученик, а коллективное обсуждение на уроках и вне школы самими подростками проблемных, затрагивающих молодежь статей, очерков, литературных публикаций принесет, я уверена, огромную пользу.

Потом класс может переплетенные комплекты журнала подарить школьной библиотеке. И это будет замечательной памятью для школы, тем более что в школьных библиотеках журнала нет: «По лимиту не положено». А жаль!

Думаю, что такая работа с журналом даст хорошие результаты.

ЛОПАТИНА И. Н., Кирово-Чепецк.

Публикуя письмо нашей читательницы, которая делится опытом распространения «Смены» среди учащихся школ, мы обращаемся ко всем пропагандистам и распространителям с предложением, во-первых, взять на вооружение этот, на наш взгляд, продуктивный опыт работы с журналом, а во-вторых, поделиться своими методами распространения издания в школах, ПТУ, техникумах, вузах. Самые интересные письма мы опубликуем на страницах журнала, лучших пропагандистов наградим дипломами «Смены».

Первый диплом вручен заслуженной учительнице РСФСР Инне Николаевне ЛОПАТИНОЙ.

Михаил ПОЛЯЧЕК.
Фото Сергея ВЕТРОВА

Кто из нас ни разу не был обижен, рассержен или хотя бы раздосадован встречей с продавцом, с торговлей? Не стану подыскивать примеры — их может привести каждый читатель. Вспомните очереди, возникающие лишь потому, что кассир в самое горячее время сдает выручку, а симпатичные продавщицы обсуждают планы на выходной. Вспомните, как бесцеремонно потрошит вашу сумку страж в белом халате. Как в ответ на самый невинный вопрос вы получаете ноль внимания и фунт презрения непосредственно под табличной «Коллектив отличного обслуживания».

Но неужели от всех этих столкновений сами продавцы получают моральное удовлетворение? Я своими глазами видел, как беспомощно, по-детски рыдало в подсобке юное существо, только что доведшее до белого каления десятка два покупателей. Нет, что-то здесь не так... Ведь приходят в торговлю совсем еще молодые люди, вчерашние школьники. И на вопрос о том, почему выбрали эту профессию, дружно и искренне отвечают:

— Хотим приносить радость людям, хотим слышать от покупателей «спасибо!».

Что же превращает юную фею в лишенную возраста фурию?

— Не надо обобщать! — слышу я предостерегающий голос. — Есть прекрас-

ные продавцы и замечательные торговые коллективы, где подобных проблем не существует вовсе. Стоит ли сгущать краски?

Действительно, не стоит. Достаточно просто констатировать факты. В том-то и беда, отвечу я на предостережение, что ценный опыт замечательных торговых коллективов находит мало последователей, что прогрессивные методы обслуживания внедряются медленно.

Проблема эта шире, чем отраслевая. Проблема эта молодежная. И потому, что комсомолу поручено шефство над сферой услуг, и потому главным образом, что ежегодно за прилавок впервые становятся тысячи и тысячи молодых людей.

МОГУТ ЛИ ПОКУПАТЕЛЬ И ПРОДАВЕЦ ОБОЙТИСЬ БЕЗ КОНФЛИКТОВ?

В Винницком ордена Трудового Красного Знамени универмаге самообслуживания на этот вопрос отвечают категорическим «да!».

Адрес не нов. Вот уже два десятка лет ездят сюда за опытом торговые работники, за положительным приме-

ром — журналисты. У самих винничан заметно поубавилось интереса да и внимания к визитерам, они, пожалуй, и рады бы уступить свою роль несменяемого положительного примера, но... Что поделать: если речь вести о закреплении кадров, о привлечении молодежи, о том, наконец, как превратить торговый зал из зоны повышенной конфликтности в место доброжелательного общения покупателя и продавца, — нет лучшего образца. Так сложилось двадцать лет назад, когда универмаг только открылся, так и теперь, когда у него появились два крупных филиала — «Юбилейный» и «Детский мир», а сам он переживает серьезную реконструкцию.

Мы уже и не возмущаемся, что в иные секции самообслуживания нас запускают, лишь просчитав по головам, что товар мы получаем из рук продавца, а при выходе нас тщательно досматривают. В Виннице же и копейный ластик, и дорогостоящие электронные часы покупатель выбирает сам. Здесь убрали все загородки с пути покупателя, дали ему возможность свободно передвигаться по залу, расположили кассы так, что они оказались по пути, и как бы сами собой исчезли очереди.

Когда рассказываешь об этом продавцам, умудренным печальным опытом,

ПРОДАВЕЦ АЛЛА ДИДЕНКО.

ПОСЛЕ
МОЖНО
В СВЯЗ

ЗАКОН КОММЕР

ОФОРМЛЕНИЕ ВИТРИН —
ЗАБОТА ХУДОЖНИЦЫ АННЫ ГРИГОРЬЕВОЙ.

РАБОТЫ
ОТДОХНУТЬ
В МОЛОДЕЖНОМ КАФЕ.

ЮНЫЙ
МЕЛОМАН.

ХОРОШАЯ РАДИОРЕКЛАМА —
ПОМОЩНИЦА ТОРГОВЦЕ.

УЛИЧНЫЙ БУФЕТ — ЭТО ТОЖЕ
ЗАБОТА О ПРОДАЖЕ.

ЩИ

В УНИВЕРСАГЕ САМОЕ
СОВРЕМЕННОЕ ТОРГОВОЕ
ОБОРУДОВАНИЕ.

«РАЗВЕ УДИТЬСЯ ОТТОДА БЕЗ ПОКУПКИ?»

ЯЧИЙ СВІТ

они недоумевают: как это убрать загордки? И ничего не пропадает? И нет попыток хищения?

Попытки есть. Но в Винницком универсаме термин «забывчивость покупателей» воспринимают не просто как вежливую формулу недоверия. В правилах работы универсама предусмотрено: «Заметив покупателя, не предъявившего товар к оплате, продавец-консультант должен напомнить об оплате и не вступать в спор и пререкания. Для выяснения возникающих недопониманий продавец-консультант должен вызвать представителя администрации».

Отметим первое и главное требование правил: вступать в спор и пререкания с покупателем продавцу запрещено. Не строить оскорбительных предположений, не кричать: «Держите вора!», а всего-навсего напомнить об оплате. (Деталь существенная, ведь нередко продавцы, заподозрив кого-то из покупателей в нечестности, с замиранием сердца ждут, пока тот выйдет за пределы

секции, чтобы с шумом, гамом, скандалом разоблачить!.. А человек и впрямь может забыть об оплате; забывают же в магазинах и только что сделанную покупку, и кошельки, и зонты, и сумки...)

Обязанность продавца обслуживать, а не выяснять отношения — вот принцип, которому следуют в Винницком универсаме. И принцип этот не просто декларирован (мало ли существует запретов, нарушаемых ежечасно!), но и подкреплен вполне определенными условиями. Продавцы универсама в отличие от подавляющего большинства своих коллег освобождены от материальной ответственности за товары. Она возложена на самых опытных и квалифицированных людей — руководителей секций и комплексов. Продавец, таким образом, не страж при товаре, а консультант, помощник покупателя.

Таким вот образом ликвидирован один из главных, но, увы, не единственный повод для конфликтов. А как быть

просто с плохим настроением продавца? Причин может быть больше чем достаточно: не ладится личная жизнь; замучили бытовые проблемы; просто руки-ноги болят или зуб ноет! Продавцы ведь тоже люди...

Будто игнорируя все эти частности, правила работы универмага настойчиво декларируют: «В универмаге являться в хорошем настроении... В конце смены обслуживать покупателей так же спокойно и внимательно, как вначале».

А попробуйте сохранить спокойствие, если за день продавец не меньше полтора раза должен ответить на вопросы, упаковать покупки, пробить чек... Так реально ли выполнение требований, предъявляемых правилами?

В Виннице вполне реально. Продавец Винницкого универмага имеет возможность не сходя, так сказать, с места бесплатно сделать прическу и маникюр — плохое настроение отступит от женщины с красивой прической и ухоженными руками. Есть в универмаге и педикюрный кабинет — уход за ногами спасает продавцов от профессиональных болезней и заметно снижает утомляемость. В прекрасно оборудованных медицинских кабинетах постоянно дежурят терапевт и стоматолог. А недавно создан и оборудован «по высшему классу» кабинет релаксации, где работает квалифицированный психолог.

Долго мучились в универмаге с вентиляцией, но добились: даже в зной и при максимальном наплыве покупателей воздух в торговом зале чист и свеж. Неудивительно, что продавцы Винницкого универмага болеют значительно реже своих коллег, что у них значительно меньше поводов для плохого настроения.

В уютном кафе продавцов кормят искусные повара и обслуживают внимательные официанты (человек, целый день проводящий на ногах и обслуживающий других, имеет в конце концов право, чтобы и его обслужили). Здесь же можно сделать заказ на продукты первой необходимости, на полуфабрикаты. После работы — а заканчивается она поздно — нет нужды бегать по магазинам и стоять в очередях.

Для стольких торговых коллективов неразрешимая проблема жилья в Виннице оказалась вполне разрешимой. Тут строят дома, используя и кредиты, и отчисления от собственных прибылей. Этим занят хорошо оснащенный строительный цех универмага. Используют и метод народной стройки: будущие жильцы активно помогают строителям. (Так, кстати сказать, сооружены два детских сада.) За полтора десятка лет благоустроенные квартиры получили около пятисот работников. В очереди на жилье приходится ждать не более двух лет. Очереди в детские учреждения нет вовсе.

Могу повторить то, что уже было написано в «Смене» восемь лет назад: «Вот такой рай для продавцов организован в Виннице».

Но ведь в конечном-то итоге, если в этих условиях продавцу только и остается, что быть ангелом, то и для покупателя — рай!

О КОМ И О ЧЕМ ЗАБОТИТСЯ ДИРЕКТОР

Если в коллективе дела идут плохо, моральный климат нездоров, все не ладится, претензии прежде всего к руководителю. И это правильно.

Если же речь идет об успехах, о хорошей работе и здоровом моральном климате, тут уж о заслугах руководителя говорить считается нескромным, на первый план выходит коллектив.

Должен сказать со всей определенностью: в успехе Винницкого универмага в первую очередь «повинен» его директор Михаил Михайлович Малышенко. Или, точнее, те принципы, которые он заложил в работу коллектива с момента его становления.

Малышенко возглавил Винницкий универмаг, когда он строился. До этого был на партийной работе, еще раньше воевал в партизанском отряде и в регулярных частях. Инвалид Великой Отечественной. (Многим бы молодым и безукоризненно здоровым его энергию!)

Еще только закладывался фундамент будущего магазина, а Малышенко уже точно знал, каким не должен быть коллектив. Он считал тогда и теперь считает, что хорошего опыта можно набраться со временем, а вот от дурного избавиться невозможно. Поэтому в день открытия универмага за его прилавками оказалась сплошь молодежь: выпускники профтехучилищ и техникумов, несколько юных специалистов с вузовскими дипломами. Более опытных работников (вовсе без них обойтись все-таки невозможно) Малышенко отбирал тщательно и придирчиво. До сих пор этот принцип соблюдается неукоснительно, универмаг пополняется почти исключительно за счет новичков.

Такой подход плюс исключительные условия, созданные работникам, сняли большой для торговли вопрос текучести кадров. В Винницком универмаге она не превышает трех процентов. При этом каждый шестой работник универмага теперь имеет высшее образование (чаще всего оно получено без отрыва от работы), более ста человек учатся в вузах и техникумах. Вообще же образовательный уровень здесь самый высокий в отрасли. Сам Малышенко стал за время своей торговой деятельности кандидатом экономических наук, доцентом, он читает лекции студентам, пишет для них учебные пособия, издает книги о торговле. Он учится сам и заставляет учиться других. Для учебы, как и для работы, в Винницком универмаге созданы все условия.

...Боюсь, у читателя может возникнуть представление об эдаком добреньком, заботливом, мягком человеке. Оно бы, может, и неплохо. Да только к Михаилу Михайловичу Малышенко не имеет никакого отношения. На самом деле человек он твердый. На ежедневных пятиминутках пощады не дает. Любой промах любого работника громко и ясно, ничуть не смягчая формулировок, доводит до всеобщего сведения. Объяснений и оправданий не признает. Крут, одним словом. И плачут, бывает, и жалобы время от времени на него пишут...

Зато уж если говорит, что думает, так и что скажет — делает.

Каким принципом руководствуется Малышенко?

— Если я захожу в магазин и вижу невнимательного, грубого продавца, вижу беспорядок в торговом зале, мне уже не надо знакомиться с директором, я и так знаю, что это плохой руководитель. Труд плодотворен лишь тогда, когда человек и дома, и на работе живет без тревоги в душе. Отдача равна заботе. Потому руководить коллективом — значит заботиться о людях.

Малышенко при этом вовсе не пытается представить дело так, будто забота о людях для него самоцель. Он-то ведь в конце концов коммерсант, его прежде всего интересуют товарооборот и прибыль, эффективность работы. Жизнь, душу, все свои силы он вкладывает в развитие торгового предприятия, неразрывно связанного с его, Малышенко, именем, и это по-человечески вполне понятно. Но как истинный коммерсант Малышенко понимает: чтобы предприятие процветало, чтобы достигло высоких коммерческих результатов, оно должно быть неизменно привлекательным для покупателей.

Приведу для иллюстрации принципов винницкого директора еще одну выписку из разрабатываемых Малышенко, им же утвержденных и обязательных к исполнению в универмаге правил:

«Если продавец-консультант занимается выкладкой товаров или уборкой витрин, а к нему обращается покупатель, надо немедленно оставить эту работу и выполнить просьбу покупателя».

Это бы правило да распространить повсюду!

...Итак, стало быть, вовсе нет в Виннице поводов для конфликтов, для жалоб?

— Есть. И весьма серьезные, — жестко отвечает Малышенко.

ПО КАКОМУ ВЕДОМСТВУ ПРОХОДИТ МОЛОДЕЖНАЯ МОДА?

Не было, говорят на Украине, у бабы хлопот, так купила порося. Своими собственными руками отгрохал коллектив Винницкого универмага филиал, превосходящий по площади основное здание. Вот он, этот филиал, на снимках. Полубуйтесь.

Собственно, строили «Детский мир», на вывеске так и значится. Но за время от проектирования до открытия немало произошло событий, повеяли в торговле новые ветры, к чему в Виннице всегда относились с вниманием. И потому открылся здесь магазин товаров для детей и молодежи — магазин молодежной моды, как теперь принято называть. Благо, строили-то с размахом, с запасом на будущее.

Вроде бы учли все: подобрали заранее руководителей из богатого резерва на выдвижение, выпестовали целый выпуск профтехучилища и техникума советской торговли, методом бригадного ученичества подготовили к работе вечерних школьников — только торгуй!

А чем? Не углами красна изба. Не интерьером, не организацией торговли, не приветливыми продавцами хорош магазин. Товаром. Люди-то идут не на рекламу полюбоваться, не продемонстрировать взаимную вежливость, за покупками идут, так ведь?

В Винницкий универмаг покупатели едут не только из городов и весей Винницкой области, а отовсюду, откуда можно доехать автобусом, поездом или на собственной машине. А покупают нередко то самое, мимо чего равнодушно проходили в магазине напротив собственного дома. Не торгуют в Виннице дефицитом, товар самый обыкновенный, но так он здесь вывешен, выложен, подан и упакован, что кажется: вот об этой-то покупке и мечтал, за тем и ехал так далеко.

Товар сам себя не продает. Обстановка в торговом зале, настроение и поведение продавцов, умелая выкладка, грамотная реклама прямо влияют на покупательский аппетит. Кроме того, знает каждый опытный коммерсант, а в Виннице и каждый начинающий продавец, что любая услуга, оказанная покупателю даже бесплатно, в конечном итоге приносит прибыль. Скажем, швейные изделия, купленные в универмаге, переделываются и подгоняются без дополнительной оплаты. Не будь этой услуги, непроданными оказались бы за год более пяти тысяч костюмов, платьев, плащей и прочего. А это сотни тысяч рублей товарооборота. Организовали доставку на дом покупателю крупногабаритных изделий — деньги за услугу получают транспортники, а магазин увеличивает продажу. Создали лабораторию по проверке и ремонту радио- и телевизионной аппаратуры, штамп в паспорте изделия ставят только после того, как оно привезено, установлено и опробовано... Коммерческий закон: что людям удобно — торговле выгодно. К сожалению, далеко не все торговые работники это понимают.

Вот таким-то образом и выполняет Винницкий универмаг план товарооборота. И первыми выполняет. Потому с каждым годом положение универмага становится... все сложнее и опаснее: план товарооборота устанавливается от его фактического объема в предыдущем году, а товары выделяются без учета перевыполнения. Короче говоря, все большую часть товаров, необходимых теперь уже для выполнения планов, универмаг централизованно не получа-

ет, а дополнительные возможности не безграничны и в любой момент могут оказаться исчерпанными. Ну, а уж если говорить о товарах особо модных, пользующихся повышенным спросом, о товарах для молодежи, так с ними трудности не только у Винницкого универмага.

Правда, здесь сложа руки не сидят. Создали сквозные бригады отличного качества, заключили договоры сотрудничества с предприятиями легкой промышленности не только Винницы, но и других городов... Однако ж я был свидетелем того, как на планерке Малышенко буквально криком кричал:

— Покупателю наши фокусы безразличны, ему неинтересно, с кем и какие договоры мы заключили! Это же получается обман, если мы придерживаем товар до того дня, когда к нам придут торговать с фабрики. Раз есть сквозные бригады — товар должен быть каждый день в продаже. Немедленно прекратите эту кукольную комедию, немедленно все в торговый зал, все продавать!

Инцидент этот произошел года два назад, филиал тогда только строился, универмагу требовалось для полного насыщения торговых залов не менее 18 тысяч наименований товаров, а в наличии было не более 13—15. Теперь же потребность более чем удвоится, да к тому же нужны изделия совершенно новые. А легкая промышленность направляет в магазины из ста изделий лишь одно с индексом «мол». Вот почему по стране 60 процентов юношей и девушек уходят из магазина без покупки, а 42 процента из тех, кто все-таки купил вещь, ею недовольны из-за ее несоответствия современной моде.

Как показали опросы, работники большинства предприятий легкой промышленности представления не имеют о том, какой товар должен маркироваться индексом «мол». Из 1300 предприятий, которым с 1982 года выпуск особо модных изделий для молодежи запланирован, приступили к этой работе менее 1000.

Все эти проблемы обрушиваются сейчас на Винницкий универмаг, как, впрочем, и на все магазины страны. И если швейники могут сослаться на ткачей, дающих не те ткани, ткачи — на химиков, поставляющих не те красители, химики — на горняков, добывших не то сырье, или на хлопкоробов, вырастивших не те сорта, то продавцу сослаться не на кого. Ему приходится держать ответ и за швейников, и за ткачей, и за химиков, горняков и работников сельского хозяйства.

Не это ли главная причина конфликтов в торговом зале?

...И в нынешнем году придет в торговлю новое пополнение. Сегодняшние восьми- и десятиклассники поступают в торговые училища, техникумы и вузы, объясняя свой выбор все тем же:

— Хочу принести радость людям, хочу слышать от покупателей «спасибо!».

ОТ РЕДАКЦИИ. Все мы ежедневно становимся покупателями, и, конечно, нас радует, что в торговле за последние годы происходят перемены к лучшему. Но и груз нерешенных вопросов по-прежнему велик. Публикуя очерк, мы обращаемся к читателям с просьбой высказать свое мнение по затронутым в нем проблемам, особенно касающимся взаимоотношений продавца и покупателя, выпуска товаров для молодежи. Что нужно сделать для улучшения шества комсомола над торговлей и сферой обслуживания? Надеемся, вы поразмышляете об этом в своих письмах.

КАК "ШПИГЕЛЬ" ПЕРЕДЕРЖИВАЕТ...

Западногерманский журнал «Шпигель» удостоил своим вниманием «Смену»: опубликовал отклик на одно из наших выступлений.

Собственно говоря, событие не столь знаменательное, чтобы о нем упоминать. В конце концов нам, журналистам, работающим в разных странах, по-разному видящим мир, достаточно часто приходится цитировать друг друга, иной раз соглашаясь с посылами и аргументами коллег, иной раз не принимая их и полемизируя с ними.

Итак, о чем пойдет речь?

Мы публикуем полный текст напечатанного в «Шпигеле» произведения, поскольку несколько иначе оцениваем интеллигентность наших читателей, чем те, кто это произведение для своих читателей сочинял, нас пытаясь опорочить.

Под рубрикой «Советский Союз» публикуется вот такая статья...

«Советы настроены на хорошие манеры — однако в повседневности правилами коммунистического хорошего тона часто пренебрегают.

Когда советские граждане, как это часто бывает, стоят в очередях, они сразу забывают о хорошем тоне. Если кто-то напирает, то слышна крепкая брань, в ход пускаются локти.

На улице тоже часто толкаются. В метро пассажиры протискиваются в переполненные вагоны, не обращая внимания на грудные клетки и ноги уже придавленных.

При телефонных разговорах также зачастую сталкиваешься с агрессивностью. Вместо фамилии абонента или названия учреждения чаще всего слышишь лишь свирепое «Что?». Кто в магазине возмущается медленным обслуживанием, тот рискует быть обруганным во весь голос продавщицей. Значит, Советы — народ грубиянов, невоспитанный и постоянно находится в раздраженном состоянии?

На самом деле русские приучаются своим начальством следить за хорошими манерами. Кто хорошо себя ведет — этому детей учат еще в школе, — тот проявляет свое уважение к окружающей его коммунистической среде.

Наследники революции приписывают дурные манеры свергнутой буржуазии. «В вежливости, в конечном счете, заключаются принципы социалистического гуманизма», — говорится в советском «Словаре по этике».

В вопросах этикета товарищи часто оказываются даже старомоднее, чем буржуазия. К воспитанию кадетов относится умение вести даму на балу и возвращать ее к столу. Нельзя представить себе преподавателя вуза в джинсах и без галстука. Женщины, курящие в общественном месте, — фу! Взрослые, целующиеся на улице, — неприлично.

За исключением семьи грубо звучат и обращения. Пенсионеров просто называют «бабушками» и «дедушками». Поскольку коммунисты искоренили обращения «господин» и «госпожа» перед фамилией и еще не до конца насадили введенные вместо этого «товарищ» или «гражданин», межчеловеческие отношения повсеместно осуществляются примерно так: «Мужчина (или женщина), вы забыли вашу сдачу».

Чтобы совсем не забывали о хороших нравах, начальство иногда подсказывает. На массовых мероприятиях и в метро громкоговорители призывают народ обращать внимание на стариков, женщин и детей.

Орган молодежного союза «Смена» с тиражом в 1,2 млн. экземпляров опубликовал недавно серию статей под рубрикой «Визитная карточка воспитанного человека». Читатель, например, узнает, что после еды он не должен хвататься за спичку, чтобы выковыривать остатки мяса из дырявого зуба. Нельзя пить чай так, словно осушаешь болото. А анекдоты о теще, увольте, — запрещены.

«Куль-работники» на предприятиях и учреждениях организуют курсы танцев, на которых советские люди с семилетнего возраста за десять вечеров учатся танцевать вальс или танго и выкладывают за это свой дневной заработок. Общество «Знание» сообщает домохозяйкам, как следует накрывать «праздничный стол» и как его можно украсить аранжировкой из цветов (достать которые трудно).

Молодые девушки, советуя далее молодежный журнал, не должны мазаться косметикой как

«клоуны в цирке», а взрослые женщины — одеваться так, как это делают их 16-летние дочери. Советские женщины в сопровождении человека в форме должны идти слева, чтобы кавалер без помех мог отдать честь, — правило это действует даже если ее может обрызгать проезжающий мимо автомобиль.

Эти советы давала кандидат педагогических наук Беата Бушелева, которая на протяжении 20 лет своими докладами и книгами заботится о коммунистических правилах хорошего тона. Ее прогрессивный девиз: «Современный этикет не должен превращаться в догму».

Если же в «конкретной ситуации» понадобится, то хорошо воспитанный советский человек имеет право нарушить на некоторое время железные правила поведения. В полемике он может прервать своего партнера и поправить его — при условии, что он в это время не очень сильно размахивает руками.

Советский человек должен проявлять терпимое отношение к иным взглядам и нравам. Разумеется, это не касается «принципиальных позиций» и «мировоззренческих вопросов». Здесь Бушелева требует «бескомпромиссности». Иначе говоря, при встрече с классовым врагом товарищ может вести себя уже иначе.

Роль женщины при социализме эксперт по манерам видит менее эмансипированно, чем некогда Август Бебель. Так, девушки не должны заигрывать с молодыми людьми, им следует даже воздерживаться от покупки билетов в кино для себя и своего поклонника. На прогулке под руку поддерживает свою партнершу мужчина.

Воспитанный товарищ, согласно г-же Бушелевой, на вечеринке не включит телевизор, даже если как раз в это время передают последнюю часть детективной серии. Гости не должны проводить инспекцию столовых приборов или, чего доброго, их протирать: это недоверие к хозяйке.

Проблема, которая постоянно волнует Советы и о которой, согласно воспитательнице Бушелевой, так много писалось, что стоит ли еще раз ее поднимать: принято ли, придя в гости, снимать тяжелые зимние сапоги и топтать по чужой квартире в носках?

В результате многих опросов нравственная дама требует поступать так, как поступает воспитанный коммунист: в гости он предусмотрительно приносит с собой легкие тапочки».

«Шпигель» № 45 за 1985 год, стр. 212.

Все это поведал своим читателям гамбургский журнал...

Среди тех зарубежных изданий, которые выписывает редакция журнала «Смена», есть и «Шпигель». Отбирая из бескрайнего множества мировой печатной продукции то, что интересно для нас, мы выбрали в том числе и этот журнал. Чем мы руководствовались? Разумеется, наши политические взгляды и взгляды тех, кто делает «Шпигель», расходятся принципиально, во многом диаметрально противоположны, но мы привыкли находить в этом журнале ту информативность, которая, видимо, при всех реальных идеологических противоречиях относится к сути и принципу журналистского ремесла.

Очень неприятно произносить эти банальные истины, обращаясь к людям, которые, несомненно, являются профессионалами, но которые с оскорбительной небрежностью, забыв о чувстве порядочности и так-

та, горчичливо легковесно скользнули по одной из наших публикаций.

Если бы то, что появилось в «Шпигеле», украшало страницы одного из дешевых листков, которые и упоминать-то не хочется, все было бы понятно. Но здесь...

Общаясь с коллегами, представляющими самые разные органы прессы, мы, естественно, не путаем единомышленника с противником. Но ведь можно быть противником корректным. Противником, который, опровергая твою концепцию жизни, не пытается подтасовывать, фальсифицировать факты, не пытается подменить убедительность и доказательность разговора примитивной тенденциозностью, рассчитанной на не слишком высокий уровень восприятия.

Нелепо было бы тыкать носом автора или авторов «Шпигеля» в несурзанности, которые в таком количестве присутствуют всего лишь на одной журнальной полосе. Они настолько очевидны, что специального разговора не заслуживают.

Вероятно, важнее поразмышлять о другом. В материале «Шпигеля» удручает убогая отсталость от времени, этакая затхлая несвоевременность суждений. Дескать, есть некий цивилизованный мир (он расположен на Западе, естественно), который добродетельно и четко утвердил формулы культурного поведения людей и их общения друг с другом, и есть «мир красных», «мир Советов» — мир совершенно другой, согласно «Шпигелю», ну, неполноценный, что ли, мир, в котором разговор об этих формулах является вроде бы даже и предосудительным, странным, неуместным.

Ни в какие времена, а уж в самые последние особенно, нам не приходило в голову воспринимать общество, в котором живем, как некий храм, где все уже сотворено и достигнуто и остается только сдуть пыль с закаменивших ценностей. И в большом, и в малом мы воспринимали и воспринимаем нашу страну с ее невероятно сложной и диалектичной историей как немислимую по масштабам строительную площадку, на которой нам приходится совершать потрясающей неоднозначности эксперименты — от поисков точных и выверенных экономических решений до куда менее броских, но, возможно, в чем-то не менее важных норм цивилизованного общения людей. Увы, есть у нас, к сожалению, такие, кому об этих нормах нелишне бывает напомнить...

К вопросу о публикации в «Смене»... Трудная тема — вести беседу о том, что вроде бы является естественным, обиходным. Можно придаться к слову или фразе, особенно если вырвать их из контекста. Огорчает не то, что «Шпигель» откликнулся на сменовскую публикацию материалов, претендующим на такую снисходительную ироничность. Это его право, в конце концов, определять собственную стилистику. Огорчат другое. Зачем же видеть нас примитивными, какими мы, право же, не являемся? И свысока, с этойкой усмешечкой превосходства поучать?

Толкучка у входа в вагон метро или на автобусной остановке... Нам в Москве это не нравится. А вам в Гамбурге, в Кельне или во Франкфурте?

Когда у нас человек не пропускает вперед старика или женщину с ребенком, мы считаем, что это плохо. А вы?

Институтский профессор в джинсах и без галстука, пишет «Шпигель», «был бы в СССР немислимым». Возникает вопрос: а кто из авторов хоть когда-нибудь заглядывал в советские институты или университеты? Немало профессоров и даже академиков, поверьте, охотно ходят в джинсах — хотя другие, быть может, предпочитают костюм с галстуком.

Женщина, которая курит в общественном месте, — «фу», сокрушается «Шпигель» по поводу «суровости» наших нравов. Не станем утверждать, что мы неистово рекомендуем женщинам курить. Но такое происходит и всеобщего негодования, безусловно, не вызывает. Пожалуй, известное неободрение, да. А у вас?

«Целующиеся взрослые на улице — неприлично». Это — «Шпигель». Целуются. Чаще — те, кто помоложе. Но и те, кто постарше, тоже. И дай им бог, если так хочется.

Общество «Знание», в саркастических тонах излагает «Шпигель», берется объяснять хозяйкам, как лучше накрыть праздничный стол, — это что, тоже плохо?

«Красным» не нравится, когда немолодые женщины одеваются, как их шестнадцатилетние дочери, — свидетельствует «Шпигель». А кому нравится?

Или возьмите сострадание по поводу наших «трудностей» с цветами... Очереди — кто же станет утверждать, что это хорошо? Но, наверно, существуют все-таки некоторые очереди, которым можно в чем-то порадоваться — например, очередям за интересной книгой, за билетом на новый спектакль или за цветами, которые понесешь в свой дом или в дом друзей...

Многое у нас в каждодневном быту выглядит иначе, чем в той же ФРГ. Повторяем: мы не станем утверждать, что нам у нас решительно все нравится. Пытаемся сделать так, чтобы того, что нравится, стало больше. С благодарностью воспринимаем любое критическое изображение или замечание — быть может, с одним пожеланием: чтобы оно было продиктовано доброжелательством.

Доброжелательством, а не злопыхательством. А именно таким насквозь пронизана заметка «В носках»...

Грустно и как-то неловко за вас, коллеги из «Шпигеля».

Не тот уровень журналистики. Много примитивнее и пошлее, чем иные ваши материалы, которые цитирует и воспроизводит нередко советская пресса.

Творческая мастерская

«МАЛЬЧИК С СОБАКОЙ»

Не знаю, почему, но, попадая в залы Третьяковской галереи, каждый раз начинаешь осматривать экспозицию если не с самого начала, то по меньшей мере с передвижников, и, пока добравшись до залов советского искусства, теряешь остроту зрения, что ли, или внимание ослабевает. Даже когда студентами мы приходили специально знакомиться с творчеством одного художника — Репина, Врубеля, Левитана, — как-то трудно было уйти из музея, хотя бы не пробежав по залам первого и второго этажей. Однажды в такой «пробежке» нас не-

ожиданно остановила скульптура «Мальчик с собакой»: мальчик сидел на земле, опираясь на правую руку и мечтательно прикрыв глаза, а собака в сладкой истоме положила голову и лапы на его колени. Скульптура, выполненная в бронзе, казалась теплой, словно внутри нее содержался некий источник добра и покоя. Поражала она и новизной. Фамилия автора — Комов — ничего не открыла нам, и «Мальчик с собакой» остался «безымянным».

Уже много позже, когда имя Олега Комова оказалось «на слуху», когда заговорили о его работах, поисках формы, экспериментах, «Мальчик с собакой» почему-то оставался в сознании словно бы сам по себе. Тем приятнее было узнать, познакомившись со скульптором, что это его работа. Так встречаются в чужом городе земляки, не подозревая, что жили на одной улице, а узнав об этом, проникаются доверием,

Эскиз памятника
А. Г. ВЕНЕЦИАНОВУ.

В МАСТЕРСКОЙ.

Народный художник РСФСР,
член-корреспондент
Академии художеств СССР
Олег КОМОВ:

«ОТКРЫТЬ НОВОЕ

**В ИСКУССТВЕ
МОЖНО ТОЛЬКО ТОГДА,
КОГДА ХУДОЖНИК ЖИВЕТ
ЗАБОТАМИ МИРА И НАДЕЛЕН
ТАЛАНТОМ И ЛЮБОВЬЮ К ЛЮДЯМ,
БЕЗ КОТОРОЙ НЕМЫСЛИМО
ИСТИННОЕ ТВОРЧЕСТВО».**

дружескими чувствами, будто и вправду были знакомы раньше.

У нас в сознании нередко складывается тот или иной образ человека определенной профессии. Кажется, например, что балерина обязательно должна быть легкой, хрупкой, небольшого роста, и, скажем, Майя Плисецкая — высокая, сильная, стройная — вроде бы не вписывается в привычный образ. Внешность же Олега Комова полностью отвечает представлениям о скульпторско-каменотесе — тяжелой фигурой, медлительностью движений. Его лицо с четко очерченными границами формы, острыми наблюдательными глазами под мощными надбровьями словно отточено резцом. Сильные руки Комова будто для того и созданы, чтобы молотком и троянкой высекать из камня крупные фигуры, недаром он один из основателей «сурового стиля» в скульптуре. Однако в его мастерской таких работ нет, напротив, все вещи лиричны, небольшого размера. Сразу вспоминаешь, что именно ему удалось возродить интерес к малой пластике, и даже фигура его

ПАМЯТНИК А. С. ПУШКИНУ
В ГОРОДЕ КАЛИНИНЕ.

те, кто еще не снял шинелей, тридцатилетние и даже сорокалетние, и те, кто по возрасту не мог участвовать в боях,—выступили с новой программой, призывая обратиться непосредственно к человеку сегодняшнего дня. Их интересовал человек с только ему присущими, индивидуальными чертами и переживаниями, а не человек «вообще».

— Собственно, название «суровый стиль»,—рассказывает скульптор Виктор Думанян, друг Олега Комова,—определяет не художественное направле-

СТЕКЛО.

ЖЕНСКАЯ ФИГУРА.

ние, а группу людей, начавших работать в 50-е годы. Название, на мой взгляд, не совсем точное, его ввел, если не ошибаюсь, Каменский. Оно говорит лишь о том, что существует другое искусство, отличное от прежнего. Романтики времен Делакруа, импрессионисты, постимпрессионисты— все это в конце концов реализм, название направления лишь указывает, в какой исторической отрезок времени работал художник.

— Четкой программы у нас не было,—вспоминает Комов,—направление возникло стихийно. Это была обычная реакция последующих поколений на искусство предыдущих. «Суровый стиль»—реакция на «лакировку». К

«суровому стилю» относится и лирическое начало в скульптуре. Ведь лирическое очеловечивает. Мы хотели делать «многоаспектную» скульптуру вместо «плаката». Сейчас трудно в это поверить, но когда в 1959 году я защищал свою дипломную работу—она была сдержанно лиричной и называлась «Юность»—парень и девушка стоят и разговаривают,—меня обвинили в мелкотемье: «Почему парень в узких брюках? Да и вообще люди не трудятся, а неизвестно что делают...»

Именно потому, что художников заин-

**ЭСКИЗ К ПАМЯТНИКУ
А. В. СУВОРОВУ.**

ЦЕЛИННИК.

ПАМЯТНИК АНДРЕЮ РУБЛЕВУ.

ЗОЯ КОСМОДЕМЬЯНСКАЯ.

рабочего-целинника (1960)— молодого худощавого парня с ребенком на руках— пронизана нежностью. Так как же «суровый стиль»?

В пятидесятые годы, когда формировалось мировоззрение Комова—художника и человека, в изобразительном искусстве еще были сильны традиции 30—40-х годов. С одной стороны, это были работы, проникнутые пафосом строительства молодого государства (яркий пример—скульптуры Мухиной), с другой стороны, создавались произведения, показывающие жизнь приукрашенно, приглаженно (художников такого направления позже назвали «лакировщиками»).

Студенты, заполнившие мастерские художественных вузов после войны—и

тересовал человек в реальной повседневной жизни, человек будней, скульптура обратилась непосредственно к быту. Начиная с 1957 года Олег Комов вводит в скульптуру предмет. Появляется серия работ—«Девушка с телефоном», «Моющая пол», «Зеркало», «Рояль», «Девушка, протирающая окна»... Работы были сразу замечены, доброжелательно приняты частью публики, некоторыми критиками. Казалось, путь молодому скульптору открыт.

Однако ему предстояли еще долгие, трудные годы утверждения. Интересных заказов не было. Браться за стандартные вещи? Так можно погубить в себе художника. Мастерская, которую ему с трудом удалось снять в районе парка

ЦДСА, не оттапливалась. Он перебрался в другую, но там не было воды, а без воды невозможно размачивать глину. О том, чтобы заниматься большой скульптурой, не могло быть и речи. Комов стал работать в пластине и в малой пластике открыл много интересного.

— Не знаю, как бы сложилась моя судьба,— рассказывает скульптор,— если бы не поддержка ЦК ВЛКСМ. По путевке комсомола меня послали в творческую командировку на целину, на Алтай. Эта поездка, с точки зрения творческой, духовной, моральной, дала многое. Человек городской, родившийся в Москве, до того никуда не выезжавший, если не считать практики в Ленинграде, я узнал другую жизнь. Увидел целителей, познакомился с бытом алтайцев. Да и позже творческие поездки по линии ЦК ВЛКСМ поддерживали меня в работе, дали самое ценное — тот самый «толчок к свободе», без которого искусство немислимо.

Из этих поездок Комов привез работы, которые стали эталонными в его творчестве. — «Девочка-алтайка», «Вечер». Он много выставляется, и, наконец, его работу «Мальчик с собакой» приобретает Третьяковская галерея. С 1965 года эта скульптура входит в постоянную экспозицию советского раздела. Так пришло признание.

ПРОБНЫЙ КАМЕНЬ

Есть в искусстве так называемые «пробные камни». Скажем, для актера — роль Гамлета. Для скульптора же один из таких «пробных камней» — образ Пушкина. Начиная с того момента, когда к столетию со дня рождения поэта был объявлен конкурс на лучший проект памятника и Пушкин Опекушина занял место на Тверском бульваре, интерес монументалистов к образу поэта все возрастает.

— У меня, как и у многих из нас, свой взгляд на Пушкина,— говорит Комов.— Чем больше работаешь над образом поэта, тем больше открываешь нового. Уверен, что и у каждого поколения свой Пушкин, и новые поколения откроют в поэте что-то свое.

Я невольно вглядываюсь в посмертную маску поэта, которая висит в мастерской скульптора.

— Мы, художники,— перехватывает мой взгляд Комов,— очень мало знаем о Пушкине. У нас есть маска, но снято только лицо. И мы не знаем, какой у Пушкина был затылок, не знаем форму ушей, а ведь скульптор делает круглую скульптуру, и такие детали очень характерны для человека. Не сохранилось даже какой-нибудь одежды поэта, поэтому мы не знаем длины его ног и рук, не знаем точного роста. Сохранились правда, перчатки, но они сильно усохли. Как видите, никто не может гарантировать фотографической правильности изображения Пушкина. Все это — на совести творца. Но вместе с тем нам совершенно ясен искрящийся темперамент Пушкина, понятны перепады его настроения, движения души. Нам интересна его личность, а это самое важное при создании любого произведения. Буквально же следование историческим деталям иногда уводит от истины. Приведу такой пример. Работая над своим первым памятником Пушкину в молдавском селе Долна близ Кишинева, я изучал подробности пребывания поэта в кишиневской ссылке. Здесь, в селе, Пушкин гостил у помещика Ралли. Здесь он встретил цыганский табор. По преданию, осталась Земфирина поляна, где Пушкин встретил цыганку Земфиру. Конечно же, я интересовался тем, как выглядел тогда Пушкин. И тут выяснилось, что он был обрит наголо, потому что переболел тифом, носил простую рубаху навыпуск и штаны, заправленные в сапоги, а рубаху подпоясывал кушаком. Некоторые искусствоведы предлагали изобразить поэта в таком виде. Но мне не хотелось идти этим путем. Я считаю, что, изображая поэта, мы создаем символический образ, изоб-

ражаем не просто Александра Сергеевича, который ловит на поляне бабочек, а гения народа, образ которого уже сложился в сознании людей.

— Но если идти по такому пути, возможны повторения. Следуя привычному образу, опасно власть в штампы.

— Да, в этом трудность. С одной стороны, необходимо, чтобы образ был узнаваем, чтобы он не отличался от уже сложившегося в сознании людей. С другой стороны, необходимо избежать повторения, не впадая в оригинальничанье. Я сделал четыре памятника Пушкину, если не считать пятый в Мадриде, который повторяет молдавский. Второй памятник — в Калинин, третий — в Болдине, четвертый — в Пскове, где Пушкин изображен с няней Ариной Родионовной. Работая над каждым из них, я старался взглянуть на поэта под разным углом, а это очень сложно. Скажем, то новое, что я только нащупывал в молдавском памятнике, я полнее выразил в калининском.

В старом парке на берегу Волги, у ажурной ограды, облокотившись на нее и глядя на текущую вдаль реку, спиной к обрыву стоит Пушкин. Правая рука поэта согнута в локте, через нее перекинут плащ, часть которого падает свободными складками на решетку. Еще издали увидев силуэт фигуры, понимаешь, что это Пушкин. Поэт задумался, и настроение легкости и свободы — от пространства текущей за спиной Пушкина Волги и открывающейся на другом берегу панорамы Калинин — словно бы делает памятник одуховленным. Кажется совершенно достоверным, что именно так любил стоять поэт, любясь природой, когда приезжал в Тверь и гулял в парке бывшего дворянского собрания.

Композиция памятника подсказал Комову неожиданно вспомнившийся рисунок Пушкина на полях рукописи «Евгения Онегина», где поэт изобразил себя вместе с героем романа на берегу Невы. Скульптор выполнил статуэтку, которую назвал «Белая ночь», и ее композицию почти полностью использовал для решения памятника. Смотришь на Пушкина, стоящего на набережной, и кажется, что запечатлен он здесь документально точно, но в то же время не когда-то, а именно сегодня. Иными словами, ощущаешь современность скульптуры. Наверное, потому, что комовский Пушкин отвечает нашему сегодняшнему представлению о поэте.

У Опекушина Пушкин грустный, задумчивый, он несколько устало и тяжело склонил голову и смотрит на зрителя сверху, он будто одинок среди людей. У Аникушина — вдохновенный поэт, прорицатель как бы немногого возвышается над толпой. У Комова это человек с небывалым лирическим талантом и пронзительным умом. Он легок, светел, изящен, задумчив и серьезен одновременно. Он не над людьми, а с людьми и лишь своей исключительностью, гениальностью возвышается над ними, причем в его фигуре чувствуется движение. У Опекушина Пушкин застыл в глубокой задумчивости. У Комова только что повернул голову, и создается впечатление, что в следующую минуту он обернется к нам. Приближенность к зрителю, возможно, достигается еще и тем, что комовский памятник невелик по размеру, всего в полтора раза больше натуральной величины: Эта приближенность персонажа к зрителю свойственна всем памятникам Комова.

— Памятник создается не одним человеком,— говорит скульптор.— Мало слепить фигуру, надо ее отлить в гипсе и бронзе, надо организовать пространство вокруг нее. Неудачно вписанный в архитектуру памятник никто не заметит, он как бы перестанет существовать. А ведь к памятнику предъявляются большие требования: он делается для широкого круга зрителей, должен ясно прочитываться, быть емким и в то же время многоаспектным, тогда на него можно смотреть много раз, долго его

рассматривать. Когда я закончил свой четвертый памятник Пушкину — с няней, мне думалось, что я высказался до конца. И только теперь понимаю, что еще не все сказал, что мой Пушкин впереди и я только на подходе к нему.

СПЕКТАКЛЬ В БРОНЗЕ

Уже зная, что Олег Комов в детстве учился играть на виолончели, и увидев в его мастерской небольшую скульптуру Чайковского — эскиз нового памятника,— я спросила художника, какой вид искусства, кроме скульптуры, ему ближе всего. Ответ оказался неожиданным: «Театр».

— Почему театр? — снова спросила я, полагая, что к скульптуре это не имеет никакого отношения.

— Театр скульптуре ближе всего. Режиссер и скульптор — близкие по своему характеру профессии. Ведь скульптор выстраивает композицию так же, как режиссер — мизансцену. Решающее значение в скульптуре приобретают жест и поза. Недоработанный жест приводит к нелепости. Фигура смешна, если жест противоречит внутреннему характеру, она становится похожей на плохого актера, который неумело двигается и преувеличенно размахивает руками. Вообще же я не люблю ложный пафос, мне кажется, это устаревший прием как в театре, так и в скульптуре. Важно угадать внутреннюю драматургию. Есть и еще общее — организация пространства. Фонари, деревья, кусты, архитектура — все должно быть взаимосвязано. Эта среда — то же самое, что декорации в театре.

Когда внимательно вглядываешься в работы Комова, понимаешь, что сравнение с театром правомерно, особенно в его сюжетных произведениях — «Пушкин и Гончарова», «Циолковский», «Суворов», «Венецианов».

Статуэтка «Циолковский» — это даже не мизансцена, это маленький спектакль, в котором показана жизнь героя. У распахнутого окна в профиль к зрителю, крепко сжав крест-накрест сложенные на груди руки, стоит Циолковский и смотрит сквозь окно на невидимые нам звезды. Он в очках, с короткой бородкой, еще молод и полон энергии. Сутулая, почти круглая спина, крепко упирающиеся в землю ноги, крутой, мощный затылок и чуть откинута вверх голова — вся его напряженная фигура охвачена внутренним огнем открытия. Он не несчастный чужак мечтатель, а уверенный в себе человек, одержимый идеей, увидевший то, чего не видим мы.

Эта скульптура, быть может, более других разъясняет принципы «сурового стиля». Фигура ученого с точки зрения академической правильности форм и пропорций некрасива. Художник не боится показать некоторую ее несуровость — чуть выступающий живот, излишний перегиб талии, неуклюже сложенные руки. И в то же время это фигура современного мыслителя — образ, полный внутренней красоты, содержания, таланта, интеллекта. Причем скульптор увидел не только одного ученого — Циолковского, он создал человека XX столетия, раскрепостившего свою мысль, поднявшегося до высшей точки нравственного и интеллектуального развития.

У Комова нет проходных, стандартных работ. В разных жанрах — малая пластика, монументальная скульптура, портрет, рисунок — он поднимается до уровня подлинного искусства. А как многообразен круг его интересов! Салтыков-Щедрин, Суворов, Репин, Дмитрий Донской, Козьма Минин, Рублев, Венецианов, Пушкин, Лермонтов, Чайковский, Гагарин, Королев, Курчатова... И в каждой работе — проникновение в духовный мир героя, вера в творческую мысль, в духовную красоту человека. Вера в добро, которая так поразила нас когда-то в «Мальчике с собакой».

Ирина ЛОБАНОВА

Людмила ЩИПАХИНА

Моя примета

*Живучи в народе приметы...
И ругань идет не во зло.
И просим в иные моменты:
«Ругайте, чтоб мне повезло!»*

*Друзей и врагов распалю,
Избытком поступков — грешна.
Ругайте, я вас умоляю!
Мне ваша поддержка нужна.*

*Недобрые чувства впрягайте
в работу, как в бричку — коня...
Прошу вас, почаще ругайте,
К везенью толкая меня.*

*И критиков, полных отваги,
Я с тем же подтекстом прошу,
Ругайте! Не бойтесь бумаги!
Терзайте все то, что пишу.*

*Друзья, не поддайтесь на нежность,
В лояльности прок невелик.
Ругайте — за строчки, за внешность,
За все, что придет на язык.*

*Ах, это нетрудно! Попробуй,
Мой друг, похвалы избегать.
И даже без просьбы особой
Меня потихоньку ругать.*

*И вымоглю с верою в чудо,
Что пользой становится зло.
Ругайте, чтоб не было худа!
Ругайте, чтоб мне повезло!*

Галина КУСТЕНКО

*Бабье лето. Деревня Осинки.
Гладь озерная. Крик журавлей.
Свет Отчизны — от малой росинки
до звезды над затишьем полей.*

*Нет по осени легче дыханья,
нет в осенней дороге конца,
когда грусть осторожной и ранней
паутинкой коснется лица.*

Ровеснику

*Ты откуда-то из детства —
оттого родной до страха.
Оттого твоя рубаха
навсегда белым-бела.
Это утром соловьиным,
это пухом тополиным,
это улица-метелица
нас белым обмела.
Да, конечно, ты из детства...
Ты из детства возле школы,
возле школы, где уклады
под лопатками рядком.
Что мы знаем друг о дружке?
Мы бежим по переулку,
мы в буфете школьным булку
запиваем молоком.
Мы — ровесники.
Ты помнишь? —
детство бегаем гурьбою.
Звуки флейты и гобоя —
слышишь? — рвутся на ветрах.
Что-то в нас поет и плачет
с той поры, а это значит,
навсегда родной до страха
белый цвет твоих рубах.*

Пора!

Грядущий день
Бедой набряк.
Военный,
Злой,
Смертельный знак
Восходит над судьбой...

Жнецы,
Трудяги,
Мастера,
Пора, товарищи,
Пора
Идти в последний бой!
Пора тебе, земная твердь,
Не прятать
Атомную смерть,
Под почвой — не скрывать.
Пора подняться на дыбы!
Пора стучать в глухие лбы
И к разуму взывать.
И вам, святые небеса,
Уже пора раскрыть глаза
На стаи черных птиц...
В их клювах —
Стронций и уран.
Крушение мира,
Гибель стран
И ужас
Без границ.

Чужак, сосед
И кровный брат,
Пора вселенский бить набат,
В звериный рог трубить!
Уж на сносях —
Тела ракет.
И яростней вопроса нет,
Чем — быть
Или не быть?
Пора вам, лирики,
Пора
Сменить
Изыщество пера
На грубый барабан!
...Способен ведь
В лицо войны
Плеснуть
Пощечиной волны
И
Тихий океан.
Беспечным многословьем фраз
Уж не обманет время нас,
Уже не та пора.
Сегодня мир
Поручен нам.
От слов
Переходить к делам
Пора, друзья!
Пора!

Мне почудился обман,
Что теку, волной вскипая,
Я — Великий океан,
Бесконечность голубая.
Крупны звездные огни,
Все значительно и вечно.
Чтобы ветреные дни
Не разбрызгивать беспечно.
Чтобы дальний дух полей
Не заманивал на сушу.
Чтобы топот тополей
Не травил морскую душу.
Чтоб забыть былую боль,
Не добавит зла и желчи...

У меня в глубинах — соль,
Рыбы, водоросли, жемчуг.
И коралловый атолл
На моей ладони прочен.
Мой раздувшийся подол
Свежим бризом оторочен.
Безмятежны и ясны,
Не тая видений вздорных,
И реликтовые сны
Без подводных лодок черных.
И судьбою осиян
Всплеск счастливого сознания,
Что Великий океан —
Вечный сгусток мироздания.

Я родом — из древнего края.
Там солнце восходит, играя,
На каменный горный помост.
Там звезды в саду соловьином.
Там радуга бродит павлином.
Гигантский расправивши хвост.

Меня приглашает напиток
Из лунного озера счастья,
В котором не водится зло.

Камень в оправе металла.
Я родом — из сказов Урала.
И там малахитовый мастер
Все учит меня ремеслу.
Олень — золотое копытце

Я родом — из хлебного поля.
Из давней надежды и боли.
Я родом — из нынешних весен
И родом — из нового дня.
И как мне связать благодатный
Мой жребий — и долг неоплатный,
Чтоб кровною дочерью века
По праву назвали меня?

И все в этом мире едино.
Все связано, все на виду...
С колесами связана глина,
Звезда — с отраженьем в пруду.

С травую обвенчаны росы.
С целительным соком — лоза.
И связаны с ливнями грозы,
Как с любящим сердцем — глаза.
Все возле, все близко, все рядом,
Достаточно взмаха руки!
И лужи, разбитые градом,
И радуга возле реки.

И желтого солнца скольженье,
И снежная горсть серебра.
Достаточно воображенья,
Чтоб миру добавить добра.
И белого хлопка охапка,
И сладкая спелость плода...
Одна у природы прабабка.
И связаны мы навсегда.

И я утешаюсь немалым,
Что мой дорогой человек
В сем мире, зеленом и алом,
Со мною пребудет вовек!

Свистела далекая птица,
Звенели копыта коня...
Опять мне Армения снится,
Горячим дыханьем маня.
Несла полуночные звезды
Бурлящая пеной река.
И трепетно нюхали воздух
Широкие ноздри быка.

И тучи летели крылато.
И вечность гляделась в зенит.
И спели на ветках гранаты.
И дыбился горный гранит.
Небесных громов нарастанье.
Гудящее лавой нутро.
Как в первые дни мироздания
Здесь все и свежо, и остро.

И озеро, павшее с неба.
И белых отар облака...
И запах насущного хлеба.
Цветочный настой молока.

И дождь разобьется о лужу.
И осень накопит скирды.
...Согрей мне, Армения, душу
Избытком своей доброты.

Валентин СИДОРОВ

Устремление

Когда мы устремляемся к истоку,
Никто прервать не в силах этот ток.

Твоя победа — в этом устремленьи.

Не бойся слов. Не бойся недостатков.
Есть устремленье — значит, будет все.

Коль устремлен, ошибки отпадут.
Они сгорят в движеньи непрерывном.

Колючки мелкие, оставшиеся в теле,
Все выдерни. Забудь о них. На взлет!

Учись летать, а не парить.
Паренье — отдых, а полет — работа.

Что значит вечность? Прошлое, сейчас,
Грядущее? Оно ни то, ни это.
А время вереницею зеркал
Мне представляется. И, отражая вечность,
Оно порой ее и искажает.

Чтоб разглядеть глубинный смысл вещей,
На миг мы останавливаем время.
Миг равен вечности, когда ты устремлен.

Победа — устремленье. Потому
Единственный мой лозунг — Устремленье!

Идти назад — обречь себя на смерть.
Остановиться — значит, смерть достигнет.
Иди вперед, дабы отстала смерть.
Она отстанет, ибо даже мысль
О ней исчезнет.

Стихи «Устремление», равно как и ранее публиковавшиеся циклы «Ступени», «Ключ», «Путь», являются попыткой соединения русской и индийской поэтических традиций. Здесь используется типичный для индийской поэзии прием: обращение к самому себе как бы со стороны (так называемые внутренние беседы). Это стихи-медитации, и в согласии с законами жанра в них обозначены темы для размышления, для самостоятельной внутренней работы. Можно сказать, что это приглашение к сотворчеству, адресованное читателю.

Не только явь преобразуйте. Сон
Преобразуйте устремленным духом.

Сон кончился с момента устремленья.
Вступивший в царство истинной свободы
Не возвратится больше в царство сна.

Вперед, вперед! Нет перерыва. Есть
Трамплин пред тем,
как прыгнуть в неизвестность.

Жизнь — устремленье. Если осознаешь
Всем существом простую эту мысль,
Жизнь не прервется даже на мгновенье.

Не через ум, а через сердце — вверх!

Усиле радостным становится. Тогда
И происходит чудо превращенья.
Тогда едины небо и земля.
Нет дисгармонии. Есть устремленье духа.

Унынье и усталость преходящи.
Непреходящи радость и любовь.

А устремленье высекает радость
Из всех препятствий и из всех преград.

Мой отдых — устремление вперед,
Мой праздник и награда — устремленье!

Процесс преображенья очень прост:
Быть устремленным каждое мгновенье.

Победа там, где побеждает дух.
Все остальное не победа.

Не возвышаюсь я, а устремляюсь.
Вот так возможно четко различить
Корысть и бескорыстие отныне.

Коль обозначены дороги восхождения,
Наполовину путь преодолен.

Из устремленья вырастаешь ты —
Твой звездный образ и надзвездный тоже.

Вперед, вперед, дабы прийти к себе!

Вершина всех вершин в самом тебе.
К ней устремись. Отсюда все увидишь.

Миллионы солнц сейчас в тебе горят.
Где макрокосмос и где микрокосмос?
Границ меж ними ты не проведешь.

Неизмеримое лишь может измерять,
А беспредельное — обозначать пределы.

А через небо постигайте Землю.
А через космос самого себя.

Идущий сверху и идущий снизу
Встречаются, чтоб истину познать.

Помни, что устремление — это не
прямая линия, а повороты, повороты,
ведущие вверх по спирали.

Помни, что все можно отнять у
человека, кроме его устремления,
ибо оно не зависит ни от чего: если
оно есть, то оно есть; что б ни случи-
лось, оно есть.

И, наконец, помни:
Слова есть Слово, если устремлен.

Для весны и лета финские художники одежды предлагают молодым самые разнообразные модели: от бальных платьев до комплектов, выполненных в свободном универсальном стиле. Большое значение модельеры придают цветовому решению костюма, а также со вкусом подобранной обуви, выразительным деталям и дополнениям: шарфикам, бусам, клипсам.

ЦВЕТ СЕЗОНА

АПН — СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «СМЕНЫ»

**Григорий
СЕРЕБРЕННИКОВ.**
Фото Виктора ХОМЕНКО

Одежда — это красота, это искусство. Она помогает скрыть недостатки фигуры и, наоборот, усилить привлекательность, подчеркнуть индивидуальность. В моде проявляется дух времени. Изменяются длина юбки или ширина брюк, но остается человек с его привычками, характером, вкусом, так считает ведущий модельер Финляндии Матти Антикайнен.

В конце прошлого года несколько финских фирм показали в Москве швейные и трикотажные изделия, разработанные для весны и лета.

Матти Антикайнен, тоже приезжавший в нашу столицу, утверждает, что главной особенностью будущего сезона станет широкое распространение оранжевого цвета. В предлагаемых им платьях и костюмах именно этот цвет преобладает. Наряду с оранжевым модельер активно вводит персиковый и красный цвета. Романтичность и воз-

душность платьям придают шитые кружева.

Антикайнен использует в своих моделях шерсть, хлопок, вискозу, причем часть тканей закупается в нашей стране. Например, на основе советского льна он подготовил интересную, по его же словам, коллекцию из пятидесяти моделей.

С каждым годом растет популярность свободного универсального стиля. То, что раньше годилось лишь для проведения досуга, теперь подходит и для работы. Девушкам рекомендуется блузка с юбкой или брюками. Юбка может быть самых неожиданных расцветок и в тон ей блузка. Остаются в моде ткани с люрексом. Возможны дополнения в виде шарфиков, бижутерии, браслетов.

Юношам предлагаются костюмы из легкой шерсти, брюки шириной до двадцати сантиметров с манжетами и ярко выраженной клеткой. Возвращается двубортный костюм.

Финские модельеры осваивают и новое направление в молодежной моде. Чтобы покупатель не терял время на хождение по магазинам в поисках той или иной вещи, которая гармонировала бы с уже купленным плащом или туфлями, художники и производители одежды разрабатывают и выпускают готовые комплекты. В них предусмотрено все: от туфли до шляпы. Некоторые финские фирмы предлагают комплекты из брюк и ботинок. Особенность их в том, что на туфли наносится тот же рисунок, что и на ткань брюк.

Кстати, об обуви. Каблук остается низким. Но одна отличительная деталь. В будущем сезоне модным будет рант в мысовой части туфли.

Ринат ДАСАЕВ, капитан сборной команды СССР по футболу

В сборную я впервые попал в семьдесят девятом году.

Не гремел оркестр, не было цветов, торжественных речей.

Все происходило буднично и просто. В конце очередной тренировки Константин Иванович Бесков, как водится, общался, где и когда состоится следующее занятие. А затем, чуть выждав, он сказал:

— ...А Хидиятуллин, Гаврилов, Ярцев, Шавло, Гесс и Дасаев завтра со сборной отправляются в Новогорск для подготовки к матчу с командой ГДР.

Мую фамилию Бесков почему-то назвал последней. Я сперва даже толком ничего не понял. Видно, устал прилично и уже думал о том, как бы поскорее оказаться в душе.

Стоявший рядом Женя Сидоров, наверное, догадавшись, что я не расслышал самого главного, пошутил:

— Не отменили бы матч, Ринат. Узнают немецкие нападающие, что в воротах Дасаев, испугаются и откажутся от игры. Так что твой дебют в сборной может и не состояться...

Тут только до меня дошло, что сказал Константин Иванович.

— Это правда?— все еще не веря услышанному, спросил я его, когда ребята ушли.

— Что правда?— взглянул удивленно тренер.

— Ну, насчет сборной?— еще больше растерялся я.

— А разве неясно было сказано? Или ты считаешь, что не заслужил этого?— улыбнулся Бесков.

И направился к себе в комнату, оставив меня в состоянии приятного недоумения.

Если быть откровенным, то о сборной в то время я уже втайне подумывал. Газеты дружно писали, что и в «Спартаке», и в команде Москвы на Спартакиаде народов СССР я выглядел неплохо. Меня перестали наконец называть неопытным, начинающим. Да и сам чувствовал: игра моя крепнет.

Мысль о сборной отнюдь не была проявлением тщеславия. Просто я твердо следовал тому, чему еще в Астрахани учил меня, мальчишку, мой первый тренер Геральд Иванович Бледных: чтобы расти, не стоять на месте, не дать обойти себя, надо непременно

В Новогорске, кроме нас, спартаковцев, Константин Иванович собрал еще московских и тбилисских динамовцев да несколько игроков из других клубов. Киевляне же из-за травм на сей раз на сбор не прибыли, что моментально породило среди болельщиков массу всевозможных разговоров.

Я, признаюсь, всем этим не интересовался. Не до того было. Тренировался, к ребятам присматривался. Одним словом, обживался в малознакомом коллективе. А потому, как и положено новичку, больше слушал и помалкивал. Но одно уловил сразу же: все, как один, к старшему тренеру сразу же прониклись уважением—занимались с настроением, в охотку. И прикидывали, какую Константин Иванович на этот раз игру предложит.

Все сразу стало ясно на установке, когда он объявил, что в средней линии вместе выступают

обиды, ободряюще подмигнул: «Поспокойнее, Ринат, старайся все время держать себя в руках».

Совету его я следовал, как мог. Но едва стихли последние такты мелодии гимна и в едином порыве всколыхнулись мгновение назад торжественно притихшие трибуны, сквозь меня словно разряд тока пропустили.

В таком состоянии и начал встречу. И немудрено, что тут же чуть беды не натворил: мяч как-то неловко принял—спасибо, Саша Маховиков вовремя подоспел, опередил Кюна. А вскоре, не рассчитав, на перехват я вышел и, не добравшись до мяча, упал. Но и здесь защитники мою промашку исправили—Вагиз Хидиятуллин успел протолкнуть мяч Сергею Пригоде, а тот разрядил обстановку.

Соперники, видать, знали, что перед ними «сырой» вратарь-дебютант (у них с информацией дело поставлено), и старались не давать мне передышки. Но в такой горячей обстановке я вдруг волноваться перестал. А уже после того, как сумел парировать

Фото
Анатолия
БОЧИННА

футбольный клуб
Выпуск 11-й
Надежда

НАША ГЛАВНАЯ КОМАНДА

но стремиться вперед, постоянно ставить перед собой все новые, пусть даже на первый взгляд фантастические цели.

Теперь, когда удалось всерьез проверить себя в «Спартаке», доказать право на место в его воротах, я поставил перед собой очередную цель—попасть в сборную. И ради этого трудился на бесчисленных тренировках, не переставая повторять про себя: «Я должен, должен, должен...»

Но, оказавшись столь неожиданно среди отобранных Бесковым кандидатов, понял: это—лишь начало, первый шаг, предварительная оценка того, что удалось пока в футболе сделать. Все остальное еще необходимо завоевать.

Приглашение в сборную совпало с довольно трудными для нее временами, когда выход в финал первенства Европы полностью зависел от результата матча в Греции. Турнирная ситуация была зыбкой, неопределенной.

Ровно за неделю до отъезда в Афины и должна была в Лужниках состояться последняя, контрольная встреча с командой ГДР. Сборная эта всегда упрямая, «колючая», способная попортить настроение кому угодно. А нам—по вполне понятным причинам—в дорогу требовалось только хорошее. Бесков выразил это, как всегда, лаконично и точно:

— Игра в Лужниках будет непростой. Так что давайте готовиться всерьез, братцы. А познакомимся друг с другом в работе.

Кипиани, Гаврилов и Максименков—полузащитники, умеющие играть в пас, организаторы, выдумщики. А значит, вариант предлагался атакующий, «спартаковский», в который тренер верил.

Готовился я к матчу вместе с Колей Гонтарем—славным парнем, с которым всегда легко и просто. Он уже тогда, несмотря на некоторую с виду угловатость, имел репутацию решительного, проверенного вратаря. Держал Николая себя со мной так, словно мы с ним давние друзья-товарищи. Хотя и постарше был, и в сборной уже поиграл.

Вот и случилось, что в ситуации, когда предстояло пройти очередное испытание, мне повезло. Встретился не с настороженным конкурентом и раздраженным соперником за место в составе, как порой, увы, бывает, а с добрым, приветливым человеком, от которого веяло теплом и спокойствием.

Скажу честно, исчезло спокойствие в ту минуту, когда узнал, что Константин Иванович решил поставить в состав меня. Коля не проявил при этом ни тени

непростые удары Штрайха и Ридигера, почувствовал себя уверенно.

Матч хотя и товарищеский был, но по накалу иному турнирному не уступал. Публика не скучала. На трибунах да и на поле бушевали страсти. И моментов у моих ворот и у ворот Грапентина хватало. Один из них мы, наконец, использовали: Гесс резко отдал мяч в район штрафной Юрчнину, тот тут же переправил его Гаврилову, а Юрий аккуратно «положил» его в левый от себя угол.

Лучшими среди наших в той встрече признали Хидиятуллина и Кипиани. Но и про дебютантов (а их, кроме меня, было еще трое—Гесс, Шавло и Юрчшин) не забыли—похвалили за смелость, находчивость. Вообще же в оценке игры нового варианта сборной обозреватели и специалисты были довольно

Продолжение. Начало в № 1.

сдержанны. Старательность отмечали, настойчивость, «волевой заряд». Но с выводами не спешили, будто боялись оглянуться.

Бесков после матча выглядел озабоченным. Видно, уже тогда чувствовал надвигающиеся трудности. С победой всех поздравил, поблагодарил за старательность, кое-кому короткие, меткие замечания сделал. А когда очередь до меня дошла, спросил: «Ну что, Ринат, понял, какая это особая ответственность — за сборную играть?» В ответ я лишь устало кивнул головой. На большее просто сил не было.

Впервые понял я тогда еще и то, как любима сборная, как велика вера в нее, хотя и огорчала она до нашей игры с командой ГДР больше, чем радовала.

А особая ответственность потому, что и команда эта действительно особая — ГЛАВНАЯ в стране. И болеют за нее все.

По результатам, по силе сборной оценивается уровень футбола страны, которую она представляет. Она и только она одна по-настоящему проверяет, кто и чего стоит в футболе — независимо, игрок он или тренер. Здесь каждый на виду. Со всеми своими плюсами и минусами. Вот почему тот, кто с достоинством выдержал испытание ГЛАВНОЙ КОМАНДОЙ СТРАНЫ, кто оправдал высокую честь защищать ее цвета, навсегда остается в истории футбола.

Попытаюсь рассказать о том, как в сборной я увидел и почувствовал совершенно новый футбол, ощутил прежде неведомые переживания, пройдя сквозь которые многое осознал и понял. Это случилось не сразу, не вдруг. И если уж быть точным до конца, то обрести себя, оценить свои истинные возможности удалось благодаря чемпионату мира в Испании.

Именно поэтому я хочу вернуться к тому грандиозному, незабываемому турниру и взглянуть на все происходившее в Испании летом восьмидесят второго года еще раз. Но начну (вернее, уже начал) с событий давних, предшествовавших первенству мира, когда сборная только делала первые, неуверенные шаги к нему. Как и мы — те, кто пришел в нее.

...В Афинах мы проиграли. А ведь не должны были. Никак не должны. И соперник был не из самых сильных. И моментов у нас хватало, чтобы по-иному все сложилось. Но счастье на этот раз оказалось не на нашей стороне.

Если же по существу, то дело, конечно, не в счастье, рассчитывая на которое в таких матчах по меньшей мере несерьезно. Просто повлияли на результат обстоятельства хотя и разные, но оказавшиеся взаимосвязанными.

Первое — это поле стадиона «Панатинаикос», обычно малое по размерам, жесткое, словно бетонная плита, и неровное, как проселочная дорога. Предвижу саркастические улыбки. Дескать, проигравшие всегда ищут оправдание в чем угодно: и поле плохое, и не везло...

Хочу быть правильно понятым: конечно, классная команда, собирающаяся решать большие задачи, должна находить выход из любых положений. Но в то время сборная лишь рождалась, в очередной раз создавалась заново. Вот это второе обстоятельство и помешало преодолеть трудности первого. Попав на поле, которое после утренней разминки Юрий Гаврилов сразу же окрестил «огородом», мы лишились главного козыря: возможности сыграть в свою игру — техничную, комбинационную, многоходовую. И энергия главным образом уходила на укрощение мяча, ставшего строптивым и непослушным.

В первом тайме Кипиани, получив пас от Максименкова, оказался один против греческого вратаря Константину, но протолкнул под ним мяч очень слабо. А потом уже сам Максименков, целясь в угол пустых ворот, угодил в штангу. Затем Шенгелия из хорошего положения пробил чуть мимо... Для победы, о ничьей уже не говорю, этих моментов вполне бы хватало. Ведь у греков было намного меньше шансов забить. Но один они не упустили.

Когда казалось, что их неистовые атаки, поддерживавшиеся бушевавшим, словно проснувшийся вулкан, стадион, стали потихоньку затихать, Николудис и Ардизоглу добились-таки своего. Норовившие до этого по флангам пробраться в нашу штрафную, они разыграли между собой такую знакомую и всегда неожиданную «стенку», заставив потерять позицию опекавших их защитников. И когда Николудис с мячом рванул к моим воротам, Бубнов и Никулин вдвоем бросились перекрывать его. Почувствовав, что оба, особенно Никулин, явно опаздывают, в дело решил вмешаться я. Но греческий форвард, опередив всех, успел ударить. Мяч угодил Никулину в ногу и, перелетев через меня, оказался в сетке.

Поражение всегда огорчительно. В данном случае горечь усугублялась еще и неполучившейся игрой. Конечно, причины были. Однако никто из нас афинскую неудачу ими не оправдывал, а уж старший тренер — тем более. Переживал он главным образом потому, что ИГРА не удалась. Ведь с ее помощью Константин Иванович и рассчитывал вывести сборную из сложной ситуации. Потому-то именно он и был

приглашен в самый трудный момент, после пятнадцатилетнего перерыва.

...Футбольная жизнь продолжалась. Не вышедшей в финальную часть чемпионата Европы в Италии сборной необходимо было начинать свое становление. Как всегда случается после очередной неудачи, стало широко обсуждаться ее будущее. Одно предложение сменяло другое, но суть всех сводилась примерно к следующему: «Необходим новый тренер, который окажется более пророчливым и удачливым, чем его предшественники».

Следующий после Афин матч (товарищеский с румынами) сборная проводила под руководством О. Базилевича и выиграла. Однако еще некоторое время не было ясно, кому доверят пост старшего тренера главной команды. Наконец, после сомнений и колебаний решили, что ее вновь возглавит Константин Иванович.

Мы, спартаковцы, знали: для Бескова такой поворот событий не в диковину, и «нулевой цикл» его вряд ли может смутить. А потому верили, что у него должно получиться. Верили до конца. И он в нас верил, зная, что лучших, более преданных и верных помощников в деле, за которое взялся, ему не найти. Так, во всяком случае, нам казалось.

Но мы понимали — это не более чем шанс, проявление доверия, которое надо использовать и оправдать. И никогда за то время, что Константин Иванович руководил сборной, никто из спартаковцев не получал никаких привилегий. Все было по справедливости, по ИГРЕ.

Помню споры о том, правильно ли он поступил, когда в Афинах ввел в состав Федю Черенкова, которому только что двадцать исполнилось. Федя сыграл в Греции чуть ли не сильнее всех, но, поскольку мы проиграли, кое-кто в вину был готов поставить старшему тренеру и это: мол, такой момент ответственный, а он экспериментами занимается.

...Вступил в свои права год восьмидесятый, олимпийский.

На очереди был очень престижный олимпийский турнир. Но, думая о нем, Бесков в каждом своем интервью, на каждом собрании команды не уставал повторять: «Наша цель — мировой чемпионат. И готовиться, идти к ней надо, не теряя игрового достоинства, спокойно, уверенно».

С конца февраля и до начала Олимпиады мы провели пять встреч с сильнейшими соперниками и показали футбол, который журналисты так любят именовать в отчетах «зрелищным и вдохновенным». В Софии обыграли сборную Болгарии, в Мальме — Швецию, в Рио-де-Жанейро — Бразилию, а в Москве — Францию и Данию. Да и соотношение мячей вполне соответствовало игре — тринадцать забитых голов при пяти пропущенных.

Все эти матчи я провел без замены, имел основания считать, что причин для недовольства моей игрой нет. Но каким бы удачным ни оказывался для меня матч, Бесков все равно находил повод для замечаний, давая лишний раз понять, что обольщаться рано и пользу может принести только строгое, критическое отношение к себе.

Мы играли за сборную и одновременно учились. Точнее говоря, учились играть в сборной. И открывали для себя совершенно новый футбол, требования и уровень которого оказались жестче и выше.

Этот футбол обязывал к проявлению всех лучших качеств в самых высоких игровых режимах, к умению мгновенно перестраиваться в зависимости от обстановки и находить выход из любых ситуаций.

На нашу победу в Рио еженедельник «Футбол-хоккей» откликнулся красивым разворотом «Испытание «Мараканой». Но для нас это было еще и испытание сборной. Оба испытания мы тогда выдержали. И главным образом потому, что к встрече с бразильцами подошли, уже приобретя пусть небольшой, но все-таки позволяющий ориентироваться в сложной, малоизвестной обстановке опыт. А год назад не сумели пройти «испытание Афинами» только из-за того, что опыта не имели, хотя соперник, повторяю, был намного слабее того, которого удалось одолеть на «Маракане».

Кстати, спустя пару лет там же, в Афинах, мы уверенно победили греческую команду, страстно желавшую утвердиться в звании «грозы советской сборной». Не помешали на сей раз ни неровности поля, ни бушевавшие все девяносто минут трибуны.

К тому времени мы уже заметно окрепли, а самое главное — стали чувствовать себя игроками сборной. Правда, мне могут напомнить, что матч-то был товарищеским и, значит, ни в какое сравнение с тем — официальным, решающим — идти не мог.

Спорить не стану, турнирные встречи всегда особые, ни с чем не сравнимые. Но тем не менее рискну утверждать, что, повторюсь подобная ситуация, в которой оказалась сборная в семьдесят девятом году, перед встречей в Афинах, и проведи она его в точно такой же обстановке через два года, вопрос о нашей победе не стоял бы. Уже многое было найдено в игре, что и стало бы главным аргументом в споре.

Предвижу новый вопрос: «А почему же после столь впечатляющей серии в начале восьмидесятого года, включая победу на «Маракане», на олимпийском турнире в Москве вы оказались лишь третьими?»

Отвечу так: хотя сборная в канун Олимпиады заметно подняла свою репутацию, успешно сыграв с болгарами, шведами, французами, датчанами и бразильцами, обкатку в больших, официальных турнирах пройти еще не успела. И олимпийский оказался первым на ее пути.

Конечно, во встречах с соперниками достаточно высокого класса мы многому научились — игру стали чувствовать, партнеров понимать. А вот психологической устойчивости еще не хватало. Олимпиада, как и мировой чемпионат, проводится раз в четыре года. И не побывав на таких турнирах, не поварившись в котле их страстей, не испытав напряжения и колоссальной ответственности каждого матча, бойцом не станешь. Оказавшись в подобной обстановке, даже футболист, которого можно отнести к «прошедшим огонь и воду», способен растеряться и начать реагировать на все происходящее совершенно неожиданно.

Это я понял позднее, в Испании.

А в Москве среди олимпийцев, которых собрал Константин Иванович, подавляющее большинство провели за сборную считанное число встреч, да и то в основном товарищеских.

Не в оправдание говорю. Промахов своих никогда не оправдывал, даже если случалось на поле выходить больным. Не приучен виноватых искать на стороне. Но то, что линия защиты получилась сборной хоть из интересных, толковых, но не обстрелянных в сборной футболистов, определенную роль сыграло. Мы ведь команде ГДР проиграли в полуфинале из-за единственной грубой ошибки в обороне. Промашки допускать и ползащитники, и форварды. Но они-то не забывали. А мы пропустили.

Это я к тому, что просчеты обороны ни в какое сравнение не идут с теми, что допускаются у чужих ворот. И тот олимпийский полуфинал — лишнее подтверждение. Сыграли мы сумбурно и скованно, потому что оказались зажатыми в тиски волнения и ответственности, освободиться от которых так и не сумели.

Опыта снова не хватило. Опыта больших турнирных испытаний...

Правда, случаи, когда на самых крупных футбольных форумах к победе приходили команды, имевшие в составе дебютантов, бывали. Но это скорее являлось исключением, подтверждающим правило. А вот то, что в Испании чемпионом мира стала команда Италии, процентов на шестьдесят — семьдесят сохранившая свой состав четырехлетней давности, времен чемпионата мира в Аргентине, — это закономерность.

На событиях от Афин до олимпийской Москвы я не случайно так подробно остановился. В них сборная, которой предстояло выступить в Испании, проверялась, обкатывалась, примеряла игру. Уже просматривались заново созданные линии, нащупывались связи.

С восьмидесятого по восьмидесят второй год за двадцать один матч мы пропустили семь мячей. Причем ни разу больше одного за игру. Но старший тренер все равно не успокаивался. Искал, искал, пробую все новые варианты обороны. Постепенно круг претендентов на места в ней сужался.

Думаю, Бесков не случайно столько внимания уделял защитной линии. Дело здесь не в стремлении добиваться результатов прежде всего за ее счет. Напротив, Константину Ивановичу хотелось, чтобы защитники не только умело справлялись со своими прямыми обязанностями, но еще и были активны в атаках, стремились поддерживать, а при возможности и завершать их. Если судить по матчам в Испании, в лице Демьяненко и Чивадзе он таких защитников нашел, хотя, наверное, надеялся, что и остальные игроки обороны окажутся на высоте.

Могли смело сказать: в конце восьмидесяти первого года, когда мы досрочно стали финалистами испанского первенства, сборная была уже сильна не только заметно окрепшей и определившейся игрой, но и дружной — настоящей, основанной на взаимном уважении футболистов и тренеров. После матча с командой Уэльса в Тбилиси мы разъезжались в разные города: Москву, Минск, Ростов-на-Дону, Киев. И, прощаясь, говорили друг другу простые и очень нужные слова. Говорили от всей души, потому что за последние два сезона успели узнать и проверить возможности и характер каждого, научиться чувствовать локоть товарища. По крайней мере нам, впервые в жизни ставшим участниками чемпионата мира, переполненным радостью победы, так казалось. И мы верили друг в друга...

Тогда в Тбилиси, в раздевалке, еще не остыв от недавних переживаний, Олег Блохин сказал мне: «В каких только турнирах я не играл, Ринат, а вот на чемпионатах мира не доводилось. Ведь так можно было и из футбола уйти, не узнав, каков он на самом деле».

Я понимал Олега, возраст которого уже к тридцати

подходил. И, как знать, может, то был последний шанс в его жизни осуществить свою давнюю мечту. Ведь никто из форвардов, ретиво опекаемых безжалостными защитниками, не знает, когда придется бутсы на гвоздь повесить...

Команда жила предстоящим грандиозным событием. Конечно, никто (в футболе, как известно, всякое с каждым может случиться) не мог на сто процентов быть уверенным, что непременно попадет в Испанию. Но мечты все больше приближались к реальности.

Обстановка в сборной, как я уже говорил, была теплой, дружелюбной, в которой и тренироваться, и играть приятно.

Каким образом тренерам удалось этого добиться? Не думаю, что у Бескова какие-то особые секреты были. Просто подтверждение игрой и результатами правильности выбранного им в работе направления лучше всяких слов способствовало укреплению его тренерского авторитета. А это, в свою очередь, создавало атмосферу доверия и понимания в коллективе. Нет более действенной силы убеждения игрока, чем тренерский авторитет, вера в него.

В чем, в чем, а в этом мне удалось убедиться, общаясь в сборной с разными специалистами. Естественно, каждый из них стремился завоевать авторитет своими уже проверенными в клубе методами. Но ожидаемые результаты это приносило не всегда. Наивно думать, что только личность тренера, доверие и уважение к нему уже сами по себе гарантируют достижение цели. Но то, что в значительной мере облагают продвижение к ней, абсолютно точно.

В восьмидесят первом году вместе с Константином Ивановичем в сборной стали работать Валерий Васильевич Лобановский и Нодар Парсаданович Ахалкаци — старшие тренеры киевского и тбилисского «Динамо». Какая роль им предназначалась — помощников Бескова или его полноправных соратников, — судить не берусь. Как и о том, так ли уж необходимо было их приглашение в команду. Дело игрока — играть, а не анализировать поступки и решения руководства.

Но, как мне показалось, на первых порах ничего не изменилось. По-прежнему самой заметной и активной фигурой во время занятий, разборов и прочих учебных дел был Константин Иванович. И скорее всего именно поэтому обстановка в коллективе сохранялась деловой.

С Лобановским и Ахалкаци до этого я знаком практически не был. Много слышал о них от товарищей по сборной и, сравнивая увиденное с услышанным, с интересом присматривался к обоим. Отчетливо при этом убеждался, насколько разные они люди — по характеру, по взглядам на футбол, на свое тренерское дело. Насколько непохожи друг на друга киевское и тбилисское «Динамо» на поле, настолько непохожи в жизни их наставники.

В сборной Лобановский был так же привычно инициативен и деятелен, как и в своей команде. Ахалкаци же вел себя более сдержанно, с присущим ему достоинством и внешним спокойствием. Это я по тренировкам сужу. Различия в поведении того и другого были определенным проявлением черт их характера. А может быть, и своеобразной ответной реакцией на приглашение в сборную. Думаю, что в отличие от Валерия Васильевича Нодар Парсаданович понимал, что должен больше помогать, чем руководить. И потому старался проявлять максимум тактичности и выдержанности во всем.

Остатывающаяся я на переменах в тренерском составе сборной не случайно. После чемпионата мира они подверглись самому горячему обсуждению. И большинство споривших сошлось во мнении, что решение о создании тренерского триумвирата не только не пошло сборной на пользу, но даже внесло ненужные осложнения в ее дальнейшую жизнь, явившись чуть ли не одной из причин нашего преждевременного возвращения из Испании.

Честно говоря, меня до сих пор удивляет категоричность, с которой делались и делаются подобные заявления. А потому, не отвечая сейчас на нетерпеливый вопрос: было ли это действительно ошибкой или нет? — просто продолжу рассказ о дальнейших событиях в жизни сборной, который, надеюсь, даст возможность многое понять и взглянуть на ее выступление в Испании с иных позиций.

...Что мы знали о чемпионате мира?

Теперь, по прошествии столького времени, в преддверии очередного мирового первенства, дорога к которому прокладывалась гораздо труднее, чем четыре года назад, могу смело сказать: ничего. Конечно, о том, что событие это особое и что в Испании многое может оказаться совершенно неизвестным, догадывались. Но представить все будущие трудности не могли. А поскольку кое-какую школу сборной уже прошли и опыта набраться успели, то в душе надеялись, что сумеем и в новой обстановке разобраться.

Это не было зазнайством или самоуспокоенностью. Но, сыграв удачно в Рио со всегда высоко котирующимися бразильцами, а в Аргентине — вничью с чемпионами мира, мы имели определенные основания

рассчитывать, что в Испании хуже других оказаться не должны. А международная футбольная пресса и вовсе без колебаний определила нашу сборную в число фаворитов предстоящего первенства.

Взять хотя бы отзывы об одном из последних контрольных матчей с аргентинской сборной ровно за два месяца до отъезда в Испанию. Проходил он в Буэнос-Айресе на поле стадиона «Ривер Плейт», того самого, где за четыре года до этого хозяева стали обладателями высшего футбольного титула.

Проверяя себя в матче с самими чемпионами мира и присматриваясь к ним, мы заодно прикидывали и свои будущие шансы. Не скажу, что игра в Буэнос-Айресе нам удалась. Не было привычной легкости ни в маневрах, ни в обращении с мячом. Возможно, сказались утомительная дорога или вполне естественное для такой встречи волнение. Но вышло так, что больше внимания мы уделяли разрушению атак аргентинцев, чем организации своих.

Майка Тенгиза Сулаквелидзе, опекавшего восходящую «звезду» хозяев — невысокого крепыша Марадоны, уже минуте к пятнадцатой почернела от пота. Но юркий аргентинец не только успевал сам выходить на удобную для обстрела ворот позицию, но еще и помогал то же самое делать мощному Кемпесу и энергичному Диасу. Эта тройка и принялась с самого начала терзать нашу оборону.

Раза два опасно пробил Кемпес. И стоило немало труда парировать его хлесткие удары. А в одном эпизоде штанга отразила мяч, посланный Марадоной. И все-таки аргентинцы добились своего. Рванувшийся на свободное место Диас получил пас и оказался в нашей штрафной. К нему сразу же устремился Балтача. Чувствуя, что Сергей может не успеть помешать нападающему, я тоже бросился навстречу аргентинцу. Но тот уже нанес резкий удар. И мяч, хотя и коснулся моих рук, оказался в сетке. Сравнять счет удалось Оганесяну во втором тайме. Сделал это Хорен красиво, застав врасплох голкипера аргентинцев Филлола.

«Русские станут на сцене испанского первенства заметными действующими лицами», «Сборная СССР оказалась крепким орешком для чемпионов мира!», «Элегантный грузин с достоинством выдержал спор с Марадоной»...

Такими заголовками прокомментировали матч аргентинские газеты. Вполне понятно, что подобная реакция доставила нам определенную радость. Но тренеры в отличие от нас особых восторгов не проявляли.

— Могли сыграть лучше. Особенно в атаке, — единодушно заявили они после встречи, давая тем самым понять, что от игры нападения ждали и продолжают ждать большего.

В самолете мы с Юрием Гавриловым долго обсуждали матч, детально разбирая его отдельные моменты, и особенно неожиданные действия так понравившихся аргентинских форвардов. И когда, вдоволь наговорившись, уже собирались вздремнуть, Юра вдруг спросил:

— А что ты думаешь, Ринат, как мы сыграем в Испании?

— Не знаю... — неопределенно пожав плечами, признался я.

— Вот и я не знаю, — покачал головой Юра.

И, отвернувшись, стал молча всматриваться в черневшее за окнами иллюминатора небо.

Мы действительно не знали, как все сложится для нас в Испании. Но, постоянно думая о будущих малоизвестных соперниках, об игре, которая бы помогла одолеть их, даже приблизительно не могли представить, в какой абсолютно непривычной, а потому вдвойне трудной обстановке предстоит оказаться. Не подозревали мы, что именно умение оставаться самими собой в ее захватывающем вихре сыграет далеко не последнюю роль.

А пока, в оставшееся до отъезда время, сборная жила обычной жизнью: кандидаты проходили последнюю проверку, а тренеры ломали голову над окончательным вариантом списка тех, с кем собирались отправиться в дорогу. И хотя, было предусмотрено все, трое из нас выступить в Испании не смогли.

Вначале стало известно, что, устав от бесконечных травм, решил проститься с футболом Давид Кипиани. Затем в середине мая выбыл из строя другой полузащитник — Леонид Буряк. А накануне вылета в Севилью, за две минуты до конца последней контрольной встречи со вторым составом в Лужниках, серьезно повредил колено вновь возвращенный в команду Вагиз Хидиятуллин.

Еще не вступив в борьбу, мы потеряли трех игроков, каждому из которых роль лидера вполне была по плечу. Как недоставало команде их опыта, уверенности, выдержки — всего того, чего, увы, не под силу оказалось проявить некоторым из тех, кто был здоров, полон сил и выходил на поле!

Записал Александр ЛЬВОВ.

Окончание следует.

Я мать двоих несовершеннолетних детей. Так складывается жизненная ситуация, что для ухода за младшим сыном мне необходимо работать неполный рабочий день. Хотелось бы знать, кому и как устанавливается неполный рабочий день.

М. Васина, Ростов-на-Дону

В соответствии с Положением, утвержденным Госкомтрудом СССР и Секретариатом ВЦСПС 29 апреля 1980 г. «О порядке и условиях применения труда женщин, имеющих детей и работающих неполное рабочее время», администрация имеет право устанавливать неполный рабочий день или неполную рабочую неделю женщинам, имеющим детей, в связи с необходимостью ухода за ними. Оплата труда в этих случаях производится пропорционально отработанному времени или в зависимости от выработки.

Неполное рабочее время может устанавливаться во всех отраслях народного хозяйства.

Прием женщин, имеющих детей, на работу с неполным рабочим днем или неполной рабочей неделей производится на общих основаниях. Запись в трудовую книжку о приеме на работу вносится без указания о работе на условиях неполного рабочего времени.

Неполное рабочее время может быть установлено как без ограничения срока, так и на любой, удобный для работницы срок: до достижения ребенком определенного возраста, на период учебного года и т. д.

Режимы труда, устанавливаемые при работе с неполным рабочим днем, могут предусматривать:

сокращение продолжительности ежедневной работы (смены) на определенное количество рабочих часов во все дни рабочей недели;

сокращение количества рабочих дней в неделю при сохранении нормальной продолжительности ежедневной работы (смены);

сокращение продолжительности ежедневной работы (смены) на определенное количество рабочих часов при одновременном сокращении количества рабочих дней в неделю.

Продолжительность рабочего дня (смены), как правило, не должна быть менее 4 часов и рабочей недели — менее 20 часов (при пятидневке) или 24 часов (при шестидневке).

Работа на условиях неполного рабочего времени не влечет для рабочих и служащих каких-либо ограничений продолжительности ежегодного отпуска, исчисления трудового стажа и других трудовых прав.

Время работы женщин, имеющих детей и работающих неполное рабочее время, засчитывается как в общий стаж, так и в непрерывный стаж работы по специальности.

ЗНАЙ СВОЮ РОДИНУ

Традицией нашего журнала стало ежегодно проводить конкурс эрудитов. Судя по многотысячной почте, эти конкурсы пользуются у наших читателей большой популярностью, позволяя им не просто занимательно проводить досуг, но и обогащаться знаниями, повышать эрудицию.

В 1982 году мы провели конкурс «Наша Родина». Тогда многие читатели написали, что расставаться с таким интересным конкурсом жалко, и просили в будущем продолжить его, справедливо считая, что тема Родины безгранична, а знания тут практически неисчерпаемы. Идя навстречу этим пожеланиям, редакция «Смены» решила провести в этом году конкурс эрудитов под общим названием «Знай свою Родину». В трех его турах мы предложим читателям 40—50 вопросов, касающихся многих сторон жизни нашего великого государства.

В домашнем задании первого тура — 15 вопросов. Ко всем, кого заинтересует конкурс, жюри обращается с просьбой писать четко и понятно, на одной стороне листа. Работа должна состоять из двух частей. В первой, короткой, читатель точно и лаконично отвечает на вопросы в том порядке, как они заданы. Во второй части, отдельной от первой, надо прокомментировать свои ответы. Чем интереснее и полнее будут эти комментарии, тем лучше. При подведении итогов жюри обязательно будет учитывать полноту комментариев. Желательно указывать источники, в которых читатель нашел ответы на тот или иной вопрос.

Как всегда, участников конкурса ждут призы: 30 победителей будут награждены книгами и дипломами «Смены».

ВОПРОСЫ, КОТОРЫЕ МЫ ПРЕДЛАГАЕМ ДЛЯ ПЕРВОГО ТУРА КОНКУРСА «ЗНАЙ СВОЮ РОДИНУ»

1. Известно, что первым образ В.И.Ленина на киноэкране создал в фильме «Октябрь» токарь Путиловского (ныне Кировского) завода Василий Николаевич Никандров. А в какой пьесе он сыграл роль

КОНКУРС ЭРУДИТОВ

Первый тур

вождя революции? Какой театр ее поставил? Чем интересна была афиша к этому спектаклю?

2. Кто и когда провозгласил лозунги: «Пролетарий, на воздушном коне!» и «Комсомолец — на самолет!»?

3. Герою Советского Союза вручают орден Ленина и медаль «Золотая Звезда». А как медаль называлась первоначально и до какого дня?

4. С какой республики, по чьей инициативе и когда началось образование Российской Федерации?

5. Поэму «Медный всадник» А.С.Пушкина знают все. Какой писатель и в каком произведении ввел в русскую литературу тему Медного всадника-первым?

6. Подвиг моряка-тихоокеанца Михаила Паниахи, «сталинградского Данко», повторил в Сталинграде казахский батыр, имя которого однополчане начертали на стенах рейхстага. Назовите героя и расскажите о его подвиге.

7. В экспозиции Мемориала обороны Одессы стоит танк системы «НИ». Что означает это название?

8. Директор Царскосельского лицея Е.А.Энгельгардт надевал на палец своим воспитанникам кольцо как символ их неразрывной связи с лицеем и друг с другом. Из какого металла были кольца и почему именно из него?

9. Эта песня была написана для советского кинофильма, снятого в 1932 году. Через четыре года она зазвучала во французском фильме о рабочих «Жизнь принадлежит нам». И наконец, мелодия ее стала

основой первого гимна ООН. Назовите песню и ее авторов.

10. Назовите первый памятник, сооруженный в нашей стране в честь победы над Наполеоном. Где и по чьей инициативе он воздвигнут?

11. В нашей стране есть единственный в мире музей одной картины. Где он находится? Какая картина и какого художника была представлена на открытии?

12. Когда и по чьей инициативе был создан первый рабфак?

13. Первый в истории шахмат космический турнир провели наши космонавты. Когда это было, кто в нем участвовал и кто стал победителем?

14. По территории какой союзной республики текут две реки, на разных участках носящие по три названия? Приведите все их.

15. В 1979 году в Ашхабаде проходил XIII Всесоюзный кинофестиваль. Одним из его участников был Ролан Быков. Оторвавшись от фестивальных забот, он побывал в поселке Кала-и-Мор на самом юге Туркменистана. Почему именно там?

Последний день отсылки домашних заданий — 30 марта. Приятного вам досуга, дорогие читатели!

Вместе с тем обращаемся к вам с просьбой быстрее присылать вопросы для следующих двух туров. Вопросы могут касаться всех аспектов жизни и истории нашей страны. Не забывайте к каждому вопросу указать источник, откуда вы его взяли. Лучшие вопросы будут использованы в нашей викторине с указанием фамилий приславших их читателей. А трех читателей, чьи вопросы будут признаны самыми интересными, редакция наградит почетными дипломами «Смены».

ШАХМАТЫ ШАШКИ ШАХМАТЫ ШАШКИ ШАХМАТ

28-я ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

СИЛА ЛАДЫ

Ограничение шахматного материала, обусловленное спецификой жанра миниатюры, стимулирует не только лаконичность выразительных средств, но и максимальное раскрытие и использование силы отдельных шахматных фигур. В этом плане решение задач-миниатюр может принести большую практическую пользу начинающим шахматистам. Они смогут лучше понять и почувствовать особенности каждой фигуры, характерные способы эффективного взаимодействия фигур со своим королем.

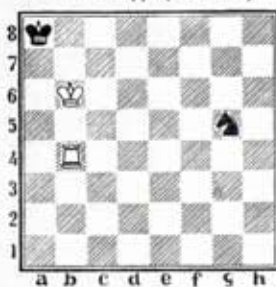
Участникам нашей олимпиады в каждом туре будут предложены задачи, сгруппированные по определенному материалу за белых. Тема сегодняшнего «урока» — ладья.

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «28-я шахматная олимпиада. 2-й тур». Во

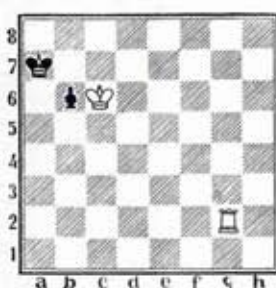
всех трехходовках достаточно указать два первых хода решения.

Второй тур

Белые: Крб6, Лб4 (2)
Черные: Кра8, Кг5 (2)
Мат в 3 хода (2 балла)

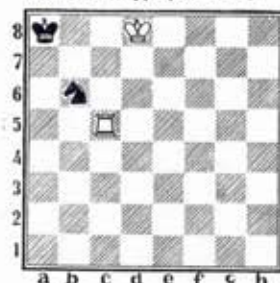

Белые: Крс6, Лг2 (2)
Черные: Кра7, п. б6 (2)
Мат в 3 хода (2 балла)

Белые: Крд8, Лс5 (2)
Черные: Кра8, Кб6 (2)

Мат в 3 хода (2 балла)

Последний срок отправления
ответов — 15 марта.

4-я ШАШЕЧНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией
заслуженного
тренера БССР
Виктора КРАМАРЕНКО

КНИГИ — ПО ЖРЕБИЮ

Среди 115 победителей 3-й шашечной олимпиады была проведена жеребьевка. Итак, шашечную литературу получают: В.Абрамов, Н.Андрющенко, В.Бирюзов, Г.Бобров, А.Власов, С.Губоч-

кин, Г.Ельцин, В.Зиновьев, В.Иванов, И.Ковалев, В.Ключников, И.Косенков, В.Кульчицкий, Ю.Ломакин, В.Макушкин, В.Мезен, С.Нечаев, В.Осин, Н.Пустыльников, А.Райков, В.Солончев, В.Телешов, В.Успенский, Н.Фицак, Н.Щербаков.

Второй тур

До последней шашки

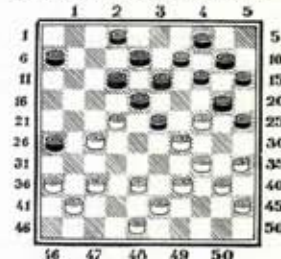
Практически во всех видах спорта борьба ведется до конца. Все мы не раз были свидетелями того, как мяч или шайба забивались на последних секундах. Так и в шашках. Многим кажется, что когда мало шашек на доске, то не может быть комбинации. Это заблуждение. Пока на доске остаются шашки, остаются и возможности для проведения комбинаций.

Ф.Хермелинк (Голландия)
1. 32—28! 23:43. Если 1. ... 23:21, то 2. 31:4, и черной дамке некуда бить. После 1. ... 49:21 выигрывает 2. 31:4.
2. 45—40! 35:44 3. 31—48!! Если теперь сыграть шашкой 9, то следует 48:26, и черная дамка гибнет. После 3. ... 12—18 белые бьют 4.

48:50, и опять черная дамка уничтожается.
3. ... 44—50! 4. 48:26! 49:21 5. 26:17 50:11 6. 16:7x.

Для заданий второго тура предлагаем две работы голландского проблемиста Ф.Хермелинка.

В обеих позициях ход белых. Читателям предлагается сделать анализ и оценить эти позиции: выигрыш, ничья или проигрыш белых (по 5 баллов).

Ответы на задания второго тура присылайте не позже 15 марта с пометкой: «4-я шашечная олимпиада. 2-й тур, «100». Каждое задание — на отдельной открытке.

Николай ЛЕОНОВ
ПОВЕСТЬ

НА ОБОИХ ПОБЕДАХ

В прихожей послышались тяжелые шаги, донесся голос Серова:

— Послушай, прокуратура, люди могли бы дать нам и передохнуть.

Следователь ответил что-то невнятное.

— Лозянко? В двадцать один час он в аэропорту с Пашей цапался!— Серов говорил неприлично громко. Профессия профессией, а под ногами труп лежит, понятия сидят, может, любили его? Ну, не любили, так сосед—человек всегда не посторонний, подумал Гуров.

— Гуров где? Иль не соизволил?— продолжал Серов все так же на высокой ноте.

Он вошел в кухню, пахло паленым, лицо подполковника блесло от пота, на щеке черные полосы. Видно, он вытер лицо рукой, которая была в саже.

— Сидите?— Он мотнул головой, словно хотел забодать. Глянул из-под набрякших век, Гуров увидел голубые растерянные глаза и отвернулся.— Понимаете, он квартиру не мог поделить. Жена на размен не соглашалась. Так он хлебнул основательно и поджег. Керосинчиком побрызгать успел...— Голос у Серова вдруг пропал, он продолжал спотыкаящимся шепотом:— Ты, майор, видел, как труп из огня выносят?.. На брезенте такое маленькое лежит! Чтоб вас всех!

Серов ушел в ванную. Эксперт скользнул к входной двери, начал вывинчивать замок.

В два часа ночи Гуров с Серовым шли по улице. «Волга» обгоняла их, останавливалась, ждала и снова обгоняла.

Серов умылся, бешенство пропало, говорил он тускло, с трудом подыскивая простые слова:

— Ты понимаешь, майор, парень этот, убитый, он из спорта. Не велика фигура, но связан... Главное, там Паша рядом...— Он взглянул на Гурова.— Ты знаешь, кто такой Павел Астахов?

— Спортсмен.

— Это ты спортсмен и миллионы других. А Паша...— Серов посмотрел на Гурова с сожалением и продолжал:— Ты, конечно, вправе улететь. Но бандиты, которых мы наемными взяли, для меня майский ветерок по сравнению с той бурей, которая подымется в городе, ежели мы в этом деле Пашу тронем. А ты человек сторонний, опять же из Москвы.

Серов уже обрел форму, входил в роль, Гуров почувствовал его быстрый взгляд и тут же очнулся, приготовившись к обороне.

— Мы тебя в гостинице в люкс переселим, майор, на несколько дней,— продолжал гнуть свое Серов.— Я тебе лучших людей дам, пусть они у тебя поучатся...

Гуров отключился, заставил себя все это не слышать, улететь мысленно в Москву. Слышать-то он не слышал, а с мыслями совладать не мог.

«Почутся...» Ты змей. Из породы русских простаков. Умница. Понимаешь, что я твои детские уловки насквозь вижу. Ложка у тебя простая, однако надеж-

ная, как оглобля. От поклонов голова не отвалится. Мол, ты мне не веришь и не верь. А я говорю и говорю. А ты слушаешь и слушаешь. А в результате все слопаш.

Гуров начинал злиться. И на себя—за то, что не может проявить характер, сказать мужские слова и улететь, и на подполковника, который говорит и говорит.

Гуров вспомнил неживое лицо Лозянко, черное пятно вокруг головы. Как же так? В двадцать один час человек, здоровый и жизнерадостный, находится за чертой Города, а в двадцать два с минутами лежит в собственной квартире и мертво смотрит в потолок.

Черта с два, это не моя работа, твердо решил Гуров, усаживаясь рядом с Серовым в машину.

— В «Центральную»,— сказал Серов.— Так что ты решил?

— Выспаться,— ответил Гуров.

Серов прикинул время до рейса на Москву: до выезда в аэропорт три часа, о том, чтобы выспаться, не может быть и речи.

— Ну, спасибо!— Серов завладел рукой Гурова и крепко пожал.— Отдай билетик на самолет.

Гуров безвольно отдал билет, прикрыл глаза.

— Доложу начальству, оно согласует. И чего я москвичей не любил? Вы вполне нормальные люди. А ты, Гуров...

«Вполне нормальный человек» не слышал, он уже не хотел в Москву, ничего не хотел, лишь бы остаться одному и выспаться.

Гуров добрался до своего номера без приключений, и никто его не беспокоил, пока он не поднялся сам. Свежий, полный энергии и несколько удивленный, он распаковал чемодан и отправился бриться.

Подполковник Серов, справившись с Гуровым, не лег, а даже прибавил оборотов. Он поднял оперативный состав отдела и отделений, подключил участковых инспекторов.

Надо было успеть обойти сотни квартир, поговорить с людьми до их ухода на работу. Улица, на которой до двадцати двух часов вчерашнего дня жил Лозянко, не маленькая, на нее выходило три переулка. Необходимо найти людей, которые проходили мимо этого дома около двадцати двух часов. Вероятно, в Антарктиде можно убить и остаться незамеченным. В Городе какие-то свидетели всегда есть, и их необходимо найти.

Серов поднимал людей, большинство из которых еще не отоспались за прошлое. Он вернул экспертов НТО к дому Лозянко. Не стояла ли вечером у подъезда машина, не имеются ли следы протекторов? Это надо было сделать немедленно, пока по улице не пошел транспорт. К счастью, милицмейские машины останавливались на противоположной стороне.

Решение подполковника о повторном выезде экспертов впоследствии оказалось чуть ли не решающим.

Гуров вошел в отведенный ему кабинет около часу дня и сел за стол, заваленный справками, рапортами и объяснениями. Даже не читая, прикинув количество «бумаги», он понял, какую работу провернули его коллеги, пока старший оперуполномоченный МУРа изволил отсыпаться. Это их Город, попытается оправдать Гуров, и взглянул строго на сидевшего напротив сонного Боря Ткаченко. На диване, дружины которого бугрили потертый дерматины, расположились еще двое, прирепленные к Гурову. Куприн и Антонов включились в работу ночью и выглядели посвежее.

Молчали. Антонов и Куприн курили, Ткаченко рас-

пахнул форточку пошире. Гуров, оттягивая начало разговора, начал укладывать все бумаги в ровную стопочку, затем вложил в папку, на которой написал: «Лозянко. Разное». Папка получилась толстой. Гуров очень не любил бытующее в милиции выражение: «работа по горячему следу». Он эти первые сутки никак не называл. Просто он знал, что в первые сутки множество брошенных в атаку людей «пашут» не за страх, а за совесть. Причиной тому—немало факторов. И человеческий гнев, стремление к возмездию, и подъем, который сопутствует началу нового дела, и желание отличиться. Если сравнить с золотоискателями, то в первые сутки ищут слитки на поверхности. Главный свидетель может стоять за углом и обнимать девушку или гулять с собакой. Его только надо найти, повернуть ключ зажигания, проскочит искра, мотор взрвет, и машина неудержимо покатится. Если же первый бросок существенного не дал, начинается отлив, людская волна откатывается. И это правильно, ведь жизнь не остановилась, не застыла, она движется, участковые и сотрудники уголовного розыска района должны вернуться к своим повседневным делам. Помогать они, конечно, будут, отдельные поручения выполнять, но коренным образом впрячься обязан он, старший группы Гуров. И зачем я согласился, в очередной раз подумал Гуров. Теперь уже поздно. Думай, думай... Розыскное дело—не станок, за него нельзя поставить другого токаря...

— Подите, Боря, умойтесь,— сказал Гуров и вышел из-за стола.

Боря послушно отправился в туалет.

— Мне к пятнадцати в изолятор,— сказал Куприн.

Гуров кивнул и перевел взгляд на Антонова.

— В семнадцать со следователем на обыск!— Антонов энергично взмахнул рукой.— Ножевой удар.

— Идите.— Гуров взглянул на часы.— Вы большие и умные, я вам слов говорить не буду.

Он пожал им руки, не рассердился, увидев облегчение на их лицах, выпроводил за дверь, подошел к столу, вытряхнул пепельницу.

Вернулся Боря, мокрые волосы его казались лакированными. Увидев, что товарищей отпустили, довольнo улыбнулся.

— Чудак вы, коллега,— сказал Гуров.— Нас стало в два раза меньше, а вы радуетесь!

— Воюют не количеством, Лев Иванович!

Конечно, можно было сказать и о Борине умении, но Гуров промолчал, так как еще не забыл, как сам обижался на подобные реплики.

Инспектор Борис Ткаченко закончил юрфак, работал в розыске второй год, опыт имел соответствующий стажу, был абсолютно убежден, что начальник его, прибывший из самой Москвы Лев Иванович Гуров,—личность неординарная, хотя возраст уже накладывает отпечаток консерватизма.

Боря сел за стол напротив, Гуров разделил уложенные в папку рапорты и справки на две части, и они начали перечитывать собранную их товарищами информацию. Работали молча, делая на отдельных листочках пометки, закончив, поменялись папками.

Гуров отложил ручку первым, взял со стола пачку «Уинстона», которую изъяли из квартиры убитого. Пачка сигарет уже побывала у экспертов, наука выжала из нее максимум: имелся годный к идентификации отпечаток второго пальца правой руки. Все.

Когда Ткаченко смотрел на эти сигареты, взгляд его становился меланхоличным и загадочным. Он считал, что в руках профессионала пачка «Уинстона» способна привести убийцу в кабинет. Вообще «старик», даже шеф, так Боря стал называть Гурова, небрежно относятся к мелким деталям. Они, асы, заклинились на поисках свидетелей, очевидцев, словно систему доказательств нельзя собрать по крупицам истины, разбросанным там и тут. Бегай слюня голову, о них не спотыкаешься, их способен разглядеть человек зоркий и умеющий фантазировать.

Гуров понюхал сигареты, вытащил одну и закурил. Боря осуждающе хмыкнул. Гуров иногда курил, что в глазах подчиненного принижало шефа, делало его фигуру более зурядной. У Гурова на эту пачку существовала своя точка зрения, он умышленно небрежно бросил «Уинстон» на стол и сказал:

— Коротко, но подробно изложите свое резюме, так сказать, подведите итоги.

Лева чувствовал себя отвратительно, так как версия, которую приберег, вызвала большие сомнения. Он воспользовался своим правом начальника. Слушать и критиковать всегда легче, чем анализировать и говорить.

— При расследовании убийства главное—определить мотив...

— Молодец, спасибо.

Боря взглянул обиженно и замолчал. Гуров хотел извиниться, но тоже молчал. Прошло минуты две. Лева поглядывал безразлично, вспоминая себя в аналогичной ситуации, когда мысли разбегаются, четкие фразы не строятся и на кончике языка вертятся общеизвестные, безликие штампы. Главное, что он тоже ничего стоящего сказать не мог.

— Мотив убийства не установлен.
— Убийство произошло двадцатого июля в период с... Ну-ну, давайте, Боря,— помог молодому сыщику Гуров.

— С двадцати одного часа тридцати,— продолжал Ткаченко.— до двадцати двух тридцати. Смерть наступила в результате перелома основания черепа. Удар был нанесен сзади, возможно, бутылкой. Видимых следов борьбы нет, есть основания предполагать, что убийца и убитый были знакомы.

— Молодец,— искренне похвалил Гуров. Ему нравилось, что Боря ничего не утверждает.— Теперь о Лозянко.

— Лозянко Игорь Семенович, двадцати пяти лет, образование высшее, член ВЛКСМ, работал тренером по легкой атлетике в спортшколе. Холост. Проживал в однокомнатной квартире. Судя по обстановке и одежде, обнаруженной в квартире, жил достаточно скромно. Подозревать Лозянко в спекуляции либо в валютных делах оснований нет. С соседями жил дружно, хотя порой мешал им вечерами громкой музыкой. У Лозянко часто собиралась молодежь, танцевали. Спиртные напитки употреблял умеренно. По дому Лозянко характеризуется как человек общительный, услужливый, незлобивый. Часто брал займы, но и сам охотно одалживал деньги, суммы незначительны.

— О быте достаточно. Работа,— сказал Гуров.
— Тренер он был никакой — ни хороший, ни плохой. Ребята его любили, но держались с ним панибратски. Авторитетом среди спортсменов Лозянко не пользовался. Имел успех у женщин, причем как у молодых, так и у среднего возраста. В связях был неразборчив и непостоянен. За рубеж не выезжал.— Боря помолчал, добавил:— Думаю, завистлив не был, никакими комплексами не страдал, жил человек в свое удовольствие. Есть один нюанс, о котором многие знают, но умалчивают...

— И мы пока его взаимоотношения с Ниной Маевской и Павлом Астаховым трогать не будем,— перебил Гуров.— Результаты осмотра и о свидетелях...

— Телефонный аппарат, дверные ручки, электровыключатели тщательно вытерты. На кухне обнаружена одна чисто вымытая бутылка темного стекла, ноль восемь, есть основания предполагать...

— Рано, не разбрасывайтесь,— остановил Гуров.

— Тогда по квартире все. На лестнице никто из жильцов дома никого постороннего в интересующий нас период не видел. Улица. У подъезда дома на проезжей части обнаружен годный для идентификации отпечаток протектора заднего левого колеса «Волги». Опрошены два свидетеля, которые видели стоявшее у дома такси. Водителя за рулем вроде бы не было, возможно, он прилегал на сиденье. Вечер, человек устал.— Ткаченко взглянул вопросительно.

— Вполне возможно,— согласился Гуров.

— Никто из проживающих в подъезде на такси вчера не приезжал.

— Говорит, что не приезжал,— поправил Гуров.

— Я уж и так стараюсь, как вы любите, поменьше утверждать...

— Так это вы для меня стараетесь? — рассмеялся Гуров.— А я-то решил, что вы просто решительно поумнели.

— Ну уж с такси-то! — вспыхнул Боря.— Приехал человек на такси и приехал! Зачем ему врать? Глупость!

Гуров смотрел на молодого парня, вспоминал себя в таком возрасте. Все повторяется. И почему человек учится только на собственных ошибках? Почему бы не поучиться на чужих? И быстрее, и не так болезненно. Гуров решил воздержаться от поучений, не «туркать» парня.

— Опрошены жильцы не только одного подъезда, но и проживающие в соседних домах, в домах напротив. Такси приезжало к Лозянко.

— Вопрос.— Гуров выдержал небольшую паузу.— Возможно, человека, приехавшего на такси, опрашивали в присутствии его жены, отца или матери. Тогда как?

— Не понял.— Боря развел руками.

— Семья живет небогато, человек устал. Он признается, что приехал на такси? Отвечайте.

— Вы правы.— Боря смотрел не обиженно, а восхищенно.

— За самонадеянность я вас накажу,— сказал Гуров.— Позже. Пока выкладываете свои выводы.— Он тронул лачку «Уинстона».— Итак, мотив неизвестен. Что можно предположить о личности убийцы?

— Мужчина. В квартире находился три — пять минут. С Лозянко был знаком...

— Прошу, Боря, продолжайте меня уважать,— перебил Гуров.— Либо оговорите: мол, высказываю личное мнение,— либо употребляйте слово «возможно».

— Лев Иванович,— взмолился Боря,— обращайтесь ко мне на «ты».

— Хорошо, Боря, работай,— кивнул Гуров.

Ткаченко вышел из-за стола. Начал рассказывать по кабинету. Гуров вспомнил себя в кабинете генерала и рассмеялся.

— Человека убили, а вы смеетесь! — Боря запнулся.— Извините. Значит, «возможно» и «видимо». Убийца — человек физически сильный, жестокий и хладнокровный. Имеется одна-единственная чисто вымытая бутылка. Экспертиза установила, что в стоящих на столе стаканах — остатки портвейна именно марки, указанной на этикетке чисто вымытой бутылки. Она черного толстого стекла, тяжелая, вполне могла быть орудием убийства. Ударили бутылкой, которая стояла на столе. Если это так, то убийство спонтанное, без заранее обдуманного намерения. Так?

— Возможно. Однако вряд ли.

— Почему?

— Потому.

— Извините, товарищ майор, «потому» — аргумент женский.— Ткаченко сел за стол и всем своим видом показал, что готов выслушать и мужские аргументы.

— Приказываю! — Гуров подождал, пока Боря догадается встать.— Вы отправляетесь домой, плотно обедаете, выпьете горячего молока и валерьянки. Последнее обязательно. Вы ложитесь спать и являетесь сюда к девяти утра.— Гуров взглянул на часы.— Я обещаю тебя наказать.

— Наказывайте,— безразлично ответил Боря. Запал кончился, им овладели вялость и безразличие.

— Завтра, лейтенант, ты начнешь искать в Городе человека, который курит сигареты «Уинстон». Не югославского, не финского производства, а «Мейд ин ЮСА». Такими сигаретами у вас не торговали. Посольств в Городе нет. Я хочу знать, как «Уинстон» попал в Город. Ты свободен.

— Хорошо.— Боря кивнул и вышел.

Известно: чем человек опытнее, тем больше при решении проблемы у него вопросов и меньше ответов. Когда у Гурова вопросов хватало, он начинал их записывать, а уж позже и систематизировать. Накапливать и накапливать информацию и удерживать себя от анализа и выводов. Процесс очень сложный, человеку свойственно, задавая вопрос, тут же искать на него ответ. Тут подстерегает опасность, легко создать ложную версию, оказаться у нее в плену и топтаться в неизвестном направлении неопределенное количество времени. За время работы в розыске Гуров столько раз плутал в лесу собственных предположений, столько набирал лжебелых, что сегодня, прежде чем сделать малюсенький шагоч, бросить в корзинку гриб-фактик, долго-долго сидел на пенечке и размышлял.

— Почему, за что убили Игоря Лозянко? Готовили убийство либо оно действительно спонтанное? Чем ударили? Бутылкой? И убийство спонтанное? Ошибка еще не слишком опытного Бори. Убийца мог принести оружие, а ударить бутылкой. Почему пальцевые отпечатки затерты, а сигареты оставлены? Кому принадлежала пачка «Уинстона»? Почему не могут найти такси? Таксист связан с убийством? Тогда почему он оставил машину прямо у подъезда, а не в двух кварталах либо в переулке? Может, такси плохо ищут? А был ли мальчик? Или такси — плод фантазии? Два человека видели такси. И что? Такси не факт. Стоп. Назад. Встретиться с врачом, спросить: в момент удара Лозянко стоял прямо? Или он, возможно, нагнулся? Зачем он нагнулся? Почему протерты все дверные ручки? Сколько в квартире ручек? Дверь входная, в комнату, на кухню, в туалет. Восемь ручек. Почему протерли все? Выключателей четыре. Почему протерли все?

Гуров снял телефонную трубку, позвонил в НТО.

— Профессор? — спросил Гуров, услышав голос эксперта.— Говорит надоедливый Гуров. Ты отоспался? Тогда скажи, как спускается вода в туалете Лозянко? Я не псих. Поясняю вопрос. Там цепочка, металлический стержень или есть что-то пластмассовое? Я убежден, что ты не новичок. Значит, все протерто? Спасибо и извини. Ты профессионал, подскажи мне, почему ручка в туалете тщательно вытерта, а стаканы на столе оставлены захватанными?

4. Когда Игорь Лозянко был еще жив

«Жигули», в которых возвращались из аэропорта в Город Анатолий Петрович Кепко, Олег Борисович Краев, Нина Маевская и Игорь Лозянко, еле тащились вдоль обочины, пропуская все, что, имея колеса, двигалось по шоссе в сторону Города. Пешеходов, идущих вдоль шоссе, сидевший за рулем Краев все-таки обогнал.

Пронеслась мимо милицейская «Волга», шмыгнули «Жигули» с Усольцевым и компанией, обогнал и Астахов. Недоуменно сигналил, обогнул Краева тяжелый автобус. Грузовик с прицепом какое-то время тащился следом, не выдержав, сердито вспыхнул подслеповатыми фарами, старчески кашляя и вихляя длинным, тяжело груженным прицепом, обогнал «Жигули» и заторопился по своим рабочим делам.

Кепко посмотрел на друга с любопытством, но без особого удивления, погладил ладошкой коротко стриженную лысеющую голову и стал смотреть в окно на

проползавший мимо пейзаж. Кепко знал своего друга и неприятеля. Чем сильнее Краев злился, тем медленнее становились его речи и движения. А сейчас заслуженный Олег Борисович находился в бешенстве. Сидевших сзади Нину Маевскую и Игоря Лозянко Анатолий Петрович не жалел, но и позавидовать им не мог. Он вновь взглянул на друга. Олечка кипит, сейчас пар начнет выходить. Опасаясь, что и его ошпарит, Анатолий Петрович отодвинулся вправо, прижался виском к стеклу.

Нина Маевская, как всякая ценящая свою внешность женщина, температуру атмосферы не ощущала. Замкнутая на себя, Нина и занималась собой. Эту желтую блузку надо продать. Конечно, желтый цвет брюнеткам к лицу, но слишком ярко. Могут подумать, что Нина Маевская боится остаться незамеченной. Светло-серые тона, стальные, вот ее стиль. И волосы оттеняет, и к глазам подходит. С Павлом пора кончать и выходить за него замуж. Ну и свадьбу они отгрохают! И сразу в Москву. Нина Астахова. Звучит? Только она сразу превратится в жену Павла Астахова. Мужики подожмут хвосты и отвернутся. И в Москве затеряться можно, там одних кинозвезд табуны бродят. Здесь, в Городе, ее знают. А толку? Любви хочется. Не чужой, своей любви, о которой столько написано, о которой шепчутся подруги. Нина подходит, и они замолкают, полагая, что ей неинтересно, она знает о любви все. Ничего она не знает, чужая любовь надоела, себя любить тоже скучно, однообразно, хочется поделиться. А с кем? Одни смотрят, вздыхают, тоска непролазная. Иные, улучив момент, гипнотизируют, изображают удавов, руки у них дрожат, пальцы холодные, жесткие, пуговицу расстегнуть не в состоянии. Один Паша и есть, себе цену знает и ей тоже, только серьезен слишком. Живешь и живи, радуйся. Молодости, силе, славе. Лети, лови мгновения. Пашу все на глубину тянет, там одиноко, мысли разные появляются. Неспокойно на глубине, мрачно. Молодость — то одна, другой не выдадут. Паша словно на века планирует, обреченный он. Хуже отца. Одна лишь разница, отец все о том, как он в молодости... Другие мужики в его возрасте любовниц имеют двадцатилетних. А он войну помнит, хоть сопляком в те годы был; точно дед, бунит: «Хлеб не бросай», «Голода не знала». Отец о прошлом, Паша о будущем: вперед, там, за виражом, еще немного... Надо решить, приналежь, счастье в борьбе, результат, победа, все прошедшее неинтересно. Нине прошлое неинтересно, и будущее не манит. Есть сегодня, сейчас, минута, которая никогда не повторится.

Игорек руку ей на бедро положил, будто по рассеянности. Пóшло. Но рука его в сей момент существует, она реальна, лежит себе, не из прошлого тянется и в никуда не тащит. Пустой он парень, Игорек Лозянко, однако по земле ходит, с ним легко и понятно. Он ничего не скрывает, не манит, не обещает. Для него разговоры о шмотках не оскорбительны, он отличает шейк от твиста, не говорит о войне, о солнечном завтра. Конечно, Нина на близость с ним не пойдет, она не идиотка, будет держать рядом. А что завтра? Так сначала пусть этот вечер кончится и ночь пройдет, а утро подскажет; оно, как известно, мудренее.

Игорь чуть сжал Нине бедро и, опережая реакцию, руку убрал, посмотрел девушке в глаза открыто, приглашая заключить союз, ни ее, ни его ни к чему не обязывающий.

Нина загадочно улыбнулась. Хороша стерва, подумал Игорь, но уж хитра больно, расчетлива. И не пьет совсем, не раз проверено, в рот спиртного ни капли не берет. Это совсем плохо. Когда Игорю Лозянко говорили о женщине, что она неприступна, он всегда спрашивал: спиртное употребляет? Если да, то неприступность — вопрос времени и умения. Нинка не пьет, стерва.

Игорь нагнулся к девушке, зашептал: — Заскочим ко мне, новый диск имею. Потрясающий!

— Какой?

— Заскочим, услышишь.— Лозянко хотел было добавить: мол, главное — зайти. А там услышишь и увидишь.

Хотя Игорь ничего не сказал, Нина все поняла отлично.

Сопляк, подумала она. Я зайду, но ты будешь как шелковый.

Краев наблюдал за Ниной в зеркало и не заметил, что инспектор ГАИ махнул ему жестом, приказывая остановиться. Машина катилась к Городу. Ее догнала трель милицейского свистка. Краев не реагировал.

Кепко взглянул на друга удивленно.

— Будем уходить?

— Что? — не понял Краев.

Машина ГАИ молниеносным броском обогнала их, остановилась впереди; чуть развернулась, перекрывая дорогу. Краев остановил «Жигули», приспустил стекло. Капитан милиции, примерно ровесник Краева, тяжело выbralся из машины и, поигрывая жезлом, подошел.

— Инспектор второго ГАИ капитан Жиглов, — представился он.— Почему не останавливаетесь?

Краев ничего не ответил, даже не взглянул, протянул в окно документы. Инспектор тщательно проверил их, сличил фотографию на правах с оригиналом, взглянул на номер машины, нагнулся к Краеву, спросил:

— Как вы себя чувствуете, Олег Борисович? — Инспектор потянул носом воздух.

— Спасибо, отвратительно. — Краев протянул руку за документами.

Инспектор отстранил его руку, приглядываясь, стараясь определить, трезв водитель или нет.

— Кончайте, инспектор, я за рулем не пью! — резко сказал Краев.

— За рулем никто не пьет. — Инспектор не сводил с Краева испуганного взгляда. — Пьют за столом.

— Если вы пьете, то лучше закусывайте. — повысил голос Краев. — В чем дело?

— Нарушаете. — Инспектор явно не мог разобраться в ситуации.

— Что я нарушил? Что?

— На трассе скорость семьдесят, а вы едете сорок. Только инспектор договорил, как мимо них, явно превышая скорость, пролетели «Жигули».

— Совсем ошалели от безделья? — Краев почти кричал. — Разуйте глаза! — Он кивнул вслед улетающей машине.

— А вы меня не учите. — Инспектор начал убирать документы Краева в карман.

Кепко выскочил на шоссе, обжег машину, взял инспектора за руку, отвел в сторону.

— Послушайте, капитан, — быстро заговорил он. — У человека неприятности. Ну, ехал тихо, видите, он не в себе.

— Так сидел бы дома, — буркнул инспектор. Чувствуя свою неправоту, он искал выход из создавшегося положения.

Кепко ему помог.

— Он тренер Паши Астахова. Они поссорились. Инспектор взглянул на Краева заинтересованно, как смотрят на киноактера.

— Тренер Астахова... — Он протянул документы Кепко, козырнул. — Передайте, чтобы не ссорились. — И пошел к своей машине.

— Миротворец! — рявкнул Краев, забирая у Кепко документы. — Из-за таких, как ты, вокруг разгуливают наглецы и хамы. — Он рванул с места, и через минуту стрелка спидометра завалилась за отметку сто километров.

Краева вывела из себя не ссора Астахова с Лозянко, свидетелем которой он стал возле аэровокзала. Тренера бесила эта девочка, которая мешала жить Павлу, а значит, и ему, Краеву. Дура! Кукла! Кандидат в мастера, это ее потолок. Сверкает на стадионе стройными ногами, тренируется в охотку, косметику не размазывает. К Павлу вроде бы и не притереться, работает. Но Краев видит: парень все время вздернутый, нет гармонии. Мысли нет, чувства, по дорожке тянется, словно больной. И это сейчас, когда главные старты на носу! Забегали к звездам, теперь у нас все старты главные. Для Астахова второй — значит, последний. И из-за чего?

Краев резко остановил машину: всех бросило вперед.

— Спокойной ночи, Игорь, — сказал Краев.

— Спасибо, Олег Борисович. — Игорь начал вылезать из машины, взяв Нину за руку. — До свидания, Анатолий Петрович.

Краев обернулся.

— Мы Нину доведем.

Маевская подмигнула Игорю, показала пальцем, как крутят телефонный диск.

— Мы погуляем еще, — сопротивлялся Лозянко. Но Кепко перенулся с переднего сиденья, захлопнул дверцу, машина тронулась.

Опережая друга, Кепко мягко сказал:

— Я тебя понимаю, Нина, сердцу не прикажешь. Так и скажи Паше. А душу ему не мотай. Он этого не заслужил.

— Ну, это мое дело, личное!

Краев вновь резко остановил машину.

— Я тебе покажу личное! Павел Астахов не только тебе, он себе не принадлежит! Ясно? И чтоб завтра на тренировке вовремя была!

— А можно я вообще не приду?

— Обяжешь! Я тебе за каждую пропущенную тренировку приплачивать буду!

Через несколько минут Нина Маевская вышла из машины у своего дома, хлопнула дверцей, не попросилась.

— Олег, тебе не кажется...

— Ты еще! Слюняй!

— Нехорошо, Олег. Стыдно! — Кепко вздохнул. — Пойдем ко мне, я тебя накормлю.

Игорь Лозянко шел по улице, пребывая в сомнениях. Позвонить Нинке, не позвонить? Может, она сама позвонит? Он остановился у стеклянных дверей ресторана. Дома, кроме липкого портвейна, ничего. Заскочить сюда, снять напряжение? Нет, домой. Девка норовистая, из упрямства прийти может. Он взглянул на часы: половина десятого.

Человеку не дано заглянуть ни в завтра, ни на двадцать пять минут вперед.

Вера Темина в квартире Астахова включила проигрыватель и перебирала пластинки.

— А где мой Окуджав?

Астахов выглянул из кухни, спросил:

— Ужинать будем здесь или на кухне?

— На кухне. — Вера достала из шкафа тарелки, прошла на кухню.

Астахов снял с плиты ячницу, налил кофе, положил в Верину чашку одну ложечку сахара, себе три.

— Почему мы всем и все время должны? — спросил, нарезая хлеб. — Родителям должны... Школе... Спортбюро... Институту... Тренеру... Друзьям. Я в долгу, как в шелку. И все время в цейтноте.

Вера любила Астахова. И, несмотря на то, что была моложе, в чувстве ее было больше материнского. Она пыталась защитить этого большого, очень сильного, но слишком открытого человека. Странно, но она не ревновала его к Маевской, считая его увлечение детской болезнью, неопасной, как корь. Большинство детей болеют корью, это чуть ли не обязательная болезнь. Маевская казалась Вере такой ничтожно маленькой, она не верила, что Павел с его умом и масштабами способен надолго ею увлечься, потерять зрение. Она не знала ни жизни, ни мужчин, не понимала своей необъективности в оценке соперницы. Вера наблюдала за их романом без страха, убежденная: не сегодня-завтра Павел увидит — король голый. Она наивно полагала, что в жизни не может быть такой вопиющей несправедливости. Вера лишь болезненно воспринимала унижения, которые терпел Астахов на глазах всего Города. Она все хотела ему сказать об этом, но боялась, что Павел воспримет ее слова как ревность и не более.

— Скажи, Паша, почему у тебя в квартире нет ни одного кубка, не висит ни одной медали? — спросила она, отлично зная, почему все награды Астахова не выставлены напоказ.

— Я бегу по дорожке. — сказал Астахов. — Быстро бегу, это понятно...

— Ты не выставляешь своих наград, потому что ты гордый, — перебила Вера. — Так будь гордым!

Когда маленькие дети собираются вместе во дворе у песочницы или в квартире, они разговаривают каждый о своем, двигаются, натыкаясь друг на друга, каждый из них существует в своем мире. Вера и Павел, казалось бы, вышли из этого возраста, однако каждый говорил свое, так как разговаривал сам с собой.

— Но в жизни я бегу еще быстрее, — сказал Астахов. — И я должен, должен, должен. Я уже давно не живу, встаю в шесть утра, и все мои поступки предопределены. Я не разговариваю с людьми так, как мне хотелось бы, не живу, играю роль, навязанную мне извне, чужой волей. Я давно уже не ем, я питаюсь. Машину не сприваю, чего она хочет. В нее заливают масло и бензин определенного сорта и в строго отмеренном количестве.

— Павел Астахов! — Вера вскрикнула. — Будь гордым! — И ушла в гостиную.

— Чего? — Астахов словно очнулся, пошел следом за девушкой. — Я? Равно не может быть гордым. Гордым может быть только свободный человек. Ты мой друг. Но ты требуешь, чтобы я жил не как хочется мне, а как ты считаешь для меня правильным. И ты требуешь. Я и тебе должен. Верно?

Вера увидела в его глазах тоску и беззащитность.

— Мне ты ничего не должен.

— Лжешь.

— Ты должен Павлу Астахову.

— Что именно я должен Павлу Астахову, определяешь ты, Вера Темина. Какие вы все эгоисты! Все кончено. Раб восстал. Я уеду из Города. В Москве Павел Астахов перестанет быть чужой собственностью, затеряется среди тысяч таких же, как он. Даже маленькая звездочка торчит на небе, притягивает к себе взгляд, когда она на пасмурном небе одна. Над Москвой небо от звезд дырявое, таких Пашек над столицей не счесть. Вы, конечно, скажете, что я дезертир...

Астахова перебил телефонный звонок. Павел вернулся на кухню, где был аппарат.

Неужели Нинка, подумала Вера и сняла трубку параллельного телефона. Девушка молча слушала, еле сдерживая себя, чтобы не вмешаться, затем осторожно, но быстро положила трубку, включила проигрыватель и повернулась к двери спиной.

Павел вернулся в гостиную, рассеянно взглянул, повел рукой по лицу, словно снимая прилипшую паутину, тихо сказал:

— Ты побудь тут... Я сейчас... Ты не уходи.

Вера ничего не ответила. Астахов неторопливо надел пиджак, медленно вышел из квартиры, мягко прикрыл за собой дверь и сказал:

— Я убью его, — произнес без всякого выражения, как, выходя из дома, говорят: «Я пошел за хлебом».

В отличие от квартиры Астахова квартира его первого тренера Анатолия Петровича Кепко напоми-

нала музей. Стены были завешаны фотографиями, большими и маленькими, свежими, блестящими и тусклыми, пожелтевшими. Многие чемпионы легкой атлетики хорошо знали Анатолия Петровича, на большинстве фотографий были дарственные надписи. Старый тренер не страдал тщеславием, он работал с ребятами и старался воспитать в них любовь и уважение к бывшим чемпионам, считая, что в сегодняшнем мастере и рекордсмене всегда есть труд и пот его спортивных предков.

Краев и Кепко ужинали, точнее сказать, хозяин кормил гостя, на аппетит которого не могли повлиять ни спортивные или семейные неприятности, ни время суток. Краев был эдок. А хозяин умел и любил готовить, сам только перехватывал куски у плиты, поджаренный фартуком, подавая на стол, усаживался напротив и с удовольствием наблюдал за другом, природным метателем. Когда-то Краев метал на стадионе тяжелый снаряд, устанавливал рекорды, сегодня за столом не имел себе равных. Ему совершенно не мешало, что хозяин сам не ест, только меняет ему тарелки, вовремя подвигает соусы. Каждый из них знал свою роль и хорошей игрой доставлял другому удовольствие.

— Таких терунков моя в жизни не приготовит, — сказал Краев, отставляя сверкающую чистотой тарелку. — Я у тебя отдыхаю душой.

Кепко колдовал над чайником, смешивал сорта, добавлял только ему известные травы. Краев сонно следил за ним, шумно попавшая мясистым носом, он уже приготовил огромную кружку.

— Вот я женатый, а чай приготовить некому. — Краев сладко чмокнул, заелозил по столу кружкой.

Кепко накрыл двухлитровый чайник полотенцем, взглянул строго.

— Терпи. Чай к себе уважения требует, он суеты не понимает.

За последние двадцать лет в их диалогах изменилось максимум с три фразы, но друзьям нравились роли, они исполняли их серьезно, вдохновенно.

Кепко так и не женился, наружностью он обладал незавидной, в молодости безнадежно влюблялся, а потом это дело бросил, объявив, что легкая атлетика для него — и жена, и семья и другого ничего не требуется. Очень трудная, неблагодарная работа — тренер в детской школе. Только искренняя любовь к детям способна спасти тренера от отчаяния. Сегодня человек мечтает бегать, завтра прыгать, играть на гитаре или разыскивать упавший метеорит. Юность постоянна в своем движении и стремлении и убеждена, что именно эта сиюминутная страсть и есть дело наиважнейшее. И тренеры отдают свой опыт, знания, силы, время — юность хватает все эгоистично, не оглядываясь, уходит. Некоторые, переболев чемпионством, бросают спорт, начинают относиться к нему усмешливо, как к делу, недостойному людей серьезных. Большинство занимается несколько лет, исчерпав отпущенные природой возможности, топчется некоторое время в своих результатах и уходит с дорожек на трибуны, с уважением глядя на более талантливых, а чаще просто более работоспособных сверстников. Никто не считал, из скольких тысяч начинающих спортсменов вырастает один чемпион. В легкой атлетике далеко не каждому тренеру встречается в жизни Чемпион. И что определяет эту встречу? Везение? Терпение? Талант?

У Кепко и Краева был Павел Астахов. Но у Кепко Пашка позанимался три года, а когда подросток и «пошли» результаты, он ушел к Краеву. Астахов начал свое победное шествие. Первенство области, России, призер на Союзе, попал в сборную страны. И Краев шел за своим учеником, стал выезжать за рубеж. Когда Астахов выиграл первенство Союза, все решило, что он переберется в Москву и на этом карьере тренера Краева закончится. Но Павел Астахов из Города не уезжал. На сборы тренер и ученик — вместе, на первенство — вместе, Павел поднимается на очередной пьедестал, тренер Краев получает очередное звание. Астахов был не только талантлив, он был явлением редчайшим, так как сочетал в себе психофизические данные, необходимые Чемпиону. И жил Краев за спиной Астахова как за каменной стеной, объездил полмира, обрел все звания.

Однажды Анатолий Петрович Кепко пришел на тренировку Астахова, посидел на скамеечке, секундомером не щелкал, вообще не имел такой привычки, работал на глазок. Явился старый тренер и на следующую тренировку, еще на одну, потом окинул взглядом дородную фигуру друга, и тот съехался.

— Ты, Краев, тренер не плохой, ты просто не тренер. Пусть Паша на полгодика возьмет академический отпуск и уберется из Города. Мальчику отдохнуть требуется.

Краев лишь рассмеялся.

— Какая муха тебя укусила? Через полгода Астахов перестанет быть моим учеником...

— Он и так не твой. Паша и не мой, — перебил Кепко, — Астахов сам по себе. Он влюбился, дело у него не складывается. Паша — натура цельная, значит, никаких половинок не приемлет.

Астахов никуда не уехал, роман его с Маевской стал достоянием Города.

С того разговора прошло несколько месяцев. Краев пил чай в квартире друга и не знал, что Толик Кепко звал его не для очередного кормления и чаепития, а для решающего разговора.

— Человек эгоистичен, и в этом ты, Краев, ничего нового в природе собой не представляешь.

— Чай у тебя сегодня не очень, — ответил Краев и хохотнул, призывая друга свернуть разговор к шутке.

— Ты слышал о последней капле, которая переполняет чашу?

— Твое терпение кончилось? — Краев еще цеплялся за соломинку. — Хорошо, завтра я пополню твои запасы чая. У меня есть несколько пачек «Липтона».

Случается, люди дружат долгие годы, и один видит другого насквозь, а друг даже себя самого видит только таким, каким ему хочется.

Кепко занимался с детьми более четверти века, посмотрелся разного, удивляться давно перестал, выработал в себе терпение необычайное.

— Мальчик на пределе, ему нужна помощь. Он гордый и помощь не принимает. Он тебя не примет.

— Что случилось? — Краев вспылил. — Девка эта? Так Астахов не Гамлет и не Ромео! Я все прекращу разом!

— Ничего ты не понимаешь и потому ничего прекратить не в силах! — Кепко редко повышал голос. — Па-ша устал, не в девчонке дело. Мальчик устал от тебя, от меня, от человеческого эгоизма, которому придали форму любви и закутали, облепили, лишили свободы и индивидуальности...

— Фрейдизм! — Краев почесал в затылке, не понимая, к чему он выпалил заумное слово.

Друзей прервал телефонный звонок. Кепко снял трубку.

— Добрый вечер. Здесь — Он протянул трубку Краеву. — Тебя.

— Ну? — сердито буркнул Краев.

— Олег Борисович, срочно приезжайте...

— Стоп! — перебил Краев. — Кто говорит?

— Темина... Вера Темина.

Кепко сказал неправду, его друг был тренером.

— Возьми себя в руки. Спокойно. — Краев выдержал паузу. — С самого начала. Говори.

Вера откашлялась, затем продолжала:

— Павлу Астахову позвонили... Неизвестный... Он сказал, что это... Нина... Маевская...

— Знаю. Продолжай. — Краев покосился на друга.

Кепко не принял сигнала тревоги, убрал на столе и что-то бормотал, видимо, продолжая спор.

— Она находится у Игоря Лозянко, и ее... Ну... С ней нехорошо... Я не могу повторить...

— Взрослые люди. Разберутся. — Краев умышленно не называл имен.

— Но Павел поехал... Я боюсь! — Вера положила трубку.

Слушая частые гудки, Краев сказал:

— Не волнуйся, завтра все обсудим. — Краев улыбнулся другу. — У тебя маленькие дети, у меня большие.

Если бы не начался тяжелый разговор и Краев не был бы вынужден защищаться, он бы рассказал Кепко о Лозянко и Астахове. От места, где сейчас тренеры находились, до квартиры Лозянко было значительно ближе, чем от Астахова. Тренеры могли опередить Павла. Но Краев представил себе, как вскинется Толя, как они понесутся по городу. Представил лицо Астахова, всю нелепость ситуации...

Астахов, стоя на коленях у тела Игоря Лозянко, пощупал ему пульс, расстегнул рубашку, попытался послушать сердце, поднялся, отбросил ногой пустую бутылку, взялся за телефон. Позволив в милицию, Павел осмотрел квартиру и неторопливо, методично начал уничтожать пальцевые отпечатки на дверных ручках, штепселях. Бутылку вымыл под краном, поставил среди пустой посуды, вытер руки носовым платком и ушел так же неторопливо.

Астахов не заметил, что дверь квартиры не захлопнулась, а, прикрывшись сначала, вновь приоткрылась.

5. Уголовный розыск

Совещание началось в одиннадцать вечера, подвели итоги работы за сутки, давали задание на утро. Кабинет подполковника Серова стола для совещаний не имел, присутствующие, человек двенадцать, сидели вдоль стен. Когда требовалось сделать запись, то подпирали блокнот коленкой.

Гуров сидел в уголке, прислонившись к прохладному шершавому боку зеленого сейфа.

Штатский костюм старил Бориса Петровича, делал еще проще, хотя казалось, что уж проще некуда. Припухшие веки, нос бульбочкой, бровки удивленно приподнятые. Гуров наблюдал за Серовым с симпатией и философствовал. На простой крючок, Гуров, тебя поймали, совсем на простой. По поведению присутствующих, по тому, как говорили, как слушали, было ясно, что подполковника все отлично понимают.

Гуров почти весь оперативный состав знал, но чувствовал себя неуютно, от него чего-то ждали, а это всегда неприятно.

— Жил человек скромно, — подводил итоги подполковник. — Версия, что убийство из-за денег, не подтверждается. Однако отказываться от нее не следует. Такси не можем найти. Плохо. Два человека видели у дома такси, а город наш не Москва. — Он взглянул на Гурова. — Либо плохо ищем, либо таксист причастен к преступлению. К шести утра в таксопарк.

Серов замолчал и посмотрел на Гурова вопросительно.

Гуров не собирался высказываться при всех, ждал, когда они останутся одни, но пауза и взгляд подполковника означали, что он ждет от гостя какого-то сообщения. Как он догадался, откуда? Лева очень хотелось промолчать, но тогда люди рано утром начнут работать, искать такси.

— Товарищ подполковник, мы обсудим этот вопрос позже, — тихо сказал Гуров. Он не хотел говорить так как поставил бы своих коллег в неловкое положение.

— Нет уж, Лев Иванович. — Серов подчеркнул обращение по имени-отчеству. — У нас секретов друг от друга нет и быть не может. Извольте.

Змей, подумал Гуров. Хочет, чтобы я и ребят его проучил, а сам он вроде в стороне, учится уму-разуму. Короче, надо говорить короче. Но без указующей фанатери.

— Есть серьезные основания полагать, что «Волга», стоявшая у дома Лозянко в момент убийства, была не такси.

Все взгляды уперлись в сотрудников, которые нашли свидетелей.

— Оба свидетеля ошибаются?

— Нам подсунули лжесвидетелей?

— Значительно хуже, — сказал Серов. — Наши товарищи...

— Борис Петрович, я вас не перебивал, — сказал Гуров, давая понять Серову: мол, вы ко мне по имени-отчеству, с уважением, так сказать. Тогда и уважать извольте.

— А ты их самолюбие не береги, — Серов усмехнулся. — У нас знаний и опыта не шибко, а самолюбия сколько хочешь, с избытком.

Атмосфера в кабинете разрядилась, кто-то хохотнул, кто-то сказал:

— Давай, Москва, бей с мыска.

— Ошибка объяснимая. — Гуров тоже улыбался. — Люди видят серую «Волгу». И спрашивающему и отвечающему хочется, чтобы машину нашли. Вот вам и такси. Однако ни зеленого огонька, ни опознавательных знаков такси ни один из свидетелей не видел. А по тому, как стояла машина, должны были видеть.

— А почему вы, Лев Иванович, решили перепроверить показания свидетелей? — вкрадчиво спросил Серов.

— Если таксист причастен, он не поставил бы машину у дверей. — Гуров понимал, что его используют в роли педагога, решил быстрее закончить. — Если таксист не причастен, то он бы сам объявился, как только мы начали его искать. Не Москва, таксопарк один, люди друг друга знают.

— Спасибо, Лев Иванович, — сказал Серов. — На завтра всем задания даны. Группе, работавшей по таксопарку, переключиться на ГАИ. Ищите хозяина светло-серой «Волги».

— Государственной или частной?

— Начните с частных. Все свободны.

Гуров никогда не думал, что десять мужчин могут выйти из кабинета так тихо. Сколько частных светло-серых «Волг» в Городе? Владелец одной из них был известен, и он ссорился с убитым за час до преступления. И мотив известен.

Никто никакого имени не назвал, вышли тихо, последний прикрыл за собой дверь.

— А ты, майор, не пыли. — Серов вышел из-за стола, одернул кургузый пиджачок. — Я не только отвечаю за профилактику и раскрытие преступлений, но и за воспитание орлов-сыщиков. Когда я их носом тыкаю — так вроде зарплату отработываю, когда ты — это и больше, и действеннее. Меня тоже такси насторожило. А когда ты таксомотор к двадцати одному часу вызвал и исчез, твой маневр понял. Ты утречком рапорт напиши, укажи, сколько твой следственный эксперимент стоил. Я с финчастью утрясу.

Подполковник довел Гурова до гостиницы.

— Тебя в люкс перевели, вещи перенесли. Отдыхай. — Серов вышел из машины, чтобы водитель последних слов не слышал. — В прокуратуру? Допросить? Откатать след протектора?

То, что и Серов имени подозреваемого не назвал, и смешило Гурова, и умиляло. Провинция, святая простота. Случись такое в Москве, конечно, никто бы не радовался, но и на цыпочках не ходил, и имя чемпиона не замалчивал. Гуров знал, чего ждет подполковник, решил пойти навстречу:

— Зачем сразу в прокуратуру?

Серов, словно услышав мысли собеседника, кивнул.

— Ты не сердись, майор. Ты для нас чужой, тем более из Москвы, тебе все можно. Мне не прикажут и не намекут, однако осудят. Там ведь копать и копать, я лично в виновность Паши не верю. Однако служба.

Серов тербил лацкан пиджака, смотрел вопросительно.

— Выясните, когда и где завтра у Астахова тренировка. Утром позвоните, машину не надо.

— Спасибо, Лев Иванович. С Москвой будешь разговаривать, не плати. Номер и все расходы за наш счет.

Гуров не выдержал и рассмеялся, глядя в светлые наивные глаза Серова, кивнул.

— Спокойной ночи, Борис Петрович. — Попытался разгладить подполковнику лацкан пиджака, но тот был скомкан крепко.

За последние годы Гуров, конечно, повзрослел, и его часто величали Львом Ивановичем, и опыта поднабрался, и мастерства, а осталось в нем много и мальчишеского. Серьезный, взрослый человек станет пахать на чужом участке? Нет. Романтик он, Гуров.

Номер был действительно «люкс» — двухкомнатный, с тяжелой, солидной мебелью, мягкими паласами. На столе на тарелочке яйца, помидоры, хлеб. В холодильнике минеральная вода. Гуров только вошел, в дверь постучали, приоткрыли чуть.

— Чай? Может, молочка скипятить? — Голос женский, участливый.

Гуров широко шагнул, распахнул дверь.

— Добрый вечер. — Он поклонился невысокой полноватой дежурной. — Молоко. Пожалуйста!

— С пеночкой? — Женщина разглядывала Гурова участливо, словно больного.

— С пеночкой. Обязательно с пеночкой.

— Моментик, моментик. — Это чужеродное для простой русской женщины слово доконало Гурова окончательно.

Ах, ты бархатный, ты мой ласковый, смеясь, рассуждал он, снимая с яйца легко отделяющуюся скорлупу. И что же ты, интересно, наговорил? И соль не забыли. А молоко случайно, или ты Боро Ткаченко успел опросить? Я ведь Боре про молоко говорил.

Гуров поужинал, заказал разговор с Москвой.

Чуть больше суток назад он жил в этой гостинице, только в другом номере. Что такое в человеческой жизни сутки? Допустим, семьдесят лет умножить на триста шестьдесят пять... Лева начал пальцем выводить на скатерти цифры, запутался. Времени в сутках двадцать четыре часа. В них может быть много жизни и мало жизни. Часы можно просчитать, жизнь нельзя. Философствования Лева прервал телефонный звонок.

— Алло! Это вы, майор? — Голос Риты звучал отчетливо и близко. — Надеюсь, вы разговариваете со мной стоя?

— Здравия желаю! — Гуров действительно встал.

— Здравствуй... Вольно. Я, знаете ли, теперь разговариваю только с генералами. Сначала мне звонил генерал Турилин, потом генерал Гуров.

— Рита, дорогая, понимаешь...

— Понимаю! — Рита рассмеялась. — Не перебивай старших. Ты должен мне сказать, что неотложные дела задерживают тебя на два-три дня. Я тебе должна ответить, что понимаю, но мне надоело, и я завтра иду в театр с Альфредом.

— Почему с Альфредом? — Гуров растерялся.

— Ни фантазии, ни юмора. — Рита деланно вздохнула. — Как тебя держат в этой конторе? Если невеста положительного героя стержочка, то и соперник у него Альфред или Вольдемар.

— Понял. — Гуров сел, заулыбался. — А если не стержочка?

— Тогда она говорит, что любит его и будет ждать, пока он не достроит гидростанцию, не перекопает всю руду, не переловит всех проходимцев. Какая у вас погода, майор?

— Погода? — Он привстал, хотел посмотреть в окно, но там была застекленная ночь. — Лето, — не очень уверенно сказал он.

— Не лгите, майор. — Голос Риты изменился, стал серьезным. — Слушай, Лева, ты в порядке? Хочешь, я завтра прилечу?

— Хочу, — ответил Гуров. — Но ты не прилетай.

— Буду мешать?

— Конечно. Я же люблю тебя.

— Когда идем к Вечному огню, майор?

— Болтушка. Целую тебя. Завтра позвоню.

— Майор! — быстро сказала Рита. — Я должна первой положить трубку.

Жди. Целую. Все.

Начинаем публиковать работы, присланные на конкурс клубов карикатуристов.

В этом номере читатели познакомятся с рисунками членов клуба «КЛЮКВА» (Клуб Любителей Юмористической Карикатуры и Веселого Афоризма) из города Калининграда.

Клуб существует с 1974 года, участвовал уже в нескольких Всесоюзных и Международных конкурсах карикатуры.

Рисунок Игоря ПАЩЕНКО

Рисунки Алексея МЕРИНОВА, Москва

Рисунок Льва ГРИГО

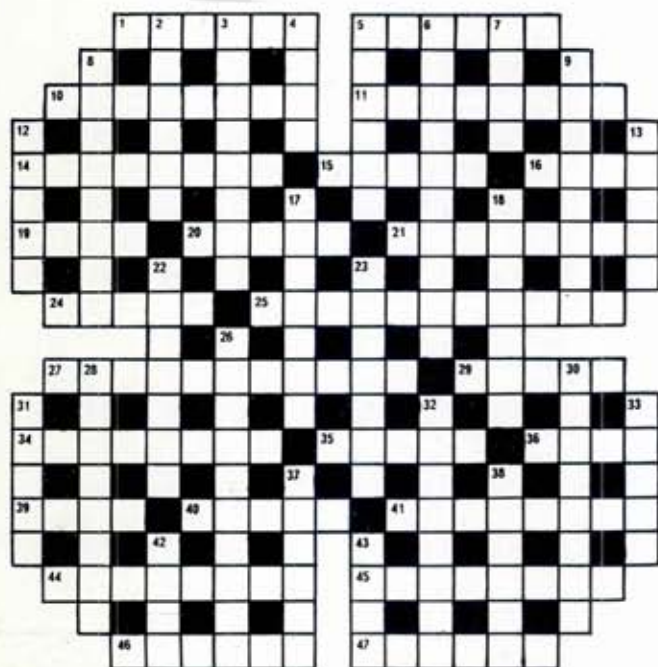

Рисунок Людмилы БУХАЧЕВОЙ

КРОССВОРД

Составила А. ВОРОНОВА, Москва

По горизонтали:

1. Растение, на котором аварские юноши загадывают имена любимых. 5. Горы—ореада, ручьи и реки—наяда, лес—... 10. Профессия Л. Дагера, одного из создателей фотографии. 11. Музыкант. 14. «Паганель уверял, что он ... Паганель видит ночью!» (Ж. Верн. «Дети капитана Гранта»). 15. Проворство, резвость. 16. Курорт, где долго жил А. П. Чехов. 19. Твердая корка на снегу. 20. Внезапное усиление ветра. 21. Астроном средневековья, наблюдавший за своей жизнью 15 солнечных и лунных затмений. 24. Рассказ из «Записок охотника» И. С. Тургенева. 25. Свойство многих железняков, исчезающее при высокой температуре. 27. Теория и практика счетоводства. 29. Город в Читинской области. 34. Расчет орудия, миномета. 35. «Увы, бедный ...! Я знал его, Горацио» (Шекспир. «Гамлет»). 36. Герой гражданской войны. 39. Берест, вяз, карагач (общее название). 40. Неполноценный продукт. 41. Зимнее повышение температуры воздуха. 44. Текст оперы, оперетты. 45. Французский физик, один из первооткрывателей кислорода. 46. Пряность. 47. Насекомое, личинкой проводящее 16 лет под землей, прежде чем стать взрослой особью.

По вертикали:

2. Швейцарский живописец, автор «Шоколадницы». 3. Главное изобретение конструктора С. И. Мосина. 4. Архипелаг, где основные острова Амами и Окинава. 5. Французская фамилия Дубровского в повести А. С. Пушкина. 6. Свойство, сохраняющее неизменность и вечность золота. 7. Календарное время события. 8. Внимательность, отзывчивость. 9. Первая в мире пластмасса, созданная А. Паркесом. 12. В греческой мифологии—Гера, в Римской—... 13. Сельскохозяйственная машина. 17. Персонаж оперы Д. Верди «Аида». 18. Щука ныряет, весь лес валает, горы подымает (загадка). 22. Население одного из социалистических государств. 23. Противодие. 26. Итальянский писатель, чьи слова: «Петербург—это окно, через которое Россия смотрит в Европу» А. С. Пушкин привел в примечаниях к «Медному всаднику». 28. Рыболов. 30. Район в Карелии, где найдены самые древние в Северной Европе мастерские по обработке меди. 31. Медицинский инструмент. 32. Первый вариант—черновик, окончательный вариант—... 33. Выходное отверстие русской печи. 37. Один из материалов, из которых Феофан Мухин в «Золотом тельнеке» делал картины. 38. Самый быстроногий хищный зверь. 42. Край, который М. Горький назвал историко-археологическим заповедником. 43. Пресноводная рыба.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПУБЛИКОВАННЫЙ В № 1

По горизонтали:

1. Магистр. 5. Пикадор. 9. Шотландка. 11. Уравнение. 14. Арлекин. 16. Курсив. 18. Хаксли. 19. Таджикистан. 20. Таис. 22. Ласи. 23. Неретва. 25. Дальтон. 26. Некк. 27. Отжиг. 28. Мста. 29. Суть. 30. Хоро. 31. ...куст... 33. Цинна. 35. Наем. 38. Человек... 39. Артишок. 40. Смит. 42. ...свет... 43. Отставание. 45. Челядь. 46. Тритон. 47. «Тегеран». 51. Иордосфера. 52. Окисление. 53. Енакиев. 54. Бабушка.

По вертикали:

1. Метерлинк. 2. Графит. 3. Сода. 4. Реал. 5. Паук. 6. Кран. 7. Дункан. 8. Ренессанс. 9. Шикотан. 10. Кружево. 12. ...риксдаг. 13. Единица. 15. Ейка. 17. Валентность. 18. Халькопирит. 21. Секстет. 22. Ломонос. 24. Аттик. 25. Диана. 31. Кусачки. 32. Счисление. 33. Центнер. 34. Аргамак. 36. Акватинта. 37. Метание. 41. Филе. 43. Одесса. 44. Ералаш. 47. «Тени». 48. Гаев. 49. Ромб. 50. Нимб.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописных страницы) редакцией не рассматриваются.

Сдано в набор 04.12.85. Подписано к печати 17.12.85. А 04684. Формат 70x108¹/₁₆. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1 165 000 экз. Изд. № 88. Заказ № 2049. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Венгерские джазовые фестивали не принадлежат к числу гигантских, по масштабу они уступают многим в Европе, но их отличает особый настрой. Помимо Будапешта, джаз-фестивали в разное время года проходят в Секешфехерваре, Сегеде, Надьканиже, Дебрецене.

...Дебрецен. Утром в гостинице «Золотой бык» вас будят солнце и городские куранты. На единственном трамвайчике отправляетесь в парк и, чуть пройдя по лесу, оказываетесь перед огромным естественным амфитеатром, в центре которого уютная диким виноградом открытая эстрада. Это только одна из пяти площадок фестиваля наряду с Дворцом спорта, Бартоковским камерным залом, Домом культуры и просто лужайкой перед ним. На ней бигбэнд Венгерского радио дал большой бесплатный концерт для горожан, которые, расположившись прямо на траве, образовали живописный табор.

Зачастую масштаб фестиваля принято определять по калибру и числу «звезд». Дебреценские «звезды» не были ослепительно крупны. И тем не менее музыки скучной, неинтересной практически не исполнялось на восьми полных концертах этого фестиваля. Здесь

непрерывающийся контрапункт импровизаций, необычайно плотный, похожий на затянувшуюся двойную каденцию. Немцы — большие мастера по части свободных форм, взрывчатых фраз и спонтанных импровизаций.

Созетский джаз, который был представлен Таллинским джаз-квartetом (Тийт Паулус — гитара, Арво Пиллироог — кларнет, Хельмут Анико — вибрафон и Тааво Реммель — контрабас), тоже имел свой особый облик. Тонкое кружево звуков, переплетение ледяных узоров, хрустальная прохлада музыки стиля кул. Зато когда вместе с ними вышла петь Татевик Оганесян, выплеснулись эмоции, «стало жарко».

«Усредненного» джаза вообще давно нет. Есть искусство музыкантов, которое столь же разнообразно и многолико, как различны их артистические

натуры, таланты и темпераменты. Я бы даже сказал, что мы стоим на пороге нового этапа в мировом джазе, когда национальные границы отдельных направлений начинают размываться. Сегодня внутри старых и новых национальных джазовых школ возникают явления, которые невозможно уместить в прежние национальные рамки. Взять тот же союз эстонских инструменталистов и армянской певицы. Так же, как старый джаз, возникший в виде местного американского феномена, развился в мировую культуру, так и посаженные им зерна на различных этнических почвах дают теперь интернациональные побеги. Рождаются новые синтезы, новые сплавы.

На сцене — квартет: латиноамериканец Нана Васконселос и индеец Трилок Гурту, оба барабанщики яркого национального стиля, перебарываются короткими фразами, играя то на азиатских, то на афрокубинских ударных. Другой индеец, Лакшминараяна Шанкар, синтезирует на двухгрифной электронной скрипке собственной конструкции удивительный полиаккорд, который тянется куда-то в заоблачные выси. А на этом фоне лидер скандинавской джазовой школы норвежец Ян Гарбарек рождает на сопрано-саксофоне удивительные по красоте инструменталь-

БОЛЬШОЙ МАЛЕНЬКИЙ ФЕСТИВАЛЬ

ДВА ВИРТУОЗА — АМЕРИКАНСКИЙ ГИТАРИСТ ЛЭРРИ КОРИЕЛЛ И ВЕНГЕРСКИЙ КОНТРАБАСИСТ АЛАДАР ПЕГЕ.

хорошо играли и хорошо слушали. И за кулисами не было никакой нервозности: фестивалем руководили один человек (заведующий джазовой редакцией Венгерского радио Имре Киш) да три-четыре его помощника.

Венгерский джаз выглядел солидно. Помимо его старейшины Аладара Пеге, блеснул и один из новых лидеров — саксофонист Антал Лакатош. Ему еще нет тридцати, а он уже мастер мирового класса. Творчески развивая классические джазовые традиции, Антал свободно владеет современной гармонией и фразировкой.

Ветераны стараются не отставать от молодых. Профессор Янош Гонда, преподаватель джаза, выступил со своими учениками. Концерт как урок. Дьердь Вукан, оторвавшись от сочинения музыки для кино, выступил со своим «Супертрио». Барабанщик Имре Кёсеги собрал новый большой ансамбль.

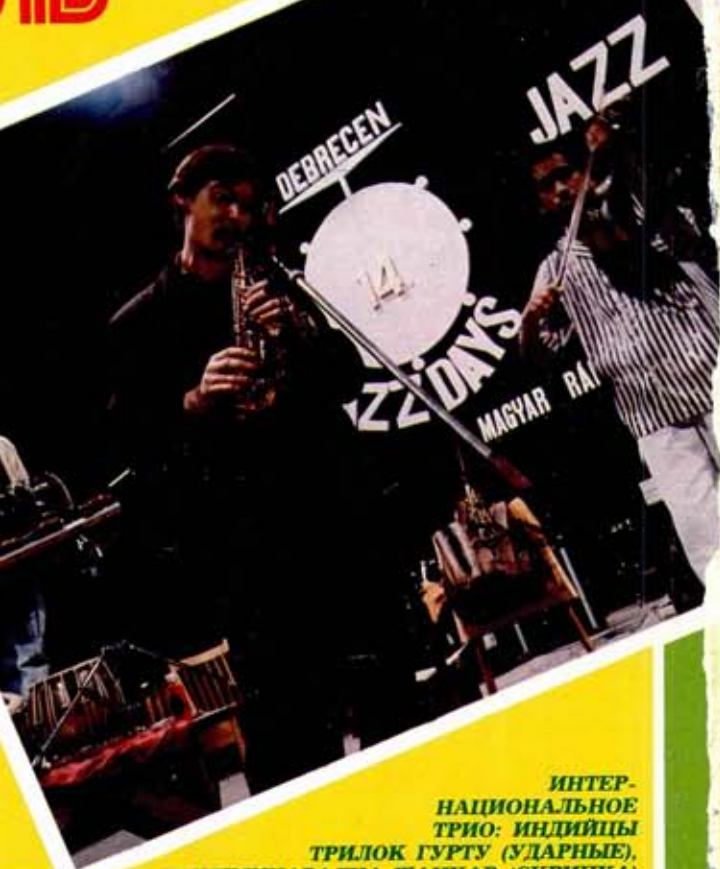
Казалось бы, не так еще давно были слышны пораженческие утверждения о всемирной экспансии, экспорте и импорте некоего «усредненного» джаза. А в действительности в каждой стране джаз приобрел какие-то свои черты. Например, болгары и словаки увлекаются джаз-роком и фьюжн. Чехи — пианист Карел Ружичка и гитарист Рудольф Дашек — плетут

ДЖО ЗАВИНУЛ ОПЕРИРУЕТ СВОИМИ МУЗЫКАЛЬНО-КИБЕРНЕТИЧЕСКИМИ УСТРОЙСТВАМИ.

Цена номера 35 коп.
Индекс 70820

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ ТРИО: ИНДИЙЦЫ ТРИЛОК ГУРТУ (УДАРНЫЕ), ЛАКШМИНАРАЯНА ШАНКАР (СКРИПКА) И НОРВЕЖЕЦ ЯН ГАРБАРЕК (САКСОФОН).

ные песни. Пианист и композитор, руководитель одного из американских ансамблей «Прогноз погоды» Джо Завинул управляет один с добрым десятком клавишных и кнопочных современнейших кибернетических устройств. Окруженный ими, он похож на оператора энергосистемы или диспетчера завода-автомата. Он порой сам немало удивлен сюрпризами своенравных музыкальных роботов. Но еще удивительнее другое: его музыка не содержит ничего американского, ничего привычно «джазового», никаких следов блюза или рэгтайма. Это какая-то причудливая восточноевропейская смесь венгерского чардаша, молдавской дойны и даже украинской коломыйки... Символичен был и финал фестиваля: два виртуоза — американский гитарист Лэрри Кориелл и венгерский контрабасист Аладар Пеге — устроили настоящий музыкальный марафон на сцене, в котором, конечно же, не было побежденных.

В Дебрецене звучала музыка и царила музыка. Увиденное и услышанное рождало вопросы, ответы на которые я находил в опыте этого джаз-фестиваля. Маленького фестиваля, который оказался таким большим.

**Алексей БАТАШЕВ.
Фото Тибора МЕНЧЕЛИ**